ОССІАНЪ,

СЫНЪ ФИНГАЛОВЪ,

БАРДЪ ТРЕТЬЯГО ВѢКА:

ГАЛЬСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Переведены съ Французскаго

Е. Костровымъ.

Часть Вторая.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи

у В. Окорокова.

1792.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Осіанъ, сынъ Фингаловъ, Часть II, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Логики и Метафизики Профессоръ, и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНДРЕЙ БРЯНЦЕВЪ.

КАРТОНЪ.

ПОЭМА.

Содержаніе.

Клессаморъ, сынъ *Гаддовъ*; и братъ *Морины*, *Фингаловой* матери, занесенъ былъ бурею къ городу *Барклутъ*, которой стоялъ на берегахъ рѣки *Клуты*, или *Клида*, и принадлежалъ Британцамъ. *Рютамиръ*, самый знаменитый онаго житель, принялъ его дружески и выдалъ за него единородную дочь свою *Моину*. Британецъ, именемъ *Рюла*; влюбленный въ *Моину*, оскорбляетъ гордыми словами *Клессамора*. Они выходятъ на поединокъ. *Рюла* убитъ; но прочіе Британцы его друзья нападаютъ на *Клессамора*, и онъ принужденъ бѣжать и удалиться въ *Морвенъ* къ *Комгаллу* отцу *Фингалову*. *Моина* осталась отъ него беременна, родила сына и вскорѣ послѣ того умерла. *Рютамиръ* назвалъ сына ея *Картономъ*, то есть, шумъ волнъ, по причинѣ бури, которая занесла отца его къ *Барклутѣ*. *Картонъ* былъ еще трехъ лѣтъ, когда *Комгалъ*, воюя противъ Британцевъ, взялъ и сжегъ *Барклуту*.

Картонъ спасенъ своею кормилицею: она убѣжала съ нимъ въ дальную провинцію Великобританіи. Возмужавъ, рѣшился онъ несчастіе своего отечества отмстить на потомкахъ *Комгаловыхъ*. Онъ съ малымъ воинствомъ приплылъ къ *Морвену*, чтобъ напасть на *Фингала*. Здѣсь начинается дѣйствіе поэмы. *Клессаморъ* находится въ войскѣ *Фингалова*. *Картонъ*, его сынъ, предводительствуетъ Британцами; они другъ друга не знаютъ и сражаются между собою.

Случаи временъ претекшихъ, дѣянія прежде бывшихъ Героевъ! воскресните въ моихъ пѣснях! О *Лора*! журчаніе твоихъ источниковъ обновляетъ въ памяти моей прошедшее. Шумъ твоихъ лѣсовъ, о *Гермалладъ*! пріятенъ моему слуху. Не видишь ли ты, *Мальвина*, сея скалы увѣнчанной кустарникомъ? Три старыя сосны склонились съ ея утесистаго чела; при стопахъ ея простирается цвѣтущая долина. Тамо блистаетъ горный цвѣтъ; при дыханіи зефира потрясаетъ онъ своею головкою; тамъ растетъ уединенный терновый кустъ, котораго сѣдые власы служатъ игралищемъ вѣтру. Два камня, вростшіе до половины въ землю, показываютъ верьхи свои покрытые сѣдымъ мохомъ; горная серна убѣгаетъ, видя тѣнь, стрегущую сіе священное мѣсто. Два знаменитые Героя, о *Мальвина!* покоются въ сей долинѣ.

Слу-

.... Случаи временъ претекшихъ, дѣянія преждебывшихъ Героевъ! воскресните въ моихъ пѣснях. Кто возвращается изъ земли чуждыхъ, окруженъ тысящію своихъ сильныхъ? Знамя *Морвена* распростертое на воздухъ ему предшествуетъ; его густые власы противоборствуютъ, кажется, горнымъ вѣтрамъ. На ласковомъ его лицѣ не врятся уже свирѣпыя черты брани. Онъ спокоенъ, какъ вечерній лучь, свѣтящій сквозь облако на смѣющуюся долину *Коны*. Кто, какъ не *Фингалъ*, сынъ *Комгала*, владыка прославленный своими подвигами? Еще съ радостію видитъ онъ свои холмы; онъ повелѣлъ Бардамъ воспѣть, и вдругъ тысяща гласовъ возвысились.

Побѣгли вы на поляхъ своихъ, вы сыны земли дальнія. Царь вселенныя, сидя въ своихъ чертогахъ, извѣщается о гибели своихъ ратниковъ; онъ стремитъ взоры гнѣва, и схватываетъ мечь отцевъ своихъ. Побѣгли вы сыны земли дальнія.

Тако пѣли Барды, вступя въ чертоги *Сельмы*. Возжигаются тысяща свѣтильниковъ, отъятыхъ *Фингаломъ* у иноплеменныхъ. Пиршество уготовано, и ночь проходитъ въ радости. Гдѣ *Клессаморъ*, рекъ *Фингалъ*, гдѣ вѣрный отца моего спутникъ, гдѣ онъ въ день веселія *Фингалова*? Уединенъ и печаленъ провождаетъ онъ жизнь свою въ долинѣ *Лоры*.... Но я его вижу: стремится

онъ съ холма какъ бодрый конь, который по вѣянію вѣтра чувствуетъ издалече товарищей своихъ въ долинѣ, бѣжитъ и развѣваетъ по возлуху блистающую свою гриву. Здравіе *Клессамору*! по что такъ долго не зримъ тебя въ *Сельмѣ*?

И такъ возвратился *Фингалъ* въ славѣ торжества? отвѣтствуетъ *Клессаморъ*. Такъ возвращался *Комгалъ* отъ браней своей младости. Часто протекали мы источникъ *Карума*, дабы устремиться на сыновъ чуждыхъ; мечи наши обагрялись кровію, не радовались Цари міра.

Но по что воспоминать битвы моей юности? бѣлѣютъ уже старостію власы мои. Рука моя отвыкаетъ напрягать лукъ, и тяжелое копіе не для моей уже десницы.

Ахъ! когда ощущу я радость, какую чувствовалъ при первомъ взглядѣ на любезную дщерь иноплеменныхъ, на бѣлогрудую *Моину*?

Повѣждь намъ, вѣщаетъ *Фингалъ*, случаи твоей младости; какъ солнце облакомъ, помрачается прискорбіемъ душа *Клессамора*; единъ, на брегахъ *Горы*, углубляешься ты въ печальныхъ только мыслях. Скажи намъ, какое несчастіе омрачило нѣкогда благополучные твои дни?

Во дни мира, отвѣтствуетъ *Клессаморъ*, прибылъ я въ *Балклуту*. Ѣтры свирѣпствовали въ моихъ парусахъ, и волны *Клу-*

ны пріяли корабль мой устремленный бурею. Три дни пребылъ я въ чертогахъ *Рютамира*. Очи мои занимались прелестями его дщери Мирная чаша ходила кругомъ, и почтенный сѣдинами Герой вручилъ мнѣ прекрасную *Мону*. Ея выя подобна была пѣнѣ волнъ; очи ея какъ блистающія въ ночи звѣзды; перья врана не такъ черны, какъ ея власы. Душа ея благородна и нѣжна: неизреченна была любовь моя къ *Моне*, и сердце мое изливалось въ радостяхъ.

Вождь иноплеменный, любившій также *Мону*, приходитъ въ чертоги *Рютамира*. Гордости исполнена была его бесѣда. Часто извлекалъ онъ мечь свой до половины. Гдѣ могущественный *Комгалъ*, говорилъ онъ, гдѣ неутомимый сей ратоборецъ? Безъ сомнѣнія идетъ онъ съ воинствомъ въ *Барклуту*, когда *Клессаморъ* толико дерзостенъ.

Познай, вѣщаю я, познай; душа моя собственнымъ воспламеняется жаромъ, и я безтрепетенъ среди тысящи сопостатъ, хотя сильные мои отъ меня далече. Иноплеменный! ты говоришь гордо *Клессамору*, видя, что онъ одинъ. Но мечь мой сотрясается уже при бедрѣ моей, желая блистать въ моей десницѣ. Престань говорить о *Комгалѣ*, сынъ излучистой *Клуты*.

Раздражилась гордость его. Мы сражались; онъ палъ мечемъ моимъ. Брега *Клуты* возгремѣли его паденіемъ. Вдругъ тысяча копій блистаютъ вокругъ меня; я противоборствую; но сыны чуждые преодолѣли. Я пустился на волны *Клуты*. Бѣлые мои парусы возвысились надъ водами, и мой корабль скачетъ уже на лазуревыхъ хлябяхъ Океана.

Моина приходитъ на брегъ. Очи ея омрачились слезами; черные власы ея развѣвались по волѣ вѣтровъ; я слышалъ ея крики; многократно покушался я возвратиться ко брегу, но вѣтры восточные увлекли корабль мой. Съ сего роковаго часа не видалъ я *Клуты*, не видалъ уже прелестной *Моины*. Она скончалась въ стѣнахъ *Балклуты*. Я видѣлъ тѣнь ея. Я узналъ ее, когда она явилась мнѣ во мракѣ на журчащихъ волнахъ *Лоры*. Она подобна была новому мѣсяцу, сокрытому за густымъ облакомъ, когда идетъ крупный снѣгъ, и когда безмолвіе и мракъ обладаютъ вселенною.

Воспойте хвалы прелестной *Моинѣ*, рекъ *Фингалъ* своимъ Бардамъ; воспойте, пусть ваши пѣсни призовутъ тѣнь ея на холмы наши, да сія нещастная успокоится съ красотами *Морвена*, свѣтилами вѣковъ протекшихъ и любовію преждебывшихъ Героевъ. Я самъ видѣлъ *Балклуту*. Она была уже пуста. Пламень разрушилъ ея домы. Не слы-

шно

шно было человѣческаго гласа. Теченіе рѣки ея сокращено упадшими стѣнами. Повсюду колеблется уединенный терновникъ, и густой мохъ бесѣдуетъ тихо съ вѣтрами. Пустынные звѣри обитаютъ въ жилищѣ человѣковъ; они выглядываютъ изъ среды развалинъ; вокругъ головъ ихъ развѣваются дикія травы. Опустѣло жилище *Моины*, безмолвіе царствуетъ въ чертогахъ отцевъ ея. Возгремите, о Барды! пѣсни печали, восплачьте надъ жребіемъ иноплеменныхъ: они пали прежде насъ; но скоро и мы падемъ. . . . О смертный, жертва быстрокрылаго времени! по что строишь ты чертоги? Нынѣ съ гордыхъ высотъ твоихъ простираешь ты свои взоры; нѣсколько еще лѣтъ, и вѣтръ пустынный возшумитъ въ твоихъ осиротѣлыхъ башняхъ, и будетъ свистѣть вокругъ полусгнившаго твоего щита. . . . Но пусть пріидетъ пустынный вѣтръ; дни наши пребудутъ незабвенны славою. Знаки моего мужества останутся на поляхъ брани, и мое имя въ пѣсняхъ Бардовъ. Воспойте, о друзья; пошлите кругомъ чашу пиршества; да возгремятъ чертоги мои восторгами радости. . . . О солнце, могущественное свѣтило! естьли и ты должно нѣкогда изчезнуть, естьли сіяніе твое временно, то слава моя переживетъ лучи твои.

Тако пѣлъ *Фингалъ* въ восторгахъ своей радости. Тысяща Бардовъ, сѣдящихъ вокругъ его, уклонились впередъ, дабы внимать гласу своего владыки, гласу подобному сладостнымъ звукамъ арфы, принесеннымъ на крылахъ весеннихъ зефировъ. Каждая мысль твоя, о *Фингалъ!* была любевна и пріятна. По чио душа *Оссіанова* не имѣетъ силы души твоей? Но ты не имѣешь себѣ подобнаго во вселенной, о родитель мой! и кто равенъ владыкѣ *Морвена?*

Ночь прешла въ пѣснѣхъ, и утро узрѣло насъ въ веселіи. Уже являются сѣровапые горъ верьхи; уже царствуетъ усмѣшка на лазоревой поверьхносіпи морей. Вдругъ увидѣли сѣдую волну разрушенну при отдаленной скалѣ. Изъ глубины озера возвышается медленно густой туманъ, и преобразясь въ видъ старца, простирается вдоль молчаливой ровнины. Не движутся въ шествіи члены сего страшнаго призрака; тѣнь нѣкая несетъ его по воздуху; остановился онъ надъ чертогами *Сельмы* и пролился въ дождъ кровавомъ.

Одинъ *Фингалъ* усмотрѣлъ грозное сіе чудовище, и предузналъ смерть ратоборцевъ. Безмолвенъ входитъ онъ въ свои чертоги и беретъ копіе отца своего. Уже броня звучитъ на его груди. Сильные *Морвена* стали вокругъ его; въ молчаніи смотрятъ они другъ на друга, и примѣчаютъ взоры *Фингала*. Они видятъ брань на лицѣ его, и

смерть

смерть народа въ движеніи копія его. Тысяща мечей сверкаютъ въ чертогахъ *Селмы*. Звукъ оружія раздается въ воздухѣ. Ловчіе псы воютъ изумленны и неподвижны. Ни единаго слова не исходитъ изъ устъ ратниковъ: каждой, устремя взоры свои во взоры *Фингала*, подъемлетъ копіе свое.

Чада *Морвен!* вѣщаетъ владыка, не нынѣ время пиршествъ. Темный облакъ сраженій приближается, и смерть носится надъ страною нашею. Нѣкая тѣнь, другъ *Фингалов*, извѣстила насъ о сопостатѣ. Мрачное море стремитъ на брега наши сыновъ чуждыхъ. Я видѣлъ востекшее отъ озера чудовище, знакъ вѣрный опасности *Морвена*. Да каждый изъ васъ ополчится тяжелымъ своимъ копіемъ, и препояшетъ при бедрѣ мечь отца своего. Да покроетъ главу каждаго темновидный шлемъ, и непроницаемыя латы да блистаютъ на ребрахъ вашихъ. Буря брани устремляется на насъ, и скоро услышите вы рыканіе смерти.

Шествуетъ *Фингалъ* предъ своимъ воинствомъ, какъ страшный облакъ, предтекущій цѣлой связи облаковъ, отягченныхъ огнями небесными, когда она простирается по ночному небу, и предвѣщаетъ мореплавателямъ бурю. Воинство остановилось на высотѣ *Коны*. Дщери *Морвенскія* смотрятъ на него изъ долины, и почитаютъ дремучимъ лѣсомъ. Онѣ трепещутъ о жизни юныхъ сво-

своихъ любовниковъ. Со ужасомъ взираютъ онѣ на море; бѣлыя волны обманываютъ взоръ ихъ; онѣ почитаютъ ихъ отдаленными парусами, и въ томныхъ очахъ ихъ трепещутъ слезы.

Солнце повлащаетъ уже волны, и мы узрѣли вдали флотъ. Онъ приближился, бодрые ратоборцы исходятъ на брегъ. Вождь ихъ возвышается посреди ихъ какъ елень посреди сернъ. Величественно шествуетъ онъ къ *Селмѣ*, за нимъ его воители. Гряди *Уллинъ*, рекъ *Фингалъ*, гряди къ сему иноплеменнику, и вѣщай сму словеса мира. Скажи, что мы страшны въ бранѣхъ, что тѣни враговъ нашихъ носятся тысящами на выбяхъ воздушныхъ, и что пировавшіе со мною иноплеменники увѣнчанны славою. Они показываютъ оружіе отцевъ моихъ въ странахъ отдаленныхъ. Сыны чуждыхъ удивляются имъ, и благословляютъ друзей *Морвенскаго* племени; зане славою нашего имени исполнена вселенная, и Цари міра трепещутъ насъ въ своихъ собственныхъ чертогахъ.

Уллинъ шествуетъ съ пѣснію. *Фингалъ* склонился на свое копіе; онъ увидѣлъ страшнаго своего сопостата, и еще издалече восхваляетъ его. Коль величественно твое шествіе, сынъ Океана! Мечь твой подобенъ огню все пожирающему, копіе твое долговѣчной соснѣ противоборствующей бурямъ. Премѣнное лице луны не ширѣ твоего щита;

на лицѣ твоемъ блистаютъ ровы юности; черные и нѣжные власы твои развѣваются кудрями на раменахъ твоихъ. . . . Но сіе гордое древо можетъ пасть, и память его съ нимъ погибнетъ. Дщерь иноплеменная будетъ скорбѣть, и устремитъ съ печалію взоръ свой на волны. Чада ея скажутъ: мы видимъ корабль, плыветъ въ немъ можетъ быть Царь *Балклуты*. Слезы потекутъ изъ очей ихъ матери. Она будетъ думать о Героѣ, которой почіетъ уже тогда въ странѣ *Морвена*.

Тако вѣщалъ *Фингалъ*, когда *Уллинъ* приближился къ *Картону*. Три краты уклоня предъ нимъ копіе свое, возгремѣлъ онъ пѣснь мира: гряди пиршествовать съ *Фингаломъ*, о *Картонъ*! гряди, или возвысь копіе брани; облаки наполнены тѣнями сопостатъ наших; но друзья наши увѣнчанны славою. Воззри на сіе поле, *Картонъ*, вижль на веселыхъ сихъ холмахъ покрытые травою и мохомъ камни: это гробы враговъ *Фингаловыхъ*.

Бардъ *Морвена*! отвѣтствуетъ *Картонъ*. или думаешь ты, что слабому говоришь воителю? Уже ли примѣчаешь на лицѣ моемъ блѣдность ужаса? Какъ хочешь повергнуть душу мою въ смущеніе, говоря о падшихъ ратоборцахъ? Десница моя знаменита во бранѣхъ, и слава моя далеко простерлась. Гряди къ безсильнымъ, имъ совѣтуй пока-

покаряться *Фингалу*. Я врѣлъ паденіе *Балклуты*, и мнѣ пиршествовать съ сыномъ *Комалловымъ*, съ сыномъ того, кто разрушилъ пламенемъ чертоги отца моего! Я былъ еще отрокомъ, и не зналъ, для чего плакали юныя дѣвы. Мнѣ весело было смотрѣть на столпы дыма, восходящіе превыше стѣнъ нашихъ; часто обращалъ я взоръ свой, и съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ бѣжали вдоль холма друзья наши. Прешли лѣта отрочества, и я узрѣлъ густой мохъ на развалинахъ стѣнъ нашихъ. Вздохи мои начинались съ восходомъ денницы, и слезы мои текли еще во мракѣ наступившей ночи. Не ополчусь ли я, говорилъ я самъ себѣ, противу сыновъ сопостатовъ моихъ? . . . Такъ, Бардъ, я ополчуся противу ихъ; сила крѣпости моей воспрянула.

Сильные окружаютъ *Картона*, вдругъ извлекаютъ блистающіе мечи. Слеза готова выкатиться изъ очей его; онъ думалъ о паденіи *Балклуты*, и весь гнѣвъ соединенный въ серцѣ его воспламеняется. Онъ возрѣлъ на холмъ, гдѣ Герои наши блистали въ своемъ оружіи. Онъ потрясъ копіемъ своимъ, и уклоняся впередъ, казалось, грозилъ онъ владыкѣ *Морвена*.

Сразиться ли мнѣ съ *Картономъ*? рекъ *Фингалъ* въ душѣ своей: остановить ли его среди его теченія, и доколь еще не возсіяла слава его? Но будущіе Барды, видя гробъ его,

его, скажутъ: да побѣдитъ *Картона*, *Фингалъ* вышелъ съ тысящію своихъ сильныхъ... Нѣтъ, Барды, вы не умалите моей славы. Герои мои сравятся съ юнымъ симъ ратоборцемъ, *Фингалъ* будетъ врителемъ. Естьли восторжествуетъ *Картонъ*, я теку съ холма, и стремлюсь на побѣдителя. . . Кто хочетъ изъ сильныхъ моихъ ополчиться противъ *Картона*? Ратники его многочисленны на брегѣ, и его копіе ужасно.

Католъ воздвигся въ крѣпости своей. Триста юныхъ ратниковъ его племени ему сопутствуютъ. Но слаба десница его противъ *Картона*: онъ палъ, и его воины обратились въ бѣгство. *Конналъ* простирается мстить смерть *Катола*. Копіе его преломилось, онъ поверженъ и связанъ. *Картонъ* гонитъ его ратоборцевъ.

Клессаморъ! вѣщаетъ *Фингалъ*, гдѣ твое копіе? Можешь ли ты видѣть *Конала* связанна, *Конала*, твоего друга, жившаго съ тобою на брегахъ *Лоры*? Востани въ силѣ твоей, храбрый спутникъ *Комгала*; возгреми блестящимъ твоимъ оружіемъ; пусть юный Герой *Балклуты* познаетъ мужество сыновъ *Моренскихъ*.

Клессаморъ восталъ, потрясая сѣдыми кудрями; онъ пріемлетъ щитъ и шествуетъ въ величественной бодрости къ сопостату. *Картонъ* стоитъ на холмѣ увѣнчанномъ кустами, и взираетъ на грядущаго со-

по-

постата. Ему пріятно было видѣть грозное веселіе чела его, и силу крѣпости въ почтенныхъ сѣдинахъ. Подняти ли мнѣ копіе противу сего старца, рекъ онъ самъ себѣ, копіе, которое никогда не ударяетъ дважды? или пощадить жизнь его, простирая къ нему словеса мира? Коль величественно его шествіе, коль любезна старость его! Естьли бы то былъ супругъ *Мойны*, отецъ *Клартона!* .. Часто слыхалъ я, что живетъ онъ на шумящихъ брегахъ *Моры*. Тако говорилъ *Картонъ*. *Клессаморъ* приближился и возвысилъ копіе свое. Юный иноплеменникъ преемлетъ ударъ щитомъ своимъ. Сѣдовласый Герой! вѣщаетъ онъ *Клессамору*, или нѣтъ въ *Морвенѣ* младыхъ ратоборцевъ? Развѣ нѣтъ у тебя сына, могущаго освятить тебя щитомъ своимъ и сражаться со мною? Среди ли живыхъ супруга твоей нѣжности, или плачетъ она надъ гробами чадъ твоихъ? Единъ ли ты изъ Царей могущественныхъ, и какова будетъ слава моя, естьли мечь мой поразитъ тебя?..... Слава твоя, высокомѣрный юноша, будетъ велика: я ознаменитъ подвигами, и никогда не открывалъ имени своего врагу: покорись мнѣ, и тогда узнаешь, что мечь мой во многихъ битвахъ омывался кровію сильныхъ..... Я никогда не покарялся, отвѣтствуетъ великодушный *Картонъ*. Я самъ сражался на гремящихъ поляхъ брани, побѣждалъ сильныхъ, и бу-

дущее обѣщаетъ мнѣ еще славу. Не презирай младости моей. Десница моя крѣпка, копіе мое страшно. Повѣрь мнѣ, удалися къ друзьямъ твоимъ, оставь битву юнѣйшимъ ратоборцамъ.

Почто уловляешь ты сердце мое? отвѣтствуетъ *Клесса́моръ*, проливая слезу Не трепещетъ еще рука моя отъ старости: я могу еще владѣть мечемъ. . . . Мнѣ бѣжать въ очахъ *Финга́ла*, въ очахъ Героя толико мною любимаго! Нѣтъ, юный иноплеменникъ, возвысь копіе и защищайся.

Они сражаются. *Картонъ* воспящалъ копію своему поражать старца: всегда мнилъ онъ видѣть въ сопостатѣ своемъ супруга *Моины*. Онъ преломляетъ блестящее копіе *Клесса́морово*, исторгаетъ мечь его, и схвативъ его, готовится уже связать его узами; но *Клесса́моръ* извлекъ кинжалъ отцевъ своихъ, и вонзилъ его въ непокровенныя ребра сопостата.

Финга́лъ, видя *Клесса́мора* поверженна; воздвигся; при громѣ его оружій, и при видѣ его безмолвствуетъ воинство: каждаго взоры устремлены къ нему. Тако звѣролове́цъ странствующій въ долинѣ, слыша глухой и печальной шумъ предшествующій бурямъ, удаляется въ пещеру камени.

Картонъ ожидаетъ *Финга́ла* съ бодростію. Кровь изъ раны его течетъ ручьями. Онъ зритъ шествіе Царя *Морвенскаго*, и на-

дежда славы воспрянула въ душѣ его, но ланиты его блѣднѣютъ, распущенные власы его развѣвались по раменамъ. Качается шлемъ на главѣ его, изчезаютъ силы *Картона*, но душа его тверда въ своей бодрости.

Фингалъ видитъ кровь Героя, и удерживаетъ ударъ подъятаго копія. Покорись, вѣщаетъ онъ ему, покорись юный ратоборецъ! я вижу кровь твою; страшенъ былъ ты въ битвѣ, и слава твоя никогда не умолкнетъ.

Ты ли оный Герой толико славный, вопрошаетъ *Картонъ*, оное грозное созвѣздіе смерти, устрашающее Царей міра? Но могу ли я въ томъ сомнѣваться? Я зрю въ тебѣ силу гремящихъ источниковъ, и быстроту орла небеснаго. Ахъ! для чего не могъ я сражаться съ Царемъ *Морвена*? Мое имя было бы знаменито въ пѣснѣхъ Бардовъ, и ловецъ, видя гробъ мой, сказалъ бы: онъ противоборствовалъ *Фингалу*. Но, увы! *Картонъ* умираетъ безвѣстенъ: противу слабыхъ истощилъ онъ силы свои.

Нѣтъ, ты не умрешь безвѣстенъ, отвѣтствуетъ *Фингалъ*; Барды мои многочисленны, и пѣсни ихъ пренесутся отъ рода въ родъ. Чада потомства будутъ бесѣдовать о славѣ *Картона*, когда во время ночи, сидя вокругъ зажженнаго дуба, воспоютъ они дѣянія временъ претекшихъ. Ловецъ, по-

покоящійся на полѣ, услышитъ свистъ вѣтровъ, подъиметъ главу свою, и увидитъ камень, гдѣ палъ могущественный *Картонъ*. Онъ обратится къ сыну своему и покажетъ мѣсто, гдѣ сражались Герои. Тамо, скажетъ онъ, тамо противоборствовалъ Царь *Балклутскій* множеству сильныхъ.

Радость вовсіяла на челѣ *Картона*. Онъ подъемлетъ отяготѣвшія вѣжди свои, и вручаетъ мечь свой *Фингалу*. Желаетъ, да останется онъ въ его чертогахъ, и да память Царя *Балклуты* пребудетъ вѣчно въ *Морвенѣ*. Барды возгремѣли пѣснь мира. Сраженіе престало. Воители *Балклуты*, соединясь вокругъ умирающаго своего вождя, уклонились въ безмолвіи на копья свои, дабы внимать послѣднимъ его словамъ: томный и печальный гласъ его едва уже изливается.

Владыка *Морвена*! я увядаю среди моего теченія; чуждый гробъ пріиметъ меня во цвѣтѣ дней моихъ, меня, послѣднюю отрасль племени *Рютамирова*. Безутѣшное сѣтованіе царствуетъ въ *Балклутѣ*, и мрачная печаль въ *Кратмѣ*. Но воскреси память мою на брегахъ *Поры*, гдѣ жили мои предки: можетъ быть супругъ *Моины* восплачетъ о смерти сына своего *Картона*.

Слова его достигли до сердца *Клесаморова*. Безмолвенъ палъ онъ на своего сына. Воинство молчитъ и цѣпенѣетъ. Ни

единаго гласа не слышно въ поляхъ *Поры*. Ночь приближилась; восходящая луна освѣтила поле ужаса. Неподвижные ратники подобны дремучему лѣсу, котораго спокойная глава возвышается на *Гормалѣ*, когда безмолвствуютъ вѣтры, и когда равнина мрачна и тиха покоится подъ крылами осени.

Три дни скорбѣли мы о *Картонѣ*, въ четвертый пресѣклась жизнь отца его. Оба они, о *Мальвина!* покоятся въ долинѣ, лежащей при подножіи сея скалы. Мрачный призракъ стрежетъ ихъ гробницу; часто видятъ тамъ любезную *Моину*, когда солнце устремляетъ нѣкій лучь на скалу, и когда въ окружностяхъ царствуетъ мрачность. Видятъ ее тамъ, о *Мальвина!* она отлична отъ дѣвъ холмовъ нашихъ. Одежда ея чужестранная, и сія красавица всегда ходитъ уединенна.

Фингалъ пролилъ слезы о *Картонѣ*. Онъ повелѣлъ Бардамъ каждый годъ по возвратѣ осени прославлять пѣніемъ день смерти юнаго иноплеменника. Они помнятъ его, и часто пѣли хвалы *Картону*.

Кто сей страшный ратоборецъ, текущій отъ шумящихъ волнъ Океана, какъ мрачный облакъ? Въ десницѣ его смерть, взоръ его какъ ярый пламень. Со громомъ стремится онъ по брегамъ *Поры*: кто, какъ не мужественный *Картонъ*? Ударами его низвергаютъ-

гаются сонмы ратниковъ. Воззри, колъ страшно, колъ быстро прелетаетъ онъ поле брани! Носится онъ, какъ грозный призракъ Героя *Морвенскаго*. Но упадаетъ сіе гордое, сіе величественное древо; сильный вихрь исторгъ его изъ корени. Когда возстанешь ты, любезный *Картонъ*, честь и радость *Балклуты*? Кто сей страшный ратоборецъ, текущій отъ шумящихъ волнъ Океана?

Тако пѣли Барды въ день печали своей. Я соединялъ гласъ мой съ ихъ пѣснями. Душа моя скорбѣла о смерти *Картона*: онъ погибъ въ полной силѣ своего мужества. И ты, величественный *Клессаморъ*, въ какихъ странахъ воздуха обитаешь ты? Юный твой сынъ забылъ ли язву, нанесенную рукою отца своего? Носится ли онъ съ тобою вмѣстѣ на крыльяхъ облачныхъ? . . . Но я чувствую теплоту солнца, о *Мальвина!* оставь меня успокоиться на минуту. Можетъ быть *Клессаморъ* и сынъ его посѣтятъ меня во снѣ. Кажется, что слышу я слабый ихъ голосъ. Солнце любитъ озарять гробъ *Картоновъ*. Я чувствую, онъ согрѣетъ его лучами.

О ты катящееся надъ нами свѣтило, круглое какъ щитъ отцевъ моихъ! откуда исходятъ лучи твои, о солнце? Гдѣ источникъ вѣчнаго твоего свѣта? Ты шествуешь въ величественной красотѣ твоей, и звѣзды скрываются въ тверди небесъ. Хладная лу-

на блѣднѣя погружается въ волнахъ запада. Ты едино движешься, о солнце! кто можетъ быть спутникомъ твоего теченія? Улады-ютъ горные лубы, самыя горы разрушаются лѣтами; Океанъ возъемлется и упадаетъ по-премѣнно; луна теряется въ зыбяхъ небес-ныхъ: едино ты не премѣняешься. Ты всег-да ликуешь въ блистательномъ твоемъ те-ченіи. Когда вселенная омрачается бурями, когда катятся по небесамъ громы, и бле-щутъ молніи: ты являешься изъ облаковъ въ полной красотѣ, и смѣешься гордымъ бурямъ.

Но увы! тщетно сіяешь ты для *Оссіана*. Онъ не видитъ уже лучей твоихъ, когда златыя твои кудри развѣваются на облакахъ востока, или дрожащій блескъ твой трепе-щетъ при вратахъ запада. Но можетъ быть ты временно, какъ и я, и лѣта твои некѣчны. Можетъ заснешь ты никогда въ глубинѣ облаковъ, и не будешь чувствите-ленъ ко гласу возстающаго утра.

Веселися убо, о солнце! въ силѣ твоей юности. Старость мрачна и досадна. Она подобна блѣдному свѣту луны, смотрящей сквозь облаки, раздробленныя вѣтромъ норда, расторгшимъ свои крѣпкія увы, когда хол-мы покрываются тумлномъ, и когда путе-шественникъ пронзенный хладомъ дрожитъ и цѣленѣетъ среди своего теченія.

СМЕРТЬ

СМЕРТЬ КУШУЛЛИНА.

Поэма.

Содержаніе.

Видѣли въ *Фингалѣ*, что *Артъ*, Государь всей Ирландіи, умирая, оставилъ наслѣдникомъ по себѣ сына своего *Кормика* еще въ отроческихъ лѣтахъ; что вожди племенъ собрался въ *Темору* для избранія попечителя юному Государю, и что выборъ палъ на *Кушуллина*. Въ третій годъ его правительства, а послѣ нападенія *Сварнова* спустя одинъ годъ, *Горлатъ*, сынъ *Кантела*, вождь Белгскихъ поселенцовъ, живущихъ въ полуденной *Ирландіи*, шелъ съ войскомъ своимъ къ *Темору* въ намѣреніи свергнуть *Кормика* съ престола. *Кушуллинъ* вышелъ противъ него, и заставъ его на берегахъ острова *Лега*, разбилъ его войско. *Горлатъ* палъ мечемъ *Кушуллиновымъ*; но самъ *Кушуллинъ*, гонясь съ жаромъ за бѣгущими, раненъ смертно стрѣлою, и два дни спустя умеръ на 27 году своей жизни. Слѣдствіе исторіи *Кормика* увидимъ въ поэмѣ *Теморѣ*. Настоящая же поэма, по увѣренію Г. *Макферсона*, ничто иное, какъ вводная повѣсть (эпизодъ) изъ большой *Оссіановой* поэмы о послѣднихъ *Фингаловыхъ* подвигахъ, которой большая часть не дошла до временъ нашихъ.

Шумящій ли вѣтръ ударяетъ во щитъ *Фингалова?* или это гласъ тѣни, странствующей въ моихъ чертогахъ? Продолжися, о сладкій и трогающій гласъ! звуки твои мнѣ пріятны, и разгоняютъ ужасъ ночи. Ты это, о *Брагела!* любезная дщерь *Сорглана*, продолжай твое пѣніе: не парусы ли *Кушуллиновы* ты видишь?

(*) Нѣтъ, но бѣлизну пѣнящейся волны, скачущей на высотахъ камени. Когда туманъ возвышается вкругъ тѣни и разширяетъ по воздуху сѣроватую одежду свою; онъ обольщаетъ взоры мои, и я мечтаю, что это корабль моего супруга. Для чего такъ долго медлишь ты, великодушный сынъ *Сема?* Бурная осень четыре краты уже возвращалась волновать моря *Тогорма*, со дней, какъ окруженъ ты свирѣпою войною, и какъ слезящая *Брагела* стонетъ о твоемъ отсутствіи. Холмы острова туманова! когда отзоветесь вы лаяніемъ ловчихъ псовъ его? Но я вижу, вы омрачаетесь облаками, и печальная *Брагела* тщетно призываетъ своего супруга. Ночь нисходитъ, и лице морей исчезаетъ отъ моего взора. Глухой тетеревъ сокрылъ голову подъ крыло свое, лань покоится подлѣ юнаго еленя; они воспрянутъ съ деннцею, и вмѣстѣ будутъ играть на муравъ источника; но я съ началомъ дня

(*) *Брагела* поетъ.

дня начинаю проливать слезы, и съ началомъ ночи возымлются вздохи въ груди моей. Великодушный вождь *Туры!* когда возвратишься ты покрытъ гремящимъ твоимъ оружіемъ?

Дщерь *Сорглана!* гласъ твой обворожаетъ слухъ *Оссіанова*; но удалися въ твое жилище, освѣщаемое горящимъ дубомъ; склони слухъ твой къ шуму волнъ, катящихся близъ долинъ *Дунскара* (a). Дасницетъ сонъ на прелестныя твои голубыя очи, и образъ Героя твоего да представится тебѣ въ сонныхъ мечтаніяхъ.

Кушуллинъ сидитъ близъ чернѣющихся водъ *Лега*; ночь его окружаетъ; его ратники покоятся на полѣ; сто дубовъ пылаютъ посреди ихъ; волнующійся дымъ возвышается на воздухъ; пиршество уготовано; *Каррилъ* при стопахъ дрека ударяетъ въ арфу; бѣлые власы, возвѣваемые вѣтромъ ночи, блистаютъ при сіяніи пламени; онъ поетъ островъ *Гогорму*, и *Коннала* его владыку, *Коннла* вѣрнаго *Кушуллинова* друга:

Для чего нѣтъ тебя здѣсь, о *Коннлъ!* нѣтъ тебя въ день страшныя бури? Вожди полудня соединились противъ *Кормака*. Вѣтрами воспящены корабли твои, и синія волны катятся вокругъ тебя: но *Кормакъ*

 не

(a) *Дунскаръ* сбыкновенное жилище *Кушуллина*, Государя *Туры*.

не одинъ, мужественный сымъ *Сема* за него сражается, сынъ *Сема*, ужасъ иноплеменниковъ, подобный смертоносному туману, носимому надъ главами нашими на крилѣхъ внойныхъ вѣтровъ; солнце изливаетъ тогда багряный только блескъ, и смертные упадаютъ сонмами.

Тако пѣлъ *Каррилъ*, когда единъ изъ сопостатъ предсталъ ввору нашему; онъ, уклоня копіе свое безъ острія, вѣщалъ слонеса *Горлата*, вождя Героевъ, живущихъ на брегахъ чернаго *Леса*. *Горлатъ* съ многочисленнымъ воинствомъ шелъ противу *Кормака*. Сей юный владыка, находясь тогда въ чертогахъ своихъ въ *Темори*, учился напрягать лукъ своихъ праотцевъ, и возвышать копіе. Недолго возвышалъ ты его, юный нещастливецъ! Смерть скрывается за хребтомъ твоимъ, какъ омраченное полукружіе луны повади возрастающаго ея свѣта.

Кухулинъ востадъ предъ Бардомъ великодушнаго *Горлата*. Онъ приглашаетъ его къ своему пиршеству, умножая почесть почестьми. Сладостный пѣснопѣвецъ *Леги*! вѣщалъ онъ ему, что возвѣстишь ты мнѣ? Пиршествовать ли со мною шествуетъ *Горлатъ*, или сражаться?

Сражаться, отвѣтствуетъ Бардъ; завутра, когда первыми лучами дня озарятся волны *Лега*, *Горлатъ* изыдетъ на поле; но дерзнешь ли ты противостать ему?

Стра-

Страшно копіе *Горлатово*; оно какъ смертоносный воздушный огнь. Онъ подъемлетъ его, и враги ниявергаются; смерть летитъ вослѣдъ молній меча его! — Мнѣ страшиться копія *Горлатова*! возразилъ *Кушуллинъ*. Онъ мужественъ, какъ тысяща Героевъ; но сраженія, утѣхи моего сердца. Пѣснопѣвецъ временъ претекшихъ! мечь сей не спитъ при бедрѣ *Кушуллиновой*. Утро узритъ меня въ полѣ, и возсіяетъ на оружіи сына *Семова*. Но возсяди здѣсь, о Бардъ! да усладимся твоимъ пѣніемъ; раздѣли утѣхи нашего пиршества, и послушай пѣсней Бардовъ *Теморы*.

Не время, отвѣтствуетъ Бардъ, не время внимать пѣснямъ радости, когда сильные готовы уже ратоборствовать. Для чего тако мрачна ты, возвышенная *Симорa*? для чего всемѣстное въ лѣсахъ твоихъ безмолвіе? На трепещущей твоей главѣ не вижу я блеску ни единыя звѣзды, ни единымъ лучемъ луны не озаряются твои ребра; но смерть окружаетъ тебя, и блѣдныя тѣни летаютъ вокругъ тебя. Для чего тако мрачна ты, возвышенная *Симорa*? для чего царствуетъ всемѣстное въ лѣсахъ твоихъ безмолвіе?

Тако пѣлъ Бардъ, возвращаясь къ своему кладыкъ. *Каррил* соединилъ гласъ свой съ его гласомъ; пѣсни ихъ подобны были воспоминанію прошедшихъ утѣхъ, изливающему въ души радость, смѣшенную съ прискорбіемъ;

бiемъ; тѣни умершихъ Бардовъ, странствуя на высотѣ *Сликоры*, услышали пѣсни ихъ; сладостные звуки ихъ, продолжаясь отзывами въ лѣсахъ, возвеселяли безмолвныя долины во время ночи.

Тако въ полдневные часы, когда сидитъ *Оссіанъ* въ прохладной долинѣ, и среди всемірнаго спокойствія внимаетъ жужжанію пчелъ, зефиры уносятъ попеременно сіе пріятное жужжаніе, но время отъ времени возвращается оно, и еще услаждаетъ слухъ его.

Возгремите Барды, рекъ *Кушуллинъ*, возгремите пѣснь знаменитаго *Фингала*, пѣснь, которую любитъ онъ слушать, когда сонныя мечты нисходятъ съ небесъ и соединяются съ его сномъ, когда лиры его Бардовъ звучатъ уже вдали, и огнями чертоговъ его слабо уже озаряются стѣны *Сельмы*. Или воспойте пѣснь *Лары*, воспойте печаль матери *Кальмаровой* (б), когда тщетно искали сына ея на высотѣ холмовъ его, и какъ узрѣла она лукъ его въ своихъ чертогахъ. *Каррилъ!* возвысь на сію вѣтвь щитъ *Каитбаиовъ*, и поставь вблизи копіе *Ку-*

(б) *Кальмаръ*. О смерти его упомянуто въ 3 Пѣсни *Фингала*. Онъ былъ единородный сынъ *Малы*, и сго смертію пресѣклось его племя. Обиталъ онъ на брегахъ *Лары* въ окружности озера *Лига*. Видъ жилищ *Кальмарова* приводитъ *Кушуллину* на память смерть его и печаль его матери.

Кушулиново. Завтра при первыхъ лучахъ солнца дамъ я знакъ геройскихъ подвиговъ.

Кушулинъ уклонился на щитъ отца своего. Пѣснь *Лары* начинается. Сто Бардовъ громятъ арфами вдали. *Каррилъ* остался при ногахъ, и воспѣлъ, провождая гласъ свой печальными струнами арфы.

Каррилъ.

Алкласта, почтенная мать *Кальмара*! почто взоры твои непрестанно обращаются къ пустынѣ! Ты ждешь своего сына? Не волнуетъ его усматриваешь ты на высотѣ холма: лѣсъ отдаленный видишь ты. Не гласъ *Кальмаровъ* тебѣ слышится *Алкласта*: шумъ горныхъ вѣтровъ касается твоему слуху.

Алклата.

Сестра знаменитаго *Кальмара*! кто столь быстро прескочилъ чревъ источникъ *Лары*? Не копіе ли сына своего видитъ *Алклата*? .... Но взоры мои слабы отъ старости; посмотри, любезная моя *Алона*, не сына ли *Малы* вижу я вдали?

Нѣтъ, но старой дубъ, отвѣтствуетъ прелестная *Алона*, проливая слезы, старой дубъ уклонившійся на источникъ *Лары*; но кто бѣжитъ въ полѣ? Его быстрое стремленіе повѣщаетъ намъ зло; онъ несетъ копіе *Кальмарово*. Ахъ моя дражайшая родительница! оно обагрено кровію.

Алк-

Алклета.

Кровію сопостата; ни копіе ни лукъ моего сына не возвращаются съ полей бранныхъ, не омывшись кровію противныхъ; воинства предъ нимъ изчезаютъ: онъ все пожирающій пламень. Юный воитель (в)! гдѣ сынъ *Алкеты?* Грядетъ ли онъ торжествуя среди гремящихъ своихъ щитовъ? Ты печаленъ, ты безмолвенъ, ахъ! *Кальмара* уже нѣтъ. Стой ратникъ, не гонори мнѣ, какъ палъ мужественный сей побѣдоносецъ; я не могу слышать о его лавѣ.

Каррил.

Алкета, почтенная мать *Кальмара!* почто взоры твои непрестанно обращаются къ пустынѣ?

Тако пѣлъ *Каррил*. *Кутулин* покоится на щитѣ своемъ, Барды почили на своихъ арфахъ, и кроткій сонъ разливается тихо по всему воинству. Сынъ *Сена* бодрствуетъ одинъ; душа его углублена въ расположеніе воинства. Горящіе дубы начинали уже погасать, изливая багряный только блескъ. Слабый гласъ шепчетъ въ ушеса *Кутулину*; тѣнь *Кальмара*, несомая на лучѣ блѣдномъ, ему является. Въ ея ребрахъ видна глубокая рана, власы ея развѣваются безпорядочно; на ея лицѣ начертана мрачная ра-

(в) Она обращается къ *Каррилу*, другу *Кальмарову*, которой шелъ съ извѣстіемъ о его смерти

радость; кажется, призывала она *Кутулмина* слѣдовать за собою во гробъ.

Рожль *Эрина* востая вѣщаетъ: сынъ ночи, тѣнь *Кальмарова!* для чего склоняешь ты ко мнѣ мрачные твои взоры? Сынъ *Мины!* думаешь ли устрашить меня и воспятить мнѣ сражаться за *Кормака?* Твоя мышца крѣпка была во бранѣхъ, и гласъ твой не испрашивалъ мира. Коль много премѣнился ты, рожль *Лары*, естьли нынѣ совѣтуешь мнѣ бѣжать!.... *Кальмарб!* я никогда не обращался въ бѣгство, никогда не боялся твоей странствующихъ въ пустыни. Ихъ познанія ограниченны, десницы ихъ слабы, и жилище ихъ въ ужасѣхъ.... Душа моя возвышается опасностями, и звукъ оружій услаждаетъ мое сердце. Удалися, ты не *Кальмарова* тѣнь; сраженія были его утѣхою, десница его уподоблялась небесному перуну.

Тѣнь удаляется, и кажется довольною, слыша похвалы себѣ. Уже блѣдный лучь солнца блистаетъ отъ востока. Щитъ *Кантбутова* внучитъ вдали, ратники *Уллина* соединяются. Крики брани внемлются на брегахъ *Лева. Гортб* приходитъ.

Для чего, вѣщаетъ онъ *Кутуллину*, для чего грядешь ты съ воинствомъ? Я знаю крѣпость твоей мышцы. Твое мужество какъ огнь ничѣмъ неугасаемый: равнѣ не можемъ мы единоборствовать, и чтобъ наши ратники были только зрителями наших подъ-

подвиговъ? Пусть взираютъ они на битву нашу, какъ устрашенные мореплаватели, удаляясь со всевозможнымъ усиліемъ гребли, взираютъ на борющіяся волны при стопахъ гремящія скалы. — Твое присутствіе какъ солнце возвеселяетъ сердце мое, вѣщаетъ сынъ *Сема*: мышца твоя крѣпка, о *Горлатъ*! и достойна моего мужества; удалитесь ратники *Уллина*, удалитесь на ребра *Слиморы*; взирайте на вождя *Эринскаго*. Се день его славы! *Каррилъ*! естьли *Кушуллинъ* падетъ, скажи *Конналу*, что я проклинаю вѣтры, держащіе Героя сего въ *Готорлѣ*. Онъ всегда сражался о страну мою, и раздѣлялъ со мною опасности и славу. *Каррилъ*! пусть мечь его блистаетъ предъ *Кормакомъ*, какъ благотворительный лучь небесъ, и спасительные совѣты его да внемлются въ *Геморѣ* въ день бурной опасности.

Кушуллинъ стремится, потрясая гремящимъ оружіемъ. Онъ кажется страшнымъ духомъ *Лоды*, когда грядетъ онъ съ шумомъ тысящи бурь, и молніи брани пускаетъ изъ очей своихъ; онъ сидитъ на облакѣ превыше морей *Похлинскихъ*; его могущественная десница возлежитъ на рукояти меча его, и воспламененныя кудри его развѣваются вѣтрами. Таковъ и не меньше страшенъ простирается *Кушуллинъ* въ день своея славы. *Горлатъ* палъ его мечемъ; Герои *Лега* плачутъ и соединяются вокругъ вождей своихъ

своихъ. Вдругъ блистаютъ тысяща мечей, и тысящи стрѣлъ полетѣли; но *Кушулинъ* какъ неподвижный камень среди безсильныхъ волнъ. Сонмы ратниковъ низвергаются его ударами; онъ плаваетъ въ ихъ крови. Высота *Сморы* возгремѣла звукомъ сраженія. Чада *Ульина* стремятся въ помощь своему вождю. Червленію кровію шумящіе брега *Лега*. Вождь *Эрина* торжествуетъ.

Онъ грядетъ съ побѣдою.... Но блѣдность разливается на лицѣ его и затмѣваетъ радость. Въ пасмурномъ безмолвіи обращаются взоры его, мечь его слабо держится въ его десницѣ, и его копіе уклоняется при каждомъ шагѣ. *Каррилъ* вѣщаетъ Герой тихимъ голосомъ: я чувствую, силы мои изчезаютъ, дни мои скоро погрузятся въ бездну лѣтъ протекшихъ, и денница для меня уже не востанетъ; друзья мои тщетно будутъ искать меня въ *Темморѣ*. *Кормахъ* восплачетъ въ своихъ чертогахъ, и спроситъ, гдѣ вождь *Туры*? Но я кончаюсь смертію славы, и мое имя не умолкнетъ въ пѣснехъ Барловъ; юный ратникъ скажетъ въ душѣ своей: о естьли бы умеръ я подобно *Кушулину*! слава какъ блестящая рива всегда его окружаетъ, и его имя гремитъ во вселенной. *Каррилъ*! извлеки стрѣлу изъ ребръ моихъ; воздвигни мнѣ гробницу подъ симъ древомъ, положи близъ меня

щитъ *Каинбатовъ*, да узрятъ меня всѣ посреди оружій отцевъ моихъ,

И такъ нѣтъ уже сына *Семова!* возопилъ *Каррилъ*, испуская тяжкіе вздохи: печаль владычествуетъ въ чертогахъ *Уры*, и сѣтованіе царствуетъ въ *Дунсларѣ*. Юная твоя супруга осталась одна съ твоимъ сыномъ; (г) онъ прибѣгнетъ къ матери своей и спроситъ, для чего она рыдаетъ. Онъ подъиметъ взоры свои къ своду чертоговъ, и узритъ висящій мечь отца своего: чей это мечь? скажетъ онъ, и слова сіи разтерзаютъ душу его матери . . . Но кто сей стремящійся Герой, въ легкомъ и шумномъ теченіи своемъ подобный пустынному елею? . . . Заблуждающія очи его ищутъ его друга: *Конналъ*, сынъ *Кольгара!* гдѣ былъ ты въ часъ гибели Героя? Или удержали тебя моря *Гогорма*? Дышалъ ли въ парусы твои вѣтръ полуденный? Сильные пали въ сраженіяхъ, и тебя не было! Да ни единый гласъ не принесетъ вѣсти сея въ *Сельму*; печаль обременитъ *Фингала*, и его ратоборцы изліютъ слезные источники.

Близъ черныхъ волнъ *Лега* возвысили гробъ Герою; въ нѣкоемъ отъ него разстоя-

---

(г) *Конлохъ*, прославившійся послѣ знаменитыми дѣлами. Его искусство метать дротикъ вошло въ пословицу въ сѣверной *Ирландіи*, и сстьли кто мѣтко бросалъ копье, то говорили, что его рука вѣрна, какъ рука *Конлохова*.

стоянiи положенъ *Лунтъ*, вѣрный его песъ и спутникъ его въ ловитвѣ.

Миръ душѣ твоей, мужественный сынъ *Семова*; ты страшенъ былъ во брани, ужасъ тебѣ сопутствовалъ, и смерiть летала во слѣдъ меча твоего; вѣчный миръ душѣ твоей, знаменитый вождь *Лунскара*. Не поверженъ ты мечемъ сопостата. Кровь твоя не обагрила копiя чуждаго, стрѣла разсѣкла воздухъ, и острiе смерти тебя пронзило; но не примѣтилъ сего воитель, котораго слабая рука пустила роковую стрѣлу. Миръ тѣни твоей, владыка острова тумановъ.

Сильные разсѣялись въ *Темморѣ*; *Кормакъ* одинъ въ своихъ чертогахъ. Юный сей владыка рыдаетъ и стонетъ. Онъ не видитъ тебя грядуща съ побѣдою; не слышитъ звука щита твоего, и сопостаты его окружаютъ. Наслаждайся пріятнымъ успокоенiемъ въ пещерѣ твоей, мужественный вождь ратоборцевъ *Эринскихъ*.

Брагела не ждетъ уже тебя; она пѣнящiяся волны не почитаетъ уже парусами твоихъ кораблей; она не исходитъ на брегъ, чтобъ слышать крики гребцовъ твоихъ. Она сидитъ въ чертогахъ, устремя взоры на оружiе возлюбленнаго супруга, отъятаго отъ нея немилосердымъ рокомъ. Любез-

мая дщерь *Сорглана!* очи твои исполнены слезъ.

Да будетъ душа твоя блаженна въ ликѣ тѣней, могущественный владыка мрачныя *Кромлы.*

Д А Р Т У Л А.

Поэма.

Содержаніе.

Уснотъ, Государь *Эты*, (вѣроятно той части Графства *Аргильскаго*, которая лежитъ близъ морскаго залива *Лах-Эты*) женился на *Слизамѣ*, дочери *Семовой*, и сестрѣ славнаго *Кушуллина*. Онъ имѣлъ отъ нее трехъ сыновъ: *Натоса*, *Альтоса* и *Ардана*. Елва они вышли изъ отроческихъ лѣтъ, какъ *Уснотъ* послалъ ихъ въ *Ирландію*, къ дядѣ ихъ *Кушуллину*, чтобъ подъ его руководствомъ учились они военнымъ подвигамъ. Они, вышедши на брегъ *Ульстера*, извѣстились о смерти *Кушуллина*. *Натосъ*, хотя еще весьма молодъ, принялъ начальство надъ войскомъ, сражался съ *Кайрбаромъ* и побѣждалъ его неоднократно. *Кайрбаръ* нашелъ наконецъ случай умертвить *Кормака*, законнаго ьсей *Ирландіи* Государя. Войско *Натоса* предалось похитителю, и самъ *Натосъ* принужденъ возвратиться въ *Ульстеръ*, чтобъ отправиться оттолѣ въ *Шотландію*. *Дартула*, дочь *Коллы*, будучи любима *Кайрбаромъ*,

бромъ, жила въ *Селамѣ*, крѣпости *Ульстера*. Она, узидя *Натоса*, влюбилась въ него и съ нимъ убѣжала. Но буря занесла ихъ корѣбль на тѣ самые берега, гдѣ *Кайрбаръ* находился тогда съ своимъ войскомъ. Три брата защищались съ невѣроятною храбростію, но пали наконецъ преодолѣнны множествомъ. Несчастная *Дартула* умертвила себя надъ тѣломъ любезнаго своего *Натоса*. *Оссіанъ* въ разсужденіи смерти ея не согласуется съ преданіемъ, и его повѣсть вѣроятнѣе; ибо самоубивство кажется неизвѣстно было въ первыхъ сихъ вѣкахъ; по крайней мѣрѣ въ самыхъ древнихъ стихотвореніяхъ сего народа одинъ только примѣръ находился.

О луна, возлюбленная дщерь небесъ! коль ты прекрасна! Коль много услаждаютъ меня спокойствіе и кротость лица твоего! Ты шествуешь исполнена прелестей, по лавоpевымъ сѣдамъ стопъ твоихъ текутъ къ востоку въ звѣзды. Облаки при тебѣ веселятся, мрачныя ребра ихъ посребрены твоими лучами. Молчаливая дщерь ночи! кто можетъ шествовать съ тобою по зыбямъ небесъ? При твоемъ взорѣ звѣзды со стыдомъ отвращаютъ блестящія свои очи. Куда удаляешься ты, сверша свое теченіе, когда тѣнь сгущается, и осѣняетъ кругъ твой? Жилище твое подобно ли *Оссіанову*? Обитаешь ли ты, подобно

ему, во мракѣ печали? Сестры твои сверглись ли отъ высоты небесъ? Нѣтъ уже тѣхъ, которыя ликовали съ тобою во время ночи. Ахъ! безъ сомнѣнія онѣ пали. Утѣшительное свѣтило! и ты часто удаляешься, чтобъ о нихъ плакать; но придетъ ночь, когда и ты падешь, и оставишь лазоревыя стези небесъ. Тогда звѣзды, постыжденныя твоимъ сіяніемъ, возвысятъ блистающія главы свои и возрадуются о твоемъ паденіи.

Нынѣ ты въ полномъ сіяніи твоего свѣта; изыди изъ чертоговъ твоихъ и явися на небесахъ. О вѣтры! раздробите мрачныя облаки, скрывающія отъ взоровъ нашихъ прелестное лице дщери ночи. Да грядетъ она озарятъ злакъ горный, и пусть Океанъ вращаетъ голубыя волны при блескѣ ея лучей.

Натосъ летитъ по безднѣ морей. Его братія *Аптосъ* и *Ардавъ* ему сопутствуютъ; они разсѣкаютъ волны посреди мрака. Сыны *Усноша* бѣгутъ во время ночи отъ ярости *Каирбаровой*.

Кто сія юная при нихъ красота, которой прелести сокрыты нощію? Ея власы развѣваются вѣтрами Океана; ея одежда долгими извибами колеблется во мрачности. Она подобна прекрасному призраку небесъ посреди густаго тумана. Безъ сомнѣнія это *Аргиуна*, первая изъ дщерей *Эринскихъ*. Она убѣгаетъ съ *Натосомъ*, избѣгая любви *Каирбаровой*.

ровой. Но обманываютъ тебя вѣтры, о *Дартула*! и не дозволяютъ кораблямъ твоимъ пристать къ желанному брегу *Этны*. О *Натосъ*! видимыя тобою горы не твои; не твоихъ волнъ шумъ касается твоему слуху: ты близъ чертоговъ *Каирбаровыхъ*. Недалече возвышаются башни твоего сопостата; сей холмъ, простирающій цвѣтущую главу свою въ море, есть холмъ *Ульина*; и корабль твой вбѣгаетъ въ заливъ *Туры*. Гдѣ были вы, полуденные вѣтры, когда любимые мною смертные тако обманулись въ пути своемъ? Вы играли на поляхъ, гоняясь за летающими власами терновника. Ахъ! для чего не вѣяли вы въ парусы *Натоса*, доколѣ холмы *Этны* возвысились бы среди облакъ въ приближеніе своего владыки? Давно уже ожидаютъ тебя, о *Натосъ*! и прешелъ уже день, назначенный судьбою твоему возврату.

Любезный Герой! коль прекраснъ ты покажался очамъ *Дартулы*, когда узрѣлъ ты землю иноплеменныхъ! Лице твое сіяло кротостію первыхъ лучей денницы; черны власы твои какъ перье врана. Душа твоя тиха и спокойна, какъ вечерній часъ, когда солнце погружается въ волны. Вѣяніе въ кустахъ зефира, журчаніе источника *Поры*, не столько пріятны, какъ звуки твоего гласа.

Но средь яростныхъ сраженій уподоблялся ты бурному морю. Трескъ оружій твоихъ

страшенъ, и враги извѣвали при шумѣ твое-го шествія.... Таковымъ видѣла тебя *Дар-тула* съ высоты чертоговъ отцевъ своихъ; при твоемъ видѣ ощутила она радостное трепетаніе въ своемъ сердцѣ: коль ты лю-безенъ, юный чужестранецъ! говорила она, коль прекрасенъ ты среди ополченій! Другъ нещастнаго *Кормака*! для чего не умѣряешь ты кипящей твоей бодрости? Ратники твои не такъ многочисленны, чтобъ напасть на *Каирбара*. Ахъ! да возмогу избѣжать я любви безчеловѣчнаго *Каирбара*, чтобъ на-слаждаться присутствіемъ дражайшаго *Ма-тула*.

Таковы были слова твои, о *Дартула*! на высокихъ твоихъ башняхъ, покрытыхъ мохомъ; нынѣ окружаетъ тебя ночь, и вѣтры измѣнили твоимъ парусамъ: *Дарту-ла*! вѣтры измѣнили твоимъ парусамъ. Пре-стань на минуту вѣтръ норда, и дозволь мнѣ внимать гласу дщери могущественнаго *Ко-лы*. Какъ пріятно мнѣ слышать гласъ твой, о *Дартула*! посреди свисту вѣтровъ!

(*) *Натасова* ли владычества вижу я камни? его ли источниковъ шумъ внемлется моему слуху? Слабой вѣтръ сей не изъ чер-тоговъ ли *Уснота*? Едва проницаетъ онъ мракъ насъ окружающій. Но свѣтъ, веселя-щій сердце *Дартулы*, есть присутствіе лю-без-

(*) *Дартула.*

безнаго ея *Натоса*. Сынъ великодушнаго *Усноя*! къ чему сей тяжелый вздохъ? Или мы въ странѣ иноплеменныхъ?

Нѣтъ, отвѣтствуетъ *Натосъ*, не мои то камни, не моихъ источниковъ шумъ. Никакой свѣтъ не можетъ достигнуть сюда изъ чертоговъ *Эты*: они весьма отъ насъ далеки. Мы въ землѣ чуждой, въ странахъ сирѣпаго *Кинбара*. Вѣтры насъ обольстили, *Дартулы*; мы видимъ *Уллинъ*, котораго влачные холмы возвышаются среди облакъ. Шествуй къ сѣверу *Альпосѣ*; стреми стопы твои, о *Арданъ*! вдоль брега, да врагъ не застигнетъ насъ въ ночи, и не лишитъ всей надежды видѣть еще чертоги *Эты*. А я, я гряду къ сей башнѣ, покрытой мохомъ, и увижу, кто обитаетъ въ чертогахъ, изъ которыхъ свѣтъ исходитъ. И ты, прекрасная *Дартула*, ты успокойся на брегѣ, успокойся безмятежно; мечь *Натоса* тебя охраняетъ.

Натосъ шествуетъ. *Дартула* остается одна на брегѣ. Она возсѣла, и внимаетъ шуму волнъ. Крупный жемчугъ слезъ трепещетъ въ ея очахъ, взоры ея ищутъ возлюбленнаго *Натоса*; сердце ея содрогается при шумѣ вѣтровъ: она склоняетъ слухъ свой къ слѣдамъ стопъ своего любовника... Но шуму стопъ его уже не слышно. Гдѣ ты дражайшій мой? Вѣтры гремятъ вокругъ меня, ночь мрачна, и *Натосъ* не возвращается!

Что можетъ удержать тебя, прелестный вождь *Эты?* Или уловили тебя враги во время ночи?

Натосъ приходитъ, но лице его омрачено печалію; онъ видѣлъ тѣнь своего друга, тѣнь *Кушулина*, ходящую на стѣнахъ *Туры*. Частые вздохи исторгались изъ персей Героя сего; очи его погасшія смертію изливали еще страшныя молніи. Его копіе какъ столпъ туманный, и звѣзды испускали слабый свѣтъ сквозь воздушное тѣло его; гласъ его подобенъ вѣтру, шумящему во глубинѣ пещеры, и рѣчи его предвѣщаютъ гибель.

Душа *Натоса* печальна, чело его мрачно, какъ солнце погруженное въ туманъ: что печаленъ ты, о *Натосъ*! рекла ему *Дартула*, ты защита *Дартулы?* радость ея твое присутствіе. Нѣтъ у меня друга кромѣ *Натоса*: родитель мой покоится во гробѣ; безмолвіе царствуетъ въ *Селмѣ* (а), и печаль владычествуетъ въ моемъ отечествѣ. Друзья мои пали съ несчастнымъ *Кормакомъ*, и сильные погибли въ битвахъ *Улина*.

Вечеръ

(а) Многихъ Государей дворцы назывались тогда *Селамою* или *Сельмою*, т. е. хорошій видъ, потому что строились они на мѣстахъ возвышенныхъ.

(*) ВечерЪ простиралЪ уже тѣни свои на поля, голубые источники начинали скрываться во мракЪ. ВѢтры потрясали поврѣменно верьхами древесЪ *Селамскихъ*; я сидѣла при стопахЪ древа на башнѣ чертоговЪ древнихЪ. *Гуртилла* представился мысли моей, *Гуртилла*, братЪ мой, потекшій противоборствовать *Каирбару*. Мой родитель, почтенный сѣдинами *Колла*, шествуетЪ опираясь на копіе свое; его мрачное лице поникло кЪ землѣ, и печаль стѣсняла душу его. Мечь гремѣлЪ при бедрѣ его, и шлемЪ отцевЪ его блисталЪ на его главѣ. Его грудь волѣемлется, онЪ дышетЪ едиными битвами; изЪ очей его катится слеза, онЪ старается ее сокрыть.

Дартула! сказалЪ онЪ мнѣ воздыхая, ты послѣдняя отрасль моего племени. *Гуртилла*, братЪ твой, погибЪ вЪ сраженіи; нѣтЪ уже владыки *Селамскаго*. *Каирбаръ* стремится кЪ стѣнамЪ моимЪ сЪ многочисленнымЪ воинствомЪ; *Колла* накажетЪ гордость его и отмститЪ смерть сыновнюю; но ты, любезная моя *Дартула*, вЪ какомЪ мѣстѣ сокроешься ты? ГдѢ безопасное убѣжище красотѣ твоей? ВсѢ друзья твои погибли.

НѢтЪ уже вождя сильнаго, возопила я, испуская тяжелый вздохЪ; мужество великодушнаго *Гуртилла* не возсіяетЪ уже на поляхЪ

(*) *Дартула* разсказываетЪ о смерти отца своего Коллы.

лахъ брани. . . . *Колла!* моя безопасность въ крѣпости сего лука. Я изучилась поражать робкихъ серн'Ь. Не могу ли я поразить также *Каирбара*, о нещастный отецъ *Гуртилла?* При сихъ словахъ чело старца взыграло лучемъ радости. Слезы спѣшатъ на вѣжди его, и катятся по ланитамъ; внезапнымъ трепетом'Ь сотрясаются его уста. Его полусѣдая брада шумитъ при дыханіи вѣтровъ. Ты достойная сестра *Гуртилла*, возопилъ *Колла*; его души огонь воспламеняетъ и твою душу. Прими, *Дартула*, прими сіе копье, сей мѣдный щитъ, и сей стальный шлемъ. Это корысть совлеченная съ юнаго, но сильнаго ратника. Когда солнце озаритъ *Селлмскія* стѣны, мы изыдемъ противъ *Каирбара*; но буди всегда близъ мышцы твоего отца, буди под'Ь сѣнію щита моего. Нѣкогда, о *Дартула*! родитель твой мог'Ь тебя защищать, но нынѣ лѣта обременяютъ дрожащую руку его. Крѣпость мышцы его изчезла, и печаль омрачаетъ его душу.

Мы проводили ночь въ сѣтованіи. День явился. Я возсіяла въ оружіи младаго ратника. Родитель мой шелъ предо мною. Его воины соединились вокругъ щита его. Они были немногочисленны, и покрыты сѣдинами. Юные ратоборцы пали съ моимъ братомъ, защищая несчастнаго *Кормака*. Спутники моей младости! вѣщаетъ имъ *Колла*,

не таковымъ нѣкогда врѣли вы меня въ ополченіяхъ. Не тако шествовалъ я на подвигъ, когда сильный и великій *Конфалант* палъ моими ударами. Лѣта и печаль васъ обременяютъ. Мрачная старость простерла надъ нами крилѣ свои; мой щитъ поврежденъ долготою времени, и мечь мой виситъ на стѣнѣ моихъ чертоговъ. Я говорилъ въ душѣ моей: вечеръ жизни твоей будетъ спокоенъ, и конецъ ея какъ уничтоженіе свѣта помалу угасающаго. Но буря возвратилась, и я согбенъ какъ старый дубъ, лишенный своихъ вѣтвій; я колеблюсь, я готовъ пасть. . . . Гдѣ ты, сынъ мой, съ тѣнями твоихъ Героевъ? Ты не отвѣтствуешь мнѣ изъ нѣдръ вихря, въ которомъ ты обитаешь. Душа твоего родителя обремененна печалію. . . . . Но мое сѣтованіе скоро прейдетъ: *Каирбаръ* или *Колла* долженъ пасть. Я чувствую, крѣпость мышцы моей обновляется, и сердце мое трепещетъ радостію при звукѣ брани.

Колла извлекъ свой мечь, сталь блистаетъ въ рукахъ престарѣлыхъ его ратниковъ; они простираются на поле, и бѣлые власы ихъ разносятся по волѣ вѣтровъ. *Каирбаръ* сидѣлъ за пиршественнымъ столомъ на безмолвномъ полѣ *Лоны*; онъ узрѣлъ воинство отца моего, и даетъ знакъ къ сраженію.

Уже . . . . Но для чего повѣствовать мнѣ предъ *Натосомъ* ужасъ битвы? Не зрѣ-

ла

ли ли я тебя среди сопостатъ подобна не бесному перуну? Онъ прекрасенъ, но страшенъ, и его воспламененное стремленіе низвергаетъ смертныхъ. Копіе *Колмы* несетъ смерть во всѣ стороны. Онъ вспомнилъ битвы юности своей. Но увы! стрѣла летитъ и вонзается въ ребра Герою. Вся моя душа вострепетала ужасомъ. Онъ упадаетъ на щитъ свой, я просперла надъ нимъ мой щитъ; въ сію минуту грудь моя открылась. *Кинрбарё* стремится съ подъятымъ копіемъ; онъ узрѣлъ дщерь *Селамскую*. Радость возсіяла на мрачномъ лицѣ его, и его рука сдержала желѣзо, готовое поразить меня. Онъ возвысилъ гробъ отцу моему, и рыдающу меня проводилъ въ *Селму*. Слова его были слова любви, но моя душа упоена была печалію. Я видѣла щиты отцевъ моихъ, мечь моего любезнаго *Гурмила*, оружія пораженныхъ моихъ друзей, и ланиты мои окропялись слезами. Ты пришелъ тогда, о *Натосё!* и мрачный *Кинрбарё* побѣгъ; онъ побѣгъ какъ призракъ пустынный предъ первымъ лучемъ восходящаго солнца. Его воинство было далече, и его мышца была слаба тебѣ противоборствовать.

Но для чего такая печаль въ тебѣ, о *Натосѣ*, могущественный сынъ *Уснота*?

Съ юныхъ лѣтъ моихъ видѣлъ я битвы, отвѣтствуетъ *Натосѣ*. Десница моя не могла еще возвышать копія, когда бѣдствія въ

въ первый разъ предстало моему взору. Но брань столь же пріятна была для души моей, сколь утѣшительно солнце для влачной и глубокой долины, когда изливаетъ не нее источники свѣта, доколѣ воспламененная глава его не погрузится еще въ нѣдра тучи; мужество мое прославилось уже въ опасностяхъ, когда еще очи мои не встрѣтились съ твоею красотою, о *Дартула!* съ твоею красотою, блистающею какъ звѣзда, сіяющая надъ холмомъ посреди ночи..... Но я вижу облакъ, онъ тихо простирается, и угрожаетъ сіянію сея прекрасныя звѣзды. Мы въ странѣ иноплеменныхъ. Вѣтры намъ солгали, нѣтъ съ нами Героевъ нашихъ, и горы *Эты* отъ насъ далече; гдѣ найду убѣжище тебѣ, о *Дартула!* Братія *Матоса* мужественны, копіе мое блистало не въ одной уже битвѣ. Но три сына *Уснотовы* что могутъ противъ воинства *Кайрбарова*? *Оскаръ*, вождь Героевъ! для чего нѣтры не пренесли кораблей твоихъ къ сему брегу (б)? Ты положилъ обѣтъ защищать несчастнаго *Кормака*. Тогда моя десница была бы громоносною десницею смерти, *Кайрбаръ* трепеталъ бы въ своихъ чертогахъ, и тишина окру-

---

(б) *Оскаръ*, сынъ *Оссіановъ*, давно уже намѣренъ былъ вступить въ *Ирландію* и напасть на *Кайрбара*, которой измѣннически образомъ убилъ его друга *Катола*, сына *Моранова*, и защитника *Кормакова*.

окружала бы возлюбленную *Дартулу*. Но для чего терлешь ты бодрость свою, могущественное мое сердце? Сыны *Уснотовы* могутъ торжествовать.

Такъ, *Натосъ*, они восторжествуютъ, возопила съ восторгомъ красота *Селмы*. Никогда *Дартула* не узритъ чертоговъ мрачнаго *Кайрбара*. Дай мнѣ сіи мѣдныя оружія, которыя блистаютъ при сіяніи мимолетящаго воздушнаго огня; я вижу ихъ во глубинѣ твоего корабля, дай ихъ мнѣ, *Дартула* хочетъ сражаться... Тѣнь великолушнаго *Коллы*, моего любезнаго родителя! тебя ли вижу на облакѣ? Кто сей мрачный о страну твою? Это мужественный *Гурониллъ* ..... Мнѣ, мнѣ увидѣть чертогъ варвара, которымъ пораженъ вождь *Селмы*! Нѣтъ, никогда, о возлюбленныя тѣни! вѣчно я не увижу его. При сихъ словахъ радость выиграла на лицѣ *Натоса*. Дщерь *Селмы*! вѣщаетъ онъ ей, ясный лучь веселія изливаешь ты въ душу мою; гряди нынѣ, *Кайрбаръ*, гряди съ твоими ратниками. *Натосъ* чувствуетъ новую въ себѣ крѣпость. И ты, почтенный *Уснотъ*, ты не услышишь, чтобъ сынъ твой обратился въ бѣгство. Всегда я помню послѣднюю твою со мною бесѣду на брегахъ *Эты*, въ ту самую минуту, когда парусы мои начинали развѣваться, и я готовъ былъ уже плыть къ стѣнамъ *Туры*. *Натосъ*! говорилъ мнѣ родитель мой: ты ше-

шествуешь къ *Кушулину*, къ Герою незнающему никакихъ опасностей. Да не будетъ мышца твоя слаба въ день брани, и не мысли никогда о бѣгствѣ, да не речетъ сынъ мужественнаго *Сема*: чада *Эты* робки и безсильны. Такія досадныя слова достигнутъ моего слуха, и печаль обременитъ меня въ уединенныхъ моихъ чертогахъ. Такъ говорилъ мнѣ родитель мой, и слезы текли по ланитамъ его.

Онъ далъ мнѣ сей блестящій мечь. Я вошелъ въ залиѣ *Туры*, глубокое безмолвіе царствовало въ чертогахъ. Тщетно очи мои искали какого нибудь ратника, которой бы извѣстилъ меня о *Кушулинѣ*, великодушномъ вождѣ *Ценкара*. Я вступилъ въ храмину пиршествъ, гдѣ висѣли оружія предковъ его; ихъ уже тамъ не было. Мы узрѣли престарѣлаго *Ларра*, онъ сидѣлъ проливая слезы.

Откуда сіи оружія? рекъ старецъ, востая съ своего мѣста. Давно уже не блистало копіе во мрачныхъ стѣнахъ *Туры*; съ лазоревыхъ ли полей Океана грядете вы, или изъ печальныхъ чертоговъ *Тлморы*?

Мы шествуемъ съ выбей Океана, отвѣтствовалъ я, мы изъ чертоговъ *Уснота*. Мы сыны *Слмалы*, дщери знаменитаго *Сема*. Гдѣ мужественный *Кушулинъ*? Но для чего *Ллтосъ* вопрошаетъ тебя о немъ? Не вижу ли я текущихъ слезъ твоихъ? Како палъ

Герой сей? Скажи мнѣ уединенный житель *Гуры*.

Онъ не палъ, отвѣтствуетъ *Ламора*, онъ не палъ, какъ молчаливая звѣзда, которая проникнувъ мракъ ночи блистаетъ, и мгновенно теряется, но какъ страшный воздушный огнь, упадшій въ дальнія страны; смерть слѣдуетъ за воспламененнымъ его стремленіемъ, и онъ самъ есть грозное знаменіе браней; скорбь царствуетъ на брегахъ *Лега*, и журчаніе *Лары* плачевно и жалостно; сынъ великодушнаго *Ускота*! на ея брегахъ палъ возлюбленный мой Герой.

Онъ погибъ среди кровопролитія, возопилъ я вздыхая; десница его страшна была въ битвахъ, и смерть сопутствовала мечу его.

Мы простерлись къ плачевнымъ брегамъ *Лега*. Мы узрѣли гробъ *Кушуллиновъ*. Спутники его браней стояли близъ онаго съ Барлами, пѣвцами его побѣдъ. Три дни плакали мы о семъ Героѣ. Въ день четвертый ударилъ я во щитъ *Кайрбаровъ*. Ратники *Кушуллиновы* радостно соединились вокругъ меня, потрясая грозно своими копьями.

Недалече *Кормаиъ*, другъ *Кайрбаровъ*, стоялъ съ многочисленнымъ воинствомъ; мы устремились на него во время ночи; всѣ его воители погибли; и когда жители долины возпрянули, они при первыхъ лучахъ денни-

цы

цы узрѣли землю кипящую кровію. Мы спѣшимъ къ чертогамъ *Кормака*. Мечи наши подъяты были въ защищеніе Царя сего, но чертоги *Геморы* были уже пусты. *Кормакъ* погибъ въ самой нѣжной юности; уже не было владыки *Эринскаго*.

Печаль овладѣла чадами *Уснота*; они удаляются тихими стопами, и съ лицемъ омраченнымъ, подобны облакамъ, угрожавшимъ долгое время бурею, и наконецъ разсѣявшимся за хребтами холмовъ. Сыны *Уснота* шествуютъ печальны къ заливу *Гуры*. Мы прешли чрезъ *Семлу*. *Кайрбаръ* побѣгъ отъ лица нашего, какъ туманъ *Лама*, гонимый вѣтрами пустыни.

Въ сіе-то время узрѣлъ я тебя, любезная дщерь *Колы*. Ты показалась мнѣ прекрасна, какъ свѣтъ солнца. Коль блистателенъ юный сей лучь! новопилъ я, и вздохи любви тѣснились въ груди моей. Ты потекла во слѣдъ несчастному вождю *Эты*.... Но вѣтры намъ солгали, о *Дартула*! и враги отъ насъ недалече.

Такъ, вѣщаетъ *Альпосъ* (в), врэги близъ насъ. Я слышалъ шумъ ихъ шествія и трескъ ихъ оружія. Я видѣлъ развѣвающее-

(в) *Альпосъ* возвратился съ брегова *Лоны*, куда *Нитосъ* посылалъ его, чтобъ узнать о непріятелѣ.

ся черное знамя *Эрина*, я позналъ гласъ *Каирбара*. (г) Онъ усмотрѣлъ корабли наши, прежде нежели ночь спустилась на волны. Его ратники бодрствуютъ въ поляхъ *Лены*, и десять тысячь мечей блистаютъ.

Пусть блистаютъ десять тысячь ихъ мечей, отвѣтствуетъ *Натосъ* съ усмѣшкою; сыны мужественнаго *Уснота* никогда не вострепещутъ при видѣ опасности. Море *Улина!* для чего съ толикимъ шумомъ вращаешь ты пѣнящіяся твои волны? Гремящія тучи небесъ! для чего разширяете вы по воздуху шумящія свои крилѣ? Мечтаете ли вы, о бури! что вы удерживаете *Натоса* на брегѣ? Нѣтъ, чада ночи, собственное мужество его воспящаетъ ему удалиться. *Альтосъ*! принеси мнѣ оружія отцевъ моихъ: ты видишь, они блистаютъ при сіяніи звѣздъ; дай мнѣ копіе могущественнаго *Сема* (д); оно во глубинѣ корабля.

Альтосъ приноситъ оружія: *Натосъ* не медля облекся въ гремящую сталь. Его шествіе

(г) Заливъ *Туры*, куда корабль *Натоса* занесенъ бурею, находился между обоими крылами *Каирбарова* войска, и потому сыны *Уснотовы* не могли избѣжать отъ непріятелей.

(д) *Натосъ* со стороны матери своей былъ внукъ *Сему*; копіе, о которомъ здѣсь упоминается, было дано *Усноту* въ приданое за *Слисамою*. По тогдашнему обыкновенію шесть долженъ былъ дать взятю свое оружіе.

ствіе благородно и величественно; въ грозныхъ очахъ его блистаетъ радость и желаніе видѣть приближеніе сопостата. Близъ его безмолвная *Дартула*; устремя взоры на своего любовника, старается она утаить вздохи въ груди своей, и двѣ слезы, которыми омрачились ея прелестныя очи.

Альтосъ! рекъ вождь *Эты*, я вижу пещеру въ семъ камени, удали въ нее *Дартулу*, и твоя десница да будетъ ей защитою. А мы, *Ирланъ*, мы потечемъ къ сопостату, возвовемъ къ противоборствію мрачнаго *Каирбара*. Ахъ! естьли бы онъ изшелъ противъ сыновъ *Уснота*, покрытъ гремящимъ своимъ оружіемъ! . . . . *Дартула*! естьли избѣгнешь ты отъ сопостата, бѣги, удаляйся, не ожидая послѣднихъ взоровъ *Натоса*: вовѣй парусы, *Альтосъ*, и теки ко брегамъ *Эты*; скажи *Усноту*, что сынъ его палъ со славою, что мечь мой не отрицался отъ битвы. Скажи, что я палъ посреди сонмовъ сопротивныхъ, да печаль его смѣсится съ радостію. Дражайшая *Дартула*! собери юныхъ дщерей *Эты* въ чертоги отца моего; пусть воспоютъ онѣ хвалы *Натосу*, при возвратѣ пасмурной осени. О когда бы пѣснопѣвецъ *Коны* торжественнымъ своимъ гласомъ прославилъ мое имя! Тогда пѣнь моя взыграла бы радостію посреди вѣковъ горъ нашихъ.

Такъ, *Натосъ*, гласъ мой возвѣститъ хвалы твои; *Оссіанъ* прославитъ имя твое, о сынъ великодушнаго *Уснота*! Для чего не былъ я въ поляхъ *Лены*, въ часъ грознаго сраженія? Мечь *Оссіанова* защитилъ бы дни твои, или онъ бы самъ погибъ.

Мы въ пагубную ночь сію были въ *Селмѣ*, сидя при пиршествѣ *Фингала*. Ярые вихри шумѣли въ древахъ. Слышны были стенанія призрака горнаго, порывъ вихря, прелетѣлъ храмину, и съ легкостію коснулся моей арфы. Она издала плаченный звукъ, подобный надгробной пѣсни. *Фингалъ* первой его услышалъ, и частые вздохи возъемлются въ груди его. — Погибъ нѣкто изъ моихъ сильныхъ, вѣдаетъ Царь *Морвена*. Арфа сына моего отзывается звуками смерти. *Оссіанъ*! прикоснись къ звучащей струнѣ. Пусть внемлются плачевныя согласія, чтобъ тѣни моихъ ратниковъ летѣли съ радостію къ высотамъ *Морвена*.

Я коснулся арфы моей: звуки ея были томны и печальны: склонитесь съ высоты облаковъ вашихъ, о тѣни отцевъ моихъ! удалите отъ себя ужасъ молніи васъ окружающія, примите Героя кончающаго нынѣ подвигъ свой, грядетъ ли онъ изъ земли дальнія, или съ лазоревыхъ зыбей моря. Уготовьте ему одежду изъ тумановъ, копіе изъ облакъ; положите о страну его полуугасшій воздушный огнь въ видѣ меча его,

его, и да является онъ всегда любезнымъ и пріятнымъ, чтобъ образъ его могъ возвеселять друзей его. Тѣни отцевъ моихъ! уклонитесь съ высоты облаковъ вашихъ. Таковы были пѣсни *Оссіановы* въ *Сельмѣ*, при звукѣ плачевной арфы; но *Натосъ* былъ на брегѣ моря окруженъ мракомъ ночи. Онъ услышалъ пронзительный крикъ сопостата, несомый превыше бурнаго шума волнъ; онъ внималъ ему въ безмолвіи, опершись на свои оружія.

Утро воспрянуло украшенно своими лучами; чада *Эрина* явились, простираясь вдоль брега, какъ связь сѣроватыхъ камней, обремененныхъ долговѣчными древами. *Кагрбарр* посреди ихъ при видѣ сопостата усмѣхается грозно. *Натосъ* устремился, *Клартула* не можетъ разстаться съ своимъ возлюбленнымъ; она летитъ во слѣдъ ему, ополченна копіемъ, и сопутствуема своими ратниками. Но Герои сіи, покрытые гремящимъ оружіемъ и блистающіе младостію, кто они? Я ихъ познаю, то сыны *Уснота*, *Альтоса* и *Ардана*.

Гряди, рекъ *Натосъ*, гряди вождь *Теморы*, сразимся на брегѣ за прекраснѣйшую изъ дѣвъ. *Натосъ* не имѣетъ при себѣ ратниковъ; они далече за симъ бурнымъ моремъ. Для чего идешь ты противъ вождя *Эты* съ сонмомъ твоихъ сильныхъ?

Ты бѣжалъ отъ лица его, ты бѣжалъ, когда онъ окруженъ былъ своими друзьями.

Высокомѣрный юноша! отвѣтствуетъ *Кайрбаръ*, или мечтаешь ты, что вождь *Эрина* сразится съ тобою? Твои предки не были изъ числа знаменитыхъ ратоборцевъ. Они не были въ сонмѣ владыкъ. Есть ли въ жилищѣ ихъ оружія ихъ враговъ, и щиты временъ древнихъ? *Кайрбаръ* царствуетъ со славою въ *Темморѣ*. Онъ не измѣряетъ силъ своихъ съ простымъ воителемъ.

Слеза катится изъ очей *Натоса*; онъ возрѣлъ на своихъ братьевъ. Мгновенно копья ихъ полетѣли, и три воина изъ противныхъ повергнись на полъ. Вдругъ страшные мечи ихъ блистаютъ въ ихъ десницахъ. Полкъ *Эрина* расточается, какъ сонмы темныхъ облаковъ отъ лица стремительныхъ вѣтровъ. Тогда *Кайрбаръ* даетъ знакъ своему воинству. Тысящи луковъ напряжены, и летятъ тысящи стрѣлъ. Сыны *Уснота* упадаютъ. . . Они упадаютъ какъ три младые дуба, возвышавшіеся одни на твердости холма. Путешественникъ видитъ сіи гордыя древа; онъ удивляется, что они одни и безъ помощи прохладной тѣни возрасли толь величественны и высоки; вѣтръ пустынный стремится ночію, и повергаетъ главные ихъ верьхи на землю. Путешественникъ на утро возвращается . . . . Но младые

дые дубы изсохли, и холмъ лишился красоты своей.

Дартула зритъ паденіе Героевъ своихъ, и печаль содѣлала ее неподвижною: очи ея не изливаютъ слезъ, ея взоры исполнены мрачнаго отчаянія; блѣдность покрыла ея ланиты, трепещущія уста ея едва произносятъ нѣсколько прерываемыхъ словъ, и ея власы развѣваются въ безпорядкѣ.

Свирѣпый *Каирбаръ* стремится: гдѣ нынѣ дражайшій твой любовникъ? гдѣ вождь *Эллы*? Видѣла ты чертоги *Усноша*, или мрачные холмы *Фингала*? Когдабъ вѣтры не принесли *Дартулу* на сей брегъ, я возгремѣлъ бы громомъ брани въ *Морвенѣ*. Самъ *Фингалъ* палъ бы моими ударами, и опустошеніе воцарилось бы въ *Сельмѣ*.

Упадаетъ щитъ изъ слабой руки *Дартулы*. Груль ея открылась. Но червленѣетъ она кровію, жестокая стрѣла ее пронзила: упадаетъ *Дартула* на возлюбленнаго своего *Натоса*, какъ снѣжный отломокъ. Ея черными власами покрылось лице ея любовника, и кровь ихъ на земли смѣсилась.

НѣтЪ уже тебя, воспѣли Барды *Каирбаровы*, нѣтъ уже тебя прекрасная дщерь *Коллы*! безмолвіе обитлетъ на скрытыхъ брегахъ *Селамы*: племя *Грутилла* уничтожилось. Когда воспрянешь ты, о первая изъ красотъ *Эринскихъ*? Долго будешь покоиться ты во гробѣ; утро востанія твоего да-

лече. Не озаритъ солнце одра твоего, и не скажетъ тебѣ: проснись, *Дартула*, проснись прекрасная, согрѣлся воздухъ дыханіемъ весны. Цвѣты колеблются на влачной долинѣ.... Удались, солнце, дщерь *Колы* баснула; не укрятъ ее въ часъ утра грядущу въ полномъ блескѣ своихъ прелестей; не увидятъ се ходящу въ поляхъ и сопутствуему всѣми пріятностями.

Тако пѣли Барды, возвышая гробницу *Дартулѣ*, и я пѣлъ на гробѣ сея несчастныя красоты, когда *Фингалъ* поражалъ въ *Ульминѣ* свирѣпаго *Камбола*.

ТЕМОРА.

Поэма.

Содержаніе.

Вскорѣ послѣ смерти *Кушуллиновой*, *Каирбаръ*, Государь *Ины* въ *Конноге*, умертвилъ тайно юнаго *Кормака*, и безпрепятственно сдѣлался Царемъ всей *Ирландіи*. *Фингалъ* рѣшился мстить смерть юнаго Государя, и утвердить его племя на престолѣ. *Каирбаръ*, извѣстясь о намѣреніи *Фингалово*мъ, собралъ въ *Ульстерѣ* нѣкоторыя племена себѣ приверженныя, чтобъ воспротивиться *Каледонянамъ*; а *Катморъ*, братъ его, стоялъ тогда съ своимъ войскомъ въ окружностяхъ *Теморы*. *Темора* назывался дворецъ *Ирландскихъ* Государей

су-

сударей и значитъ *домъ счастія*. Близъ сихъ-то чертоговъ было рѣшительное сраженіе между *Фингаломъ* и *Катморомъ*. Во всѣхъ древнихъ Гальскихъ стихотвореніяхъ не можно сыскать прекраснѣе и любезнѣе свойствъ, какія приписаны *Катмору*. Его человѣколюбіе, великодушіе и мужество дѣлаютъ его совершеннымъ Героемъ; привязанность его къ безчеловѣчному *Каирбару* есть одинъ порокъ, которой умаляетъ его славу. Послѣ разбитія и смерти *Катморова*, *Фингалъ* препроводилъ *Ферад-Арта*, послѣднюю отрасль *Кормакова* племени, въ чертоги *Теморы*. Мы прилагаемъ здѣсь родословную, по которой съ перваго взгляда можно видѣть право *Ферад-Артово* на Ирландской престолъ, и его сродство съ *Фингаломъ*.

ТРЕТ-

ГРЕНМОРЪ.

У него два сына :

Трэвалъ,
I. Царь Морвенской.

Комгалъ.

Фингалъ.

Конаръ. I Царь Ирланд.

Кормахъ. II. Царь Ирлан.

Каирбаръ - Махъ - Кормахъ. III. Царь Ирлан.

Оссіанъ, *Филланъ*, *Фергусъ*, *Рино*, *Босмина*.

Оскаръ.

Арто и *Фэрад - Арто* IV Царь Ирлан. утвержденный *Фингалэмъ* на Ирлан. престолѣ.

Кормахъ, V. Царь Ирлан. убитый *Каирбаромъ*, Государемъ *Аты*.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Содержаніе.

ДѢйствіе начинается во время утреннее. *Кайрбаръ* удаленъ отъ своего войска, его извѣстили о приближеніи *Фингала*. Онъ соединяетъ своихъ ратниковъ, и совѣтуетъ съ ними. *Фольдатъ*, вождь *Момы*, говоритъ о непріятелѣ съ презрѣніемъ, но *Малтосъ* ему противорѣчитъ. *Кайрбаръ* слушаетъ ихъ въ молчаніи. Онъ повелѣваетъ уготовить пиршество на полѣ *Лены*, и посылаетъ Барда пригласить къ сему пиршеству *Оссіанова* сына *Оскара*. *Кайрбаръ* вознамѣрился напасть на *Каледонскаго* Героя во время пиршества; *Оскаръ* приходитъ, начинается ссора между имъ и *Кайрбаромъ*. Они сражаются и оба лишились жизни. Войско *Фингалово* слышитъ шумъ сраженія, и летитъ въ помощь *Оскару*. *Ирландцы* обратились въ бѣгство и скрылись позади воинства *Катморова*. *Фингалъ*, оплакавъ смерть своего внука, повелѣлъ Барду своему *Уллину* проводить тѣло его въ *Морвенъ*, и воздвигнуть ему гробницу. Наступила ночь: *Алтанъ* повѣствуетъ *Фингалу*, какъ умерщвленъ *Кормакъ*. *Филланъ* посланъ на холмъ *Моры*, чтобъ наблюдать движенія *Катморовы*, и симъ кончится первая пѣснь.

Уже лаворевыя *Улина* волны вращаются при сіяніи дня; влачные холмы одѣяны свѣтомъ; древа при вѣяніи зефировъ помавают'ъ многолиственными своими главами; голубовидные источники стремятъ шумящія свои воды. Два холма, отягченные старыми дубами, возвышаются надъ узкою долиною. Тамо течетъ безмолвной ручеекъ. На его брегѣ стоитъ жестокосердый *Каирбаръ*, опершись на копіе свое; красныя очи его исполнены ужаса и печали. Изъ глубины его души исходитъ образъ *Кормака*, покрытый страшными ранами; блѣдный привракъ младаго Героя представился во мрачности; кровь течетъ изъ воздушныхъ его ребръ. Три краты *Каирбаръ* повергаетъ копіе свое на землю; три краты простираетъ руку свою ко брадѣ своей. Шагъ его скоръ и кроткъ; часто останавляется онъ и движетъ свои жилистыя мышцы. Тако непостоянный облакъ при каждомъ дыханіи вѣтра перемѣняетъ видъ свой, опечаливаетъ долины, и угрожаетъ имъ внезапнымъ наводненіемъ.

Но приходитъ наконецъ *Каирбаръ* въ силу души своей, и схватываетъ свое копіе. Онъ обратилъ очи на поле *Лены*, и усмотрѣлъ воиновъ, посланныхъ отъ него для соглядания береговъ Океана. Ужасъ ускорялъ ихъ шаги; они бѣжали, озираясь часто позадь себя. *Каирбаръ* позналъ, что сопостатъ

станъ близокъ, и призвалъ вождей своего воинства.

Звучитъ земля подъ ихъ стопами; они приходятъ, и всѣ вдругъ извлекаютъ блисіпающіе мечи. Тамо зрѣлся мрачный *Моралтъ* и долговласый *Гидалла*, вождь *Клуры*. *Кормаръ* оперся на копіе, вращая угрюмые взоры. Но свирѣпѣе того взглядъ *Мальтоса* подъ густыми бровями. Среди ихъ возвышается непоколебимый *Фольдатъ*, Царь *Момы*. Его копіе, какъ сосна *Слимары*, противоборствующая вѣтрамъ; на щитѣ его знаки смертоносныхъ браней, и его око превираетъ ужасъ опасностей. Сіи Герои и тысяща другихъ окружали *Каирбара*. Когда соглядатай Океана пришелъ на поле *Лены*, очи его хотѣли, казалось, изскочить изъ чела его; поблѣдывшія уста его трепетали.

Какъ! вѣщаетъ онъ, воинство *Эрина* спокойно и безмолвно, подобно лѣсамъ при закатѣ солнца, и *Фингала* на брегѣ! владыка *Морвена*, толико страшный въ сраженіяхъ!

Видѣлъ ли ты сего ратоборца? рекъ *Каирбаръ* воздыхая, многочисленны ли сонмы сильныхъ его? Возвысилъ ли онъ копіе брани, или приноситъ намъ миръ? — Не съ миромъ онъ грядетъ, о *Каирбаръ*! я видѣлъ копіе его возвышенно, сталь его багрѣетъ кровію тысящи ратниковъ. Ста-

рость не умалила его болрости. Крѣпкіе члены его движутся съ легкостію. При бедрѣ его виситъ оный пагубный мечь, котораго первый ударъ поражаетъ смертію. Страшный щитъ его подобенъ кровавой лунѣ посреди ужасающей тучи. Ему сопутствуютъ *Оссіанъ*, Царь пѣснопѣвцевъ, и *Гаралъ*, первый изъ смертныхъ. *Конналъ* стремится по слѣдамъ ихъ, опираясь на грозное копіе. *Дермидъ* летитъ, черные и густые власы его развѣваются вѣтромъ. *Фиалаъ*, юный звѣроловецъ *Морны*, напрягаетъ лукъ свой. Но кто сей сильный предтекущій прочимъ Героямъ? То сынъ *Оссіанова*, могущественный *Оскаръ*. Лице его блистаетъ изъ среды густыхъ власовъ его, упадающихъ долгими кудрями на рамена его. Черныя брови его до половины сокрыты подъ сталію шлема его, мечь его виситъ свободно при бедрѣ. При каждомъ шагѣ излетаютъ молніи отъ его копія. О *Каирбаръ!* я убѣгъ отъ грозныхъ его взоровъ.

Бѣги, робкій, рекъ *Фольдатъ* во гнѣвѣ, бѣги ратникъ малодушный ко брегамъ спокойныхъ источниковъ твоего отечества Или не видѣлъ я сего *Оскара?* Такъ, я видѣлъ его въ битвахъ. Безъ сомнѣнія онъ мужественъ, но онъ ли одинъ умѣетъ дѣйствовать копіемъ? *Каирбаръ!* много есть въ *Эринѣ* Героевъ, равныхъ *Оскару* въ мужествѣ. Оставь, да *Фольдатъ* противостанетъ сему бур-

бурному источнику, и онъ воспятитъ его стремительное теченіе; копіе мое чрезленѣетъ кровію сильныхъ, и щитъ мой крѣпокъ какъ стѣна *Гуры*.

Фольдатъ пойдетъ ли одинъ противъ сопостата? рекъ *Малтосъ*. Полны противныхъ ратоборцевъ не наводняютъ ли сего брега? Не тѣхъ ли самыхъ врим мы вождей, которые ниверглы *Сварана*, побѣдителя чадъ *Эринскихъ*? И *Фольдатъ* противу ихъ ополчится! Высокомѣрный *Фольдатъ*! влеки съ собою всѣ силы *Эрина*, и пусть *Малтосъ* сопутствуетъ стопамъ твоимъ. И мой мечь свирѣпствовалъ въ кровопролитіи, но хвалился ли я когда своими грозными подвигами?

Чада *Эрина*! рекъ *Гидалгъ*, брегитесь, да не услышитъ *Фингалъ* вашей бесѣды. Распря ваша обрадуетъ его, и укрѣпитъ новою силою мышцы его. Вы храбры, о ратники! но днесь должно соединить всѣ наши силы, чтобъ противостать враждебнымъ. Тогда самый безстрашный вострепещетъ; копіе упадетъ изъ рукъ сильнаго; мы будемъ для нихъ облакомъ ужаса; едва возчувствуютъ, что тѣнь его омрачаетъ ихъ лица: се, воскликнутъ они, се облако смерти. Въ старости своей восплачетъ *Фингалъ* о погибшей своей славѣ. Земля *Моренская* не будетъ уже чувствовать стопъ Героевъ

своихъ, и мохъ умноженный лѣтами покроетъ стѣны *Сельмы*.

Какъ страшная иногда туча виситъ надъ высотою *Кромлы* незыблема и неподвижна, доколѣ молніи разверзутъ и разбраздятъ ребра ея: тогда багровый блескъ озаряетъ долины, и духи бурь веселятся въ воздухѣ. Тако мрачный *Кайрбаръ* внималъ до кремени своимъ ратоборцамъ, и прервалъ наконецъ свое молчаніе.

Шествуйте уготовать пиршество на полѣ *Лены*. Да будутъ тамъ лики моихъ Бардовъ. Ты, *Олла*, возьми арфу Царя твоего, теки и пригласи *Оскара* къ нашему пиршеству. Днесь пѣсни и празднества, заутра будемъ мы сокрушать копья. Скажи, что я возвысилъ гробницу *Католу*, и Барды мои воспѣли хвалы ему; скажи, что слава, какою увѣнчался онъ при брегахъ *Каруна*, достигла и до меня. Нѣтъ съ нами *Катмора*, великодушнаго сына *Корбарадутула*. Онъ далече съ своимъ воинствомъ, и мы слабы противъ *Фингала*. *Катморъ* отвлекъ бы меня отъ вражды съ сильнымъ *Оскаромъ* посреди пиршества. Его душа блистательна какъ солнце. Но я, я хочу сразиться съ *Оскаромъ*; смерть *Катола* извлекаетъ изъ устъ его тысящу противъ меня поносныхъ словъ, сердце мое уязвленно; *Оскаръ* падетъ на поляхъ *Лены*, и слава моя возрастетъ его кровію.

При

При сихъ словахъ радость излилась на лицѣ всѣхъ: чада *Эрина* разсѣялись въ полѣ, пиршество уготовано, и Барды начали музыкійскіе свои лики.

Мы слышимъ пѣсни ихъ радости, и думаемъ, что пришелъ къ нимъ мужественный *Катморъ*, *Катморъ*, другъ иноплеменныхъ, братъ свирѣпаго *Каирбара*. Коль различны ихъ души! Душа *Катморова* свѣтла, какъ лучь небесъ. Башни его возвышались на брегѣ *Аты*. Седмь путей провождали къ его чертогамъ, седмь вождей бодрствовали всегда на путехъ сихъ, чтобъ приглашать чужестранцевъ къ его пиршествамъ. Самъ *Катморъ* скрывался въ густоту лѣсовъ, избѣгая похвалъ народныхъ.

Олла приглашаетъ *Оскара*. Сынъ мой шествуетъ сопутствуемъ тремя стами ратниковъ. Ловчіе псы скачутъ на полѣ *Лены*, ихъ лаяніе отзывается далече. Не безъ печали взиралъ *Фингалъ* на отшествіе моего юнаго Героя. Онъ спрашился души *Каирбаровой*; боялся, не скрываетъ ли въ себѣ пиршество мрачнаго умысла.

Оскаръ грядетъ, и копіе *Кормаково* въ рукѣ его. Сто Бардовъ исходятъ ему во срѣтеніе. *Каирваръ* въ усмѣшкѣ таитъ смерть, которою угрожаетъ во глубинѣ души своей. Пиршество началось. Радость возсіяла на челахъ воителей *Каирбаровыхъ*; но это умирающій лучь солнца, готоваго по-

грузить пламенную главу свою въ нѣдрахъ тучи.

Кларбаръ - востаетъ, нахмуря чело свое; вдругъ умолкли арфы. Звукъ щитовъ раздается. *Оллы* въ отдаленіи возгремѣлъ пѣснь унынія: мой сынъ познался вѣсть смерти, онъ востаетъ и беретъ копіе свое.

Оскаръ! вѣщаетъ свирѣпый *Кларбаръ*, я вижу копіе *Инисфальское*! Сынъ *Морвенъ*! я вижу въ рукѣ твоей копіе *Геморы*, гордость ста Царей, смерть Героевъ временъ древнихъ; отдай его, сынъ *Оссіанова*, отдай его *Кларбару*. — Кто! я, я отдамъ копіе несчастнаго Царя *Эринскаго*, отдамъ даръ, которымъ юный *Кормакъ* почтилъ побѣду мою надъ сопостатами! Когда *Сарно* побѣгъ отъ лица *Фингалова*, я пластѣлъ въ чертоги *Кормака*. Восхищенъ радостною вѣстію, вручилъ онъ мнѣ копіе *Геморы*. . . . *Кларбаръ*! онъ далъ его не слабому ратнику. Твое мрачное и свирѣпое лице не можетъ устрашить меня, очи твои не поражаютъ меня перунами смерти. Трепещу ли я при звукѣ щита твоего? Пѣсни *Оллы* колеблютъ ли душу мою? Нѣтъ, *Кларбаръ* можетъ устрашить слабаго: *Оскаръ* подобенъ неподвижному камени.

Ты не отдаешь мнѣ копія? возравилъ надмѣнный *Кларбаръ*. Или приближеніе *Фингалово* дѣлаетъ тебя толико деревненнымъ? *Фингалъ*, дряхлый владыка ста *Мор-*

вен-

ирскихъ лѣсовъ, съ безсильными только сражался: отъ лица *Кинрбарова* изчезнетъ онъ какъ столпъ тумана при дыханіи бурныхъ вѣтровъ. —

Когдаъ *Фингалъ*, побѣждающій только робкихъ, приближился ко мрачному вождю *Аты*, скоро бы мрачный вождь *Аты* уступилъ мужеству его поля *Эрінскія*. *Кинрбаръ*! престань говорить о семъ Героѣ: обрати мечь твой противъ меня: силы наши равны, но *Фингалъ* увѣнчанъ славою. *Фингалъ* первый изъ смертныхъ.

Ратники со взоромъ огненнымъ тѣснятся вокругъ вождей своихъ. Тысяща мечей блистаютъ *Оли* возгремѣлъ пѣснь грозной битвы. Сердце *Оскарово* трепещетъ радостію, какъ бы слышитъ оно бранный рогъ *Фингала*.

Воинство *Кинрбарово* противъ него устремилось. . . . Дщерь *Госкара*! для чего сіи слезы? Не палъ еще твой возлюбленной. Прежде гибели своей поразитъ онъ смертію тысящу ратниковъ. Видъ ихъ поверженныхъ *Оскаромъ*, какъ древа пустыни, когда яростная тѣнь стремится нощію и уноситъ въ рукѣ своей злачные ихъ верьхи. *Маронналъ* низверженъ, *Конналгаръ* трепещетъ въ крови своей, *Кинрбаръ* приникъ, избѣгая меча *Оскарова*, и сокрылся за камень. Огражденъ сею защитою, онъ подъемлетъ копіе и пронзаетъ ребра моего лю-

безнаго сына. *Оскаръ* упадаетъ впередъ на щитъ свой, колѣно пріемлетъ и удерживаетъ тяжесть его тѣла, и копіе не исторглось изъ руки его. *Мальвина!* виждь и *Каирбара* поверженна: желѣзо *Оскарово* касается его чела, разсѣкаетъ гордую главу его и раздѣляетъ на двое кровавые власы его. Лежитъ онъ въ пыли подобенъ камени отторженному отъ ребръ утесистыя *Кромлы*. . . . Но мой сынъ уже не востанетъ! *Оскаръ* оперся на свой щитъ. Его страшная десница держитъ еще копіе свое. Чада *Эрина* разсѣяны и трепещущи возносятъ до небесъ тысящу веселыхъ криковъ, отзывы *Лены* повторяютъ ихъ вдали.

Фингалъ слышитъ, пріемлетъ копіе отца своего, грядетъ къ намъ, и вѣщаетъ намъ словеса печали: шумъ брани коснулся моего слуха. Юный *Оскаръ* одинъ, воздвигнитесь, чада *Морвена*, летите въ помощь сему Герою.

Оссіанъ стремится, *Филланъ* скачетъ по равнинѣ. *Фингалъ* слѣдуетъ шагами исполина. Щитъ его изливаетъ страшный блескъ; чада *Эрина* зрятъ его издалече, и трепещутъ ужасомъ. Все вѣщаетъ имъ, что воспламененъ гнѣвъ ярости *Фингаловой*, и смерть ихъ приближается; *Филланъ* и я, мы приспѣли, мы сражаемся. *Эринъ* сдержалъ на минуту первое наше устремленіе; но когда страшный Царь *Морвена* притекъ, какое

мѣдное сердце могло противостать ему? Ратоборцы *Эрина* обратились въ бѣгъ, и смерть за ними стремится.

Мы обрѣли *Оскара* опершася на щитъ свой. Мы врим*ъ* кровь, текущую вокругъ его. Всѣ наши воители обремененны скорбію стоятъ неподвижны; всѣ, отвратя лица свои, проливаютъ слезные источники. Тщетно *Фингалъ* старается утаить свои слезы. Онъ уклонился на сына моего, и произноситъ слова, прерываемыя многократно вздохами.

Оскаръ! ты погибъ среди твоего теченія; сердце старца трепещетъ надъ тобою. Онъ врит*ъ* предбудущія битвы. Въ сихъ битвахъ не будетъ участвовать слава твоя. Когда веселіе воцарится въ *Селм*ѣ, когда изыдетъ изъ *Морвена* скорбное уныніе? Чада мои гибнутъ одинъ послѣ другаго. *Фингалъ* останется послѣднимъ отъ своего племени; снисканная мною слава прейдетъ. Старость моя не будетъ утѣшаема друзьями; сидя въ уединенныхъ моихъ чертогахъ, я уже не узрю тебя грядуща съ торжествомъ, не услышу звука твоихъ оружій. Рыдайте, Герои *Морвена*, *Оскаръ* уже не востанетъ.

Они восплакали о немъ, о *Фингалѣ*! Герой сей любезенъ былъ ихъ сердцу. Онъ шествовалъ на поле брани, и сопостаты исчезали. Радость и миръ провождали его съ битвы. Не рыдалъ отецъ о погибели млад-

дато своего сына, и братъ не проливалъ слезъ о возлюбленномъ своемъ братѣ. . . . Но вождя народовъ уже нѣтъ. *Луатъ* и *Бранно* (*) при сипопахъ его наполняютъ воздухъ печальнымъ воплемъ. Часто *Оскаръ* устремлялся съ ними во слѣдъ пустынныхъ серн.

Оскаръ зритъ вокругъ себя рыдающихъ своихъ друзей, и грудь его волнуется вздохами. Стенанія сихъ старцевъ, вѣщаетъ онъ намъ, вопли сихъ вѣрныхъ псовъ, и внезапные звуки плачевныхъ пѣсней смягчили душу мою, душу досель нечувственну и твердую какъ сталь моего меча. *Оссіанъ*! принеси меня на мои холмы; возвысь памятникъ славы моей. Въ тѣсное и мрачное жилище мое положи рога оленя, и гровный мечь мой: источникъ увлечетъ, можетъ, земныя глыбы, его покрывающія; звѣроловецъ найдетъ желѣзо, и скажетъ: здѣсь положенъ былъ мечь *Оскаровъ*.

Свершилось убо все, о сынъ мой возлюбленный, честь и слава моя! *Оскаръ*! я уже тебя не увижу. Прочимъ родителямъ будутъ повѣствовать подвиги ихъ сыновъ, а я, я не услышу вѣсти о моемъ *Оскарѣ*. Мохъ покрываетъ четыре камня твоей гробницы: вѣтры шумятъ въ его окружности.... Мы безъ тебя уже будемъ ратоборствовать.

Не

(*) Ловчіе псы.

Не станешь ты гоняться за робкими сернами..... Когда воитель возвратится съ битвы изъ чуждыхъ странъ и скажетъ: я видѣлъ подлѣ источника гробъ могущественнаго вождя: онъ палъ ударами *Оскара*, перваго изъ Героевъ: можетъ быть я услышу гласъ его; можетъ быть чувствіе радости обновится тогда въ моемъ сердцѣ.

Ниспускающаяся отъ высоты ночь узрѣла бы насъ еще погруженныхъ въ томной нашей печали, и востекшее утро озарило бы слезы наши; но *Фингалъ*, гоня отъ воинствъ уныніе, возвысилъ гласъ свой; при звукахъ его вожди *Морвена* какъ бы вдругъ отъ тяжкихъ воспрянувъ сновидѣній, подъемлютъ вокругъ его главы свои.

Доколѣ, рекъ онъ, доколѣ рыдать намъ на чуждѣй сей землѣ? Слезы наши не возвратятъ жизни сему Герою. Есть день, въ которой мужественный упадаетъ, и не познается уже на холмахъ своихъ. О ратники! гдѣ отцы наши? Сіи свѣтила блистали въ торжественномъ своемъ шествіи, и сокрылись навсегда. Единый звукъ ихъ славы достигъ слуха нашего. Но были они честь и ужасъ своего времени. О воины! сокроемся и мы подобно имъ; но когда еще можемъ, содѣлаемъ себя знаменитыми; оставимъ по себѣ сіяніе славы нашей, какъ дневное свѣтило напечатлѣваетъ за собою послѣдній блескъ лучей своихъ, скрывая въ

волнахъ запада блистательное свое чело. *Уллинъ*, древній мой БардЪ! взыди на корабль твоего владыки, препроводи *Оскара* въ *Сельму*. Пусть рыдаютъ младыя дщери *Морвена*. Мы будемъ ратоборствовать въ поляхъ *Эрина*, защищая *Кормаково* племя. Дни мои уклоняются къ западу жизни: я чувствую, десница моя слабѣетъ. Праотцы мои приникли на брегъ облаковъ своихъ, чтобъ принять своего сына, обремененнаго лѣтами; но доколѣ соединюсь съ ними, еще узрю я нѣкій лучь моей славы. Слава озарила начало моего теченія, славою возблистаетъ конецъ его, и тако жизнь моя будетъ непрерывный источникъ свѣта въ очахъ будущихъ Бардовъ. — *Уллинъ* развѣваетъ свои парусы: дышетъ вѣтръ полуденный, и валы несутъ корабль къ стѣнамъ *Сельмы* .... Я остался погруженъ на брегъ во мрачную печаль, скрывая скорбь свою въ глубокомъ безмолвіи.

На поляхъ *Лены* уготовляется *Фингалово* пиршество; сто Героевъ возвышаютъ гробъ *Каирбару*; неслышно было никакихъ пѣсней въ его честь и славу; душа его была мрачна и кровожаждуща. Пѣснопѣвцы помнили смерть *Кормака*; что могли они воспѣть въ похвалу *Каирбару*?

Ночь спустилась; сто возженныхъ кубовъ оваряютъ поле; *Фингалъ* сидитъ подъ древомъ; почтенный *Ольтанъ* возсѣлъ среди ими-

ителей и повѣствуетъ смерть несчастнаго *Кормака*; *Альтанъ*, сынъ *Коннигара* и другъ *Кутулина*, жившій въ чертогахъ *Теморы* съ *Кормакомъ*, когда великодушный сынъ *Сема* противоборствовалъ мужественному *Горлату*.

Скорбнымъ и печальнымъ гласомъ, съ исполненными слезъ очами *Альтанъ* начинаетъ повѣсть.

Поникшее къ западу солнце позлащало главу *Доры*; вечеръ начиналъ уже дымовидныя свои тѣни сосединять съ сіяніемъ дня; премѣнные вѣтровъ порывы колебали повременно древами *Теморы*. Мрачный облакъ сгущается по малу, на западѣ, при самомъ брегѣ облака сіяла багровая звѣзда; я былъ одинъ въ густотѣ лѣса. Вдругъ усмотрѣлъ я въ воздухѣ призракъ. Шагъ его простирается съ одного холма до другаго, его ребра покрыты были мрачнымъ щитомъ его. Былъ то великодушный сынъ *Сема*. Я позналъ черты *Кутулина*, но прешелъ онъ быстро въ вихрѣ вѣтра, и мракъ ночи скоро сокрылъ его отъ моихъ очей. Печаленъ, возвратился я въ чертоги *Теморы*. Храмина пиршествъ озарялась тысящію свѣтильниковъ. Сто Бардовъ соглашали свои арфы. *Кормакъ* сидѣлъ посреди ихъ, подобенъ утренней звѣздѣ, когда она съ улыбкою сіяетъ на холмѣ востока, и прохладною росою омываетъ ражда-

даю.

дающіеся свои лучи. Онъ держалъ меч *Арна*, и разсматривалъ радостно его блестящую рукоять. Три краты покушался онъ извлечь его изъ ноженъ, три краты силы ему измѣняли; бѣлые власы развѣвались по плечамъ его, и розами юности животворились его ланиты . . . . . Не могъ я удержать слезъ моихъ, взирая на юный сей лучь, которой скоро долженъ изчезнуть.

Алтанъ! говорилъ онъ съ пріятною улыбкою, зналъ ли ты моего родителя? Какъ тяжелъ мечь его! Вѣрно, мышца его была крѣпка. Почто я не могу уподобляться сему Герою въ тотъ гнѣвный часъ, когда возпламенялась его бодрость? Рано *Кушулину* сражался бы я съ *Горлатомъ*, сыномъ *Калтелы*; но придутъ мои лѣта, о *Алтанъ*, и укрѣпятъ силу мышцы моей. Слышалъ ли ты какую вѣсть о сынѣ великодушнаго *Сема*? Онъ долженъ бы возвратиться уже во блескѣ своей славы, онъ такъ мнѣ обѣщалъ. Мои Барды ожидаютъ его, чтобъ начать свои сладостныя пѣсни, и въ его честь уготовано мое пиршество. — Я безмолвствовалъ, слезы мои текли противъ воли моей. Я старался ихъ сокрыть подъ сѣдиною власовъ моихъ, но юный *Кормакъ* скоро примѣтилъ печаль мою. — Сынъ *Коннагара*! вѣщаетъ онъ, или погибъ уже Царь *Туры*? Отъ чего сіи слезы? Отъ чего тяжкіе вздохи? Или шествуетъ къ намъ *Горлатъ*?

Слы-

Слышишь ты шумъ стремленія *Кинрваровa*? Они приближаются. . . . Мнѣ возвѣщаетъ о томъ мрачная твоя печаль, нѣтъ уже *Кушулина*! почто не летѣть мнѣ на поле брани? . . . Но десница моя безсильна владѣть копіемъ. Ахъ! естьли бы облеченъ я былъ крѣпостію *Кушулина*, скоро бы *Кинрбаръ* побѣгъ отъ лица моего. Я воскресилъ бы славу моихъ предковъ, и подвиги временъ претекшихъ.

При сихъ словахъ пріемлетъ онъ лукъ свой; слезы катятся изъ блистающихъ его очей, безмолвіе и печаль воцарились вокругъ его, сто Бардовъ уклонишись престаютъ играть на арфахъ, вѣтрами сотрясаются только дрожащія ихъ струны, онѣ отзываются томнымъ и плачевнымъ звукомъ.

Въ отдаленіи слышенъ гласъ унынія и жалости, былъ то гласъ почтеннаго *Карриля*, грядущаго съ высоты *Слиморы*. Онъ пѣлъ смерть *Кушуллинову*, и его знаменитые подвиги. Ратоборцы сего Героя разсѣялись вокругъ его гроба, ихъ оружія разметаны по землѣ въ безпорядкѣ. Сердца ихъ забыли труды бранные. Нѣтъ уже того, кто жаромъ своего мужества воспламенялъ ихъ души!

Но кто сіи вожди, рекъ *Каррилъ*, вожди толь радостно шествующіе? Они возвышаются, какъ младыя древа, возращенныя на полѣ дождями весны: ланиты ихъ кроткі

ки и румяны, но безстрашіе ихъ душъ блистаетъ въ ихъ очахъ. Я познаю въ нихъ трехъ сыновъ *Уснота*, мужественныхъ вождей *Эты*: окружаютъ ихъ воители *Кушулиновы*, бодрость ихъ воспрянула. Тако полу угасшій огнь вовпламеняется вдругъ при дыханіи вѣтровъ. Звучитъ уже *Каитбатова* щитъ; уже всѣ Герои мнятъ видѣть *Кушулина* во образѣ *Натоса*: такъ *Кушулинъ* обращалъ блистающіе свои взоры, такъ устремлялся онъ на полѣ брани. Сражались на брегахъ *Лена*, и побѣда всегда провождала мечь *Натоса*: скоро, владыка *Гелмора*, скоро увидишь ты Героя сего въ твоихъ чертогахъ. — О естьли бы я въ сію же минуту увралъ его! отзвтствуетъ *Кормакъ*, но смерть *Кушулина* опечалила душу мою. Гласъ его вовхищалъ слухъ мой, часто мы устремлялись съ нимъ во слѣдъ ланей *Горы*; стрѣлы его никогда ему не измѣняли, онъ бесѣдовалъ со мною о знаменитыхъ Герояхъ, онъ повѣствовалъ мнѣ подвиги моихъ предковъ, и душа моя воспламенялась; но грядли участвовать въ моемъ пиршествѣ, о бардъ! неоднократно слышалъ я тебя прославляюща Героевъ: воспой хвалы *Кушулину* и мужественному *Натосу*.

Раждающійся день озарилъ *Гелмору*, *Гратино*, сынъ престарѣлаго *Гелламара*, приходитъ: я вижу, вѣщаетъ онъ *Кормаку*, черный вихрь стремящійся по равнинѣ. Обманy-

манутыя очи мои почли его сперва облакомъ, но теперь вижу я сонмы ратниковъ. Предшествуетъ имъ безтрепетный вождь. Власы его развѣваются какъ пламенныя волны, щитъ его блистаетъ при лучахъ утра. Въ рукѣ его грозное копіе.

Сынъ *Гелламара*! отвѣтствуетъ юный *Кормакъ*, гряди, пригласи его къ моему пиршеству. Мои чертоги убѣжище иноплеменнымъ, можетъ быть великодушный *Натосъ* шествуетъ во славѣ торжества..... Здравіе могущественному иноплеменнику! (*) но, *Каррилъ*, какъ лице его мрачно и свирѣпо! онъ извлекаетъ мечь свой: Бардъ! сынъ ли это *Уснота*?

Нѣтъ, вѣщаетъ *Каррилъ*, не величественный пришелъ *Натосъ*, но *Каирбаръ*, вождь *Аты*. Мрачный *Каирбаръ*! для чего ты ополченъ входишь въ чертоги *Тэморы*? Не вонзишай меча твоего на юнаго *Кормака*. Куда стремишься ты?.... Онъ летитъ, не отвѣтствуя мнѣ, и схватилъ за руку несчастнаго *Кормака*. Юный владыка видитъ смерть; ярость блистаетъ въ очахъ его. — Удалися вождь *Аты*, удалися, *Натосъ* шествуетъ, и съ нимъ грозная война: ты нападаешь на меня въ моихъ чертогахъ, ты видишь, что десница моя слаба. .... Мечь *Каирбарова* погружается въ ребра

(*) *Каирбаръ* входитъ въ чертоги.

бра моего Царя, онъ палъ среди чертоговъ своихъ предковъ, прекрасные власы его оскверняются прахомъ, и кровь дымится вокругъ его.

Сынъ мужественнаго *Арта!* возопилъ я, ты гибнешь въ чертогахъ твоихъ праотцевъ! почто нѣтъ при тебѣ щита *Кинулмина*, или меча отца твоего? Смерть твоя простерла уныніе на горахъ *Эринскихъ*. Вѣчный миръ душѣ твоей, *Кормакъ*. Должно ли, чтобъ тѣни смерти покрыли тебя во цвѣтѣ лѣтъ твоихъ?

Кайрбаръ услышалъ гласъ мой; онъ заключилъ насъ съ *Карриленъ* во мрачную пещеру: коль ни свирѣпа душа его, не дерзнулъ онъ обагрить меча своего въ крови Бардовъ. Долго мы томились въ отдаленной пещерѣ, но великодушный *Кайрбъ* приходитъ. Ивъ глубины пещеры достигъ до его слуха плачевный нашъ голосъ; тогда обратя къ *Кайрбару* взоры негодованія, доколѣ, вѣщаетъ ему, доколѣ обременять тебѣ печалію душу мою? Сердце твое каменно, пагубоносныя только мысли владѣютъ тобою: но ты братъ *Кайморы*, онъ сразится за тебя. Слабый ратникъ! душа моя не подобна твоей; небесный огнь, сіяющій въ груди моей, помрачается подлыми твоими дѣлами. Барды не воспоютъ хвалы моей; они рекутъ: *Кайморъ* былъ мужественъ, но онъ защищалъ свирѣпаго

Кайр-

Кайрбаръ: въ безмолвіи прейдутъ они мимо гробницы моей, и слава моя погибнетъ. *Кайрбаръ!* возврати свободу Бардамъ. Они пѣвцы славы, гласы ихъ возгремятъ въ потомствѣ; когда уже не будетъ и Царей *Теморы*.

Тако вѣщалъ *Катморъ*: мы изшли изъ глубины пещеры, мы узрѣли своего избавителя. Онъ уподоблялся тебѣ, о *Фингалъ!* когда во цвѣтѣ юности въ первый разъ возвысилъ ты грозное копіе: ни малѣйшій облакъ не омрачалъ лучезарнаго чела его; онъ шелъ тогда съ сонмами ратоборцевъ на помощь *Кайрбару*; нынѣ шествуетъ онъ мстить его смерть.

Да грядетъ онъ, рекъ владыка *Морвена*; мнѣ любезенъ врагъ, каковъ великодушный *Катморъ*; душа его благородна, мышца его крѣпка, битвы его славны. Но душа подлаго подобна туману, которой носясь вокругъ тинистаго блата, не востекаетъ на высоту, чтобъ не встрѣтиться съ вѣтрами; и скрываясь въ темной пещерѣ, стремитъ изъ глубины ея стрѣлы смерти. Юные наши Герои, о ратники! шествуютъ по слѣдамъ отцевъ своихъ; они сражаются во младости, гибнутъ, и слава ихъ гремитъ въ пѣснехъ Бардовъ. Облакъ многихъ лѣтъ сгущается вокругъ меня; но *Фингалъ* не падетъ, какъ престарѣлый дубъ на брегъ неизвѣстной рѣки: звѣроловецъ подходитъ,

видитъ низверженный дубъ: какъ пало высокое сіе древо? и свистя продолжаетъ путь свой.

Барды *Морвена!* возгремите пѣсни радости, изгладьте изъ душахъ нашихъ память прошедшаго. Багровыя звѣзды сіяютъ на насъ сквозь облаки, и уклоняются безмолвно. Утро скоро возникнетъ и покажетъ намъ враговъ *Кормала*. *Фингалъ*! вовьми копіе Царя твоего, теки на покатъ *Моры*, да очи твои летаютъ по равнинѣ быстротою пламени. Соглядай *Фингаловыхъ* сопостатовъ, и шестіе могущественнаго *Катмора*. Я слышу отдаленной шумъ, подобный шуму камней, низвергаемыхъ въ пустынѣ. Ударяй иногда во щитъ твой, да не уловятъ насъ враги внезапно, и помрачатъ славу *Морвена*: я начинаю чувствовать себя въ томномъ нѣкоемъ уединеніи, о сынъ мой! и я боюсь, чтобъ не погибла слава моя.

Барды возвысили гласъ свой; *Фингалъ* уклонишись оперся на щитъ *Гренмора*. Сонъ нисходитъ на вѣжди его; образъ будущихъ его сраженій сотрясаетъ его въ сонныхъ мечтаніяхъ. Воинство покоится вокругъ его: *Фингалъ* на уклонѣ *Моры* соглядаетъ сопостата, и мы слышимъ иногда звуки его щита.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Содержаніе.

Оссіанъ обращается къ тѣни *Гренмора*, и проситъ, да приметъ она сына его *Оскара* въ воздушные чертоги. Слыша шумъ воинства *Катморова*, которое уже приближалось, спѣшитъ онъ къ брату своему *Фингалу* на высоту *Моры*. Водная повѣсть о *Конарѣ*, сынѣ *Гренморѣ*, первомъ Государѣ Ирландіи. *Оссіанъ* возжигаетъ огонь на высотахъ *Моры*. *Катморъ* собираетъ вождей своихъ, и совѣтъ, данный прежде какъ видно *Фольдатомъ*, чтобъ напасть ночью на войско *Фингалово*, отвергаетъ съ презрѣніемъ. Бардъ *Фонаръ* повѣствуетъ о *Кормарѣ*, предкѣ *Катморовомъ*, и сія повѣсть хорошимъ служитъ объясненіемъ *Ирландской* исторіи и тѣхъ правъ, какія племя *Катморъ* имѣло на Ирландскій престолъ. Вожди войска *Эринскаго* предаются сну. *Катморъ* одинъ бодрствуетъ вокругъ своего воинства. *Оссіанъ* съ нимъ встрѣчается: разговоръ сихъ двухъ Героевъ. *Оссіанъ* обѣщаетъ *Катмору*, что будетъ воспѣта надгробная пѣснь *Кормару*. Разлучась съ нимъ, встрѣтилъ онъ *Кирилла*, идущаго изъ пещеры *Гуны*, онъ послалъ его на гробъ *Кимбаров*, чтобы воспѣлъ надгробную пѣснь въ честь сему герою.

Тренморъ, отецъ Героевъ, житель воздушныхъ вихрей, ратоборецъ, ящій подъ стопами своими воспламененное стремленіе грома посреди низпроверженныхъ облакъ! отверзи твои бурные чертоги; воззови къ Бардамъ вѣковъ протекшихъ, да приближатся они поя и касаясь арфамъ своимъ, сокрытымъ до половины въ нѣдрахъ облака. Не робкій мрачныхъ долинъ житель; не безъизвѣстный звѣроловецъ восходитъ нынѣ къ тебѣ въ горняя; но возносится *Оскаръ*, мужественный *Оскаръ* возносится съ поля брани. Какая внезапная, о сынъ мой! премѣна! Коль мало подобенъ ты себѣ, блиставшему на полѣ *Лены!* Вихрь вѣтра окружаетъ тебя, и со свистомъ уноситъ въ страны воздушныя.

Видишь ли ты отца своего рыдающа во мракѣ ночи? Вожди *Морвена* далече отъ меня покоятся. . . . Они не лишились сына: такъ, вожди *Морвена*, но вы лишились Героя.

Кто можетъ впредь сравниться съ нимъ крѣпостію, когда кровавыя брани волны вращались вокругъ его? . . . Но почто сей мрачный облакъ на душѣ *Оссіана*? Она должна воспламениться при видѣ опасности. Воинство *Эрина* приближается; владыка *Морвена* одинъ. . . . Ты не будешь одинъ, о любезный мой родитель! доколѣ десница моя не слаба возвышать копіе.

Такъ

Такъ вѣщая восталъ я, и мои оружія возгремѣли; я склонилъ слухъ мой къ дыханію вѣтровъ ночи. Я не слышу звука щита *Фингалова*, я вострепеталъ о сынѣ *Финголовомъ*. Страшился я, да врагъ не уловитъ его внезапу во мракѣ ночи, и се внемлется вдали печальный и глухій шумъ, подобный шуму озера *Лега*, когда воды его, стѣсненныя мразомъ, расторгаютъ вдругъ всѣ свои узы, и трескъ льда отзывается далече; народы *Лары* подъемлютъ очи свои въ высоту и предзидятъ страшную бурю. Я стремлюсь вдоль поля, держа въ рукѣ копіе *Оскарово*. Звѣзды озаряли меня, и мое оружіе играло ихъ лучами. Я приближаюсь и зрю *Филлона* уклоншася въ безмолвіи на возвышеніе *Моры*. Онъ внималъ воплямъ сопостата, и сердце его трепетало радостію. Услыша стопъ моихъ шумъ, обратилъ онъ противъ меня копіе свое. Сынъ ночи! воззвалъ онъ, мирный ли ты путешественникъ, или хочешь противостать моему гнѣву? Враги *Фингаловы*, враги мои; вѣщай, или страшись сего желѣза; не тщетно я здѣсь, яко щитъ *Морвенскаго* племени — Нѣтъ, сынъ *Клавы*, никогда тщетно не понадѣются на твое мужество; уединеніе начинаетъ окружать *Фингала*, вечеръ жизни его омрачается; но имѣетъ онъ двухъ сыновъ, которые возблистаютъ во

бранехъ, и сіи два (а) лучезарныя свѣтила озарятъ отшествіе его отъ среды живыхъ. — *Оссіанъ*! не далекъ еще день, какъ возвысилъ я въ первый разъ копіе мое. Десница моя не много еще оставила знаменитыхъ слѣдовъ моего мужества; но душа моя огненна. Вожди *Долги* (б) тѣснятся вокругъ щита великодушнаго *Катмора*; приближусь ли я къ ихъ воинству? Одинъ *Оскаръ* только побѣдилъ меня въ бѣганіи на полѣ *Кіны*. — Нѣтъ, *Филланъ*, не приближайся къ ихъ воинству, не погибай, не содѣлавъ имени своего славнымъ. Мое имя гремитъ уже въ пѣснѣхъ Бардовъ, но безъ нужды подвергаюсь ли я опасностямъ? Окруженъ ночію, буду я соглядать движеніе блистательныхъ ихъ племенъ. . . . . *Филланъ*! почто произносишь ты имя *Оскарово*, обновляя вздохи въ груди моей?

Мнѣ должно забыть Героя сего, доколѣ прейлетъ буря. Печаль должна бѣжать отъ среды опасностей, и слева отъ очей

(а) *Фингалъ* имѣлъ съ собою въ *Ирландіи* двухъ только сыновъ, *Оссіана* и *Филлана*; *Фергъ*, второй его сынъ, былъ тогда въ походѣ противныхъ непріятелей. *Оссіанъ* воспѣлъ его сраженія, но Г. *Макферсонъ* не перевелъ сей поэмы.

(б) Полуденная часть *Ирландіи* нѣсколько времени называлась Болгіею, отъ *Фирболговъ* или *Белговъ* въ ней поселившихся.

очей брани. Предки наши забывали смерть сыновъ своихъ, доколѣ престанетъ шумъ оружій; послѣ плакали они при гробахъ чадъ своихъ, и Барды гремѣли пѣснями унынія.

Конаръ, братъ *Гроѳмма*, ратоборствовалъ на всѣхъ брегахъ. Тысяща источниковъ стремили кровь его сопостатовъ; звукъ славы его, какъ пріятный зефиръ, наполнялъ страну *Эрина*; народы стекалися въ *Ульмичъ* и благословляли знаменитаго Царя, пришедшаго изъ земли ихъ праотцевъ

Гордые вожди полудня (в) собралися тайно въ страшную пещеру *Мома*. Тамо, какъ повѣствуютъ, блѣдные призраки предковъ, исходя часто изъ разсѣдинъ камени, воспламеняли ихъ отмщать честь и славу *Колги*. Для чего, вопили они, для чего *Конаръ*, чадо *Морвена*, царствуетъ надъ нами?

Сто племенъ устремляются яростно. Но *Конаръ* подобенъ твердой скалѣ, раздробляющей и гонящей далеко безсильныя волны. Ихъ сонмы еще соединяются и разсѣваютъ наконецъ воинство *Ульмина*. *Конаръ* стоитъ среди пораженныхъ, съ печалію уклонилъ онъ къ землѣ изумленное чело свое: душа его свивается сама въ себѣ. Уже назначалъ

(в) Вожди *Фирболговъ*, которые заняли полуденную часть *Ирландіи*, прежде нежели *Кельты* поселилися въ сѣверной странѣ сего острова, то есть въ *Ульстерѣ*.

онъ взоромъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ пасть, какъ вдругъ узрѣлъ приближеніе *Гравала*, вожля *Моренскаго*. Близъ его шествовалъ юный *Кольгаръ*, единый плодъ брака его съ любезною *Солин-Кормою* (г).

Какъ *Гремморъ*, облеченъ воздушными огнями нисходитъ изъ чертоговъ грома и устремляетъ черные вихри на моря: тако страшенъ *Кольгаръ* летитъ въ сраженіе, и опустошаетъ поле брани. *Гравалъ* взиралъ на него съ возхищеніемъ; стрѣла летитъ; гробъ ему возвышенъ, и ни одна капля слезъ не излілась. *Гравалъ* мститъ гибель своего сына; онъ ратоборствовалъ, доколѣ воинство *Волги* уступило ему побѣду.

Но когда возсіяли дни мира, и волны морей пренесли корабль его въ *Моренъ*, вспомнилъ онъ тогда о сынѣ своемъ и рыдалъ въ безмолвіи.

Барды, близъ пещеры *Фюрмона*, три краты призывали душу *Кольгара*, три краты приглашали ее на свои холмы. Герой услышалъ ихъ отъ высоты облака, *Гравалъ* положилъ во гробъ его мечь свой, чтобъ возвеселить тѣнь своего сына.

Коль-

(г) *Кольгаръ*, старшій сынъ *Гравала*. *Комгалъ*, отецъ *Фингаловъ*, былъ еще отрокомъ во время похода сего въ *Ирландію*. *Оссіанъ* весьма мало о немъ упоминаетъ, потому что онъ былъ свирѣпъ и жестокосердъ.

Кольгарѣ! возопилъ *Филланъ*, ты прославился въ нѣжномъ цвѣтѣ своей младости, но *Фингалъ* не зрѣлъ еще меча моего, блистающа средь бурныхъ сраженій. Я шестную въ сонмѣ обыкновенныхъ ратниковъ, и возвращаюсь безъ славы. Но, *Оссіанъ*, я слышу, приближается сопостатъ. Шумъ его шествія подобенъ гремящему въ земныхъ нѣдрахъ перуну, когда бурно колеблются древа на потрясенныхъ холмахъ своихъ, хотя ни малѣйшій вѣтръ не движетъ омраченнаго воздуха.

Не косня я гряду вспять опираясь на копіе свое; я воспламенилъ дубъ на высотѣ холма. Вѣтры *Моры* разстилаютъ пламень далече. *Катморъ* остановился посреди своего пути. Стоя неподвиженъ, и покрытъ блестящимъ своимъ оружіемъ, уподоблялся онъ камени, когда вѣтры, странствуя вокругъ его ребръ, сковали шумящіе водопады его и одѣли ихъ льдомъ твердымъ. Таковъ врѣлся другъ иноплеменныхъ. Вѣтры развѣвали густые власы его; высотою величественнаго стана своего превосходилъ ты, о *Катморъ*! всѣхъ чадъ *Эрина*.

Вождь Бардовъ моихъ! рекъ *Катморъ* *Фонару*, призови Героевъ *Эринскихъ Кормара*, *Мальтоса* и *Мароннана*; да грядетъ и высокомѣрный *Фольдатъ* съ *Гурлотомъ*. Не забудь *Уидалла*, гласъ его пріятенъ среди опасностей, какъ шумъ дождя, падающа-

го въ жаждущую долину, когда зноемъ солнца прервутся струи *Аны*.

Ратоборцы шествуютъ покрыты гремящимъ оружіемъ; они уклонились, внимая *Кат-мору*, какъ бы тѣни отцевъ ихъ вѣщали имъ изъ нѣдръ облачныхъ. Грозны, блистали они при свѣтѣ возженныхъ дубовъ, какъ источникъ *Брюма* (д) въ пѣнистомъ своемъ паденіи, когда при мракѣ ночи озаряется онъ огнемъ воздушнымъ: странникъ видитъ его, трепещетъ, остановляется, и въ тверди небесной ищетъ перваго луча денницы.

Для чего *Фольдатъ*, вѣщаетъ тогда *Катморъ*, для чего любишь ты проливать кровь сопостата во мракѣ ночи? Уже ли слаба твоя десница въ сіяніи дня? Враги не многочисленны; почто укрываться намъ подъ крилами темноты? Мужественные сражаясь за свое отечество, желаютъ быть видимы. *Фольдатъ*! совѣтъ твой безполезенъ. Очи *Моренскихъ* чадъ не отягчены сномъ. Они отверсты, какъ взоры орла на высотѣ холмистой. Да каждый вождь соединитъ племя свое вокругъ себя: заутра я ополчусь противъ сопостатъ *Холги*. ... Могущественъ былъ

(д) *Брюмъ*, мѣсто священное на одномъ, какъ думаютъ, изъ острововъ *Этландіи*. Тогда вѣрили, что души умершихъ посѣщали его во время ночи.

былъ ратоборецъ низверженный ими, *Каирбаръ*, сынъ *Борбаръ-Дутула*!

Катморъ! возразилъ *Фольдатъ*, никогда я безъ отличія не шествовалъ предъ Героями твоего племени, и со врагами *Кирбара* всегда ратоборствовалъ я при свѣтѣ небесъ. Герой сей восхвалялъ мои подвиги... Но гробъ его возвышенъ безъ пролитія слезъ. Ни единый Бардъ не воспѣлъ ему хвалы, и я дозволю врагамъ его веселиться спокойно на холмахъ своихъ? . . . Нѣтъ, не будутъ они веселиться: *Кирбаръ* былъ другъ *Фольдату*, мы бесѣдовали съ нимъ тайно въ молчаливой пещерѣ *Момы*, когда ты, будучи еще отрокомъ, гонялся на поляхъ за летающими цвѣтами терновника. Я устремлюсь съ своими ратниками противъ сопостата. Я найду престарѣлаго владыку *Моргена* на мрачныхъ холмахъ его. Онъ падетъ мною во гробъ, и Барды не возвѣстятъ его имени. Малодушный воитель! рекъ *Катморъ*, или мечтаешь ты, что *Уинлю* можетъ пасть безславно? Могутъ ли Барды безмолвствовать при его гробѣ? Ихъ пѣсни возгремятъ о немъ противъ воли твоей, и обратятъ тѣнь Героя сего. Знай, при твоей гибели забудутъ Барды сладостныя свои пѣсни. Душа твоя мрачна и свирѣпа, вождь *Момы*, хотя мышца твоя ужасна во ранѣхъ. Могу ли я забыть владыку *Эрина* въ тѣсномъ его жилищѣ? Сердце мое всегда

гда исполнено чувствительности къ *Каир бару*, къ моему любезному брату. Я видѣлъ радость блистающую сквозь мрачны облаки, окружающіе тѣнь его, когда съ по бѣдою и увѣнчанъ славою возвращался я из *Аты*.

Катморъ повелѣлъ вождемъ удалиться; они грядутъ, каждый къ своему племени. Глухой ихъ шумъ слышится вдали. Они почили на полѣ. Ихъ оружія блистаютъ слабо при лучахъ звѣздныхъ, подобно волнамъ, устремленнымъ вѣтрами ночи въ заливъ каменистый. *Катморъ* успокоился при корени дуба. Темновидный кругъ щита его висѣлъ на вѣтвяхъ. Близъ его младой *Инисгунскаго* (e) ратникъ стоялъ уклонившись къ камени. Любезный сей иноплеменникъ пришелъ изъ страны *Люмона*. Въ нѣкоемъ отдаленіи слышенъ былъ гласъ *Фонара*; почтенный сей Бардъ пѣлъ дѣянія временъ претекшихъ, и гласъ его терялся иногда въ шумѣ волнъ *Любара*.

Кротаръ (ж), вѣщаетъ Бардъ, *Кротаръ* первый обиталъ на брегахъ источниковъ *Аты*;

(e) *Сюльмалла*, дочь *Конмора* Царя *Инисгунскаго*. Она въ одеждѣ юнаго воина сопутствовала *Каттмору*.

(ж) *Кротаръ* предокъ *Каттморовъ*, и онъ первой изъ своего племени поселился въ *Атѣ*. Тогда-то возгорѣлись первыя войны между *Кельцами*

Аты; тысящи дубовъ, низшедшихъ съ высоты горъ, составили пространные его чертоги. Безчисленныя племена стекались къ его пиршествамъ. Но кто изъ всѣхъ вождей могъ сравниться съ гордымъ *Кротаромъ*? Въ его присутствіи мужество ратоборцевъ воспламенялось. Юный вздохъ дѣвицъ исторгался тайно изъ ихъ персей. Вождь сей племени *Болги* почитался первымъ Героемъ въ *Алнекмѣ* (з). Нѣкогда звѣроловствовалъ онъ въ *Уллинѣ* на холмѣ *Друмарла*; прекрасная *Коллама* узрѣла его изъ дубравы. Она воздохнула, и поникла очами къ землѣ. Луна озаряла сонъ ея, и видѣла, какъ двигались ея бѣлыя руки; среди сонныхъ мечтаній занималась душа ея мужественнымъ *Кротаромъ*.

Три дни пиршествовалъ *Кротаръ* съ *Катминомъ*; въ день четвертый возмутили они покой робкихъ ланей. *Коллама* сопутствуетъ имъ на ловитву; всѣ ея движенія, всѣ слѣды ея вливаютъ любовь. Она встрѣтила *Кротара* на узкой стези; лукъ упадаетъ изъ ея руки; она отвратилась, и сокрыла до половины въ волосахъ своихъ прелестное свое лице. . . . *Кротаръ* воспламе-

---

ми и Фирболгами. Распря между Кротаромъ и Конаромъ есть начало войны, служащей содержаніемъ сей поэмѣ.

(з) Древнее названіе Конногта.

менился любовію; онъ взялъ въ чертоги свои прекрасную *Колламу*. Въ ихъ пришествіе возгремѣлъ воздухъ пѣніемъ Бардовъ, и радость окружила милую дщерь *Уллина*.

Юный *Гуриохъ* любилъ также *Колламу*. Восхищенъ яростію, вноситъ онъ кровавую брань въ *Аінемму*. *Кормулъ*, братъ *Кромтарова*, стремится ему противостать; но онъ побѣжденъ и народъ его стонетъ. Мрачный и сильный *Кронтаро* прелетѣлъ чрезъ источникъ безмолвно. Онъ женетъ сопостата далече отъ *Аінеммы*, и его возвратъ исполнилъ веселія нѣжную *Колламу*.

Битвы слѣдовали за битвами; кровь изливалась на кровь; повсюду возвышались гробы сильныхъ, и облаки *Эрина* наполнились тѣнями Героевъ. Вожди полудня соединяются вокругъ звучащаго щита *Кронтарова*. Онъ летитъ по слѣдамъ враговъ, и смерть въ его деснице. Юныя дѣвы рыдаютъ на брегахъ источниковъ *Уллина*; онѣ смотрятъ на туманъ холма, и не видятъ ни единаго звѣроловца, сходящаго съ кремнистой его главы. Повсюду владычествуетъ безмолвіе, вѣтры только шумятъ во гробахъ покрытыхъ мохомъ.

Какъ быстрый орелъ небесъ, несомый на шумныхъ крылѣхъ своихъ, когда съ радостію оставляетъ онъ жилище вѣтровъ, *Кинаръ* сынъ *Уренмора*, пагубная лесница смерти, простерся изъ лѣсовъ *Морвена*. Муже-

ство его воскрилилось надъ *Эриномъ*; смерть сопутствуетъ ударамъ меча его. Ратоборцы *Волки* бѣгутъ отъ лица его; тако бурный источникъ стремитъ предъ собою корыстни лѣсовъ и полей. *Кротаръ* и *Конгръ* сражаются. Воители *Кротара* обратились въ бѣгство. Печаленъ и смущенъ удаляется онъ тихими стопами. Онъ блисталъ послѣ въ странѣ полудня, но подобно осеннему солнцу, когда облечено въ ризу тумана посѣщаетъ оно черные источники *Лары*; увядшая трава напоена росою, и поле свѣтуетъ, хотя и еще блистательно.

Бардъ! рекъ *Катморъ*, почто ты возраждаешь во мнѣ память о геройхъ, обращенныхъ въ бѣгство? Или тѣнь нѣкая изъ нѣдръ облака приникла къ тебѣ, и вліяла мысли устрашить *Катмора*, и удалить его съ поля чести злополучными повѣстьми?.... Призракъ ночи! гласъ твой не есть для меня порывъ стремительнаго вѣтра, которой разноситъ траву полей и устилаетъ ею источники. Въ груди моей возвышается гласъ, гласъ мнѣ одному внятный: онъ запрещаетъ мнѣ избѣгать брани.

Бардъ въ смущеніи отшелъ, и сокрылся во мракѣ ночи. Онъ уклонился надъ источникъ: мысли его летятъ къ счастливымъ днямъ, когда *Катморъ* внималъ съ радостію пѣснямъ его; летятъ мысли, и слезы текутъ по его ланитамъ.

Уже

Уже почили въ объятіяхъ сна ратоборцы *Эрина*, но вѣжди *Катмора* не обременяются сномъ. Углубя душу свою въ печальныя мысли, зритъ онъ *Кашрбарову* тѣнь, лишенну надгробной пѣсни, и странствующу на вѣтрахъ ночи. Онъ востаетъ, ходитъ вокругъ своего воинства, и ударяетъ повременно въ щитъ свой. Звукъ коснулся *Оссіанова* слуха на высотѣ *Моры*. *Фингалъ!* вовопилъ я, враги приближаются. Пребудь въ сей тѣсной стези, я стану наблюдать ихъ шествіе. Естьли я паду, и сопостатами наполнится поле, ударь во щитъ твой; возбуди *Фингала*, да слава его не погибнетъ.

Я простерся во громъ оружія. Я прескочилъ источникъ, изливающійся предъ воинствомъ *Аты*. Среди пути моего встрѣтилъ я *Катмора*, шествующа съ подъятымъ копіемъ. Тогда сразились бы мы въ страшныхъ силахъ мужества, подобны двумъ враждующимъ тѣнямъ, уклонившимся на брегъ своихъ облакъ и дышущимъ другъ къ другу гремящими вѣтрами; но я позналъ шлемъ владыки *Эринскаго*. Сей грозный шлемъ отѣненъ крыломъ орла, развѣваемымъ шумно устами вѣтровъ, и багровая звѣзда блистала среди колеблемыхъ его перьевъ.

Я удержалъ копіе мое, готовое поражать. Царей ли шлемъ вижу я? Кто ты, сынъ ночи? Смерть твоя умножитъ ли славу *Оссіанову*? Рекъ, и копіе *Катморово* упадаетъ

изъ руки его. Онъ простеръ во мракъ десницу ко мнѣ, и вѣщаетъ:

Другъ твоей геройскихъ! тебя ли встрѣтилъ я во мракѣ ночи? Многократно желалъ я присутствія твоего въ *Лиѣ*, во дни моего веселія.... Могу ли возвысить противъ тебя копіе мое во мглѣ? *Оссіанъ!* солнце должно взирать на битву нашу. Грядущіе воители уврятъ мѣсто нашего противоборства, и со трепетомъ помыслятъ о временахъ претекшихъ. Тако видъ мѣстъ, посѣщаемыхъ тѣнями, изливаетъ въ душу удовольствіе, соединенное съ ужасомъ.

Будетъ ли забвенно мѣсто, отвѣтствовалъ я, гдѣ встрѣтились мы съ тобою мирно? Память сраженій всегда ли пріятна сердцу? Мы съ радостію взираемъ на мѣста, гдѣ отцы наши ликовали въ пиршествѣ; но въ поль ихъ брашей слезы текутъ изъ очей нашихъ. Сей камень возвысится и скажетъ будущимъ вѣкамъ: здѣсь *Катморъ* и *Оссіанъ* встрѣтились между собою, и вѣщали другъ другу словеса мира. О камень! когда ты извѣснешь, когда воды *Лювара* престанутъ течь, тогда можетъ быть путешественникъ придетъ опочить на семъ мѣстѣ; въ часы, какъ омраченная луна покатится надъ главою его, тѣни наши предстанутъ ему въ сонныхъ мечтахъ, и напомнятъ ему о семъ знаменитомъ происшествіи.... Но почто такъ съ мрачнымъ ли-

цемъ удаляешься отъ меня, сынъ *Барбар*ы *Дутула*? — *Оссіанъ*! наши имена не будутъ забвенны, когда взыдемъ мы въ жилище вѣтровъ: наши дѣянія возблистаютъ предъ очами грядущихъ Бардовъ. Но печаль окружаетъ *Ллу*. *Кайрбаръ* спитъ въ тѣсномъ жилищѣ, лишенъ надгробной пѣсни. Его мрачная душа сохранила навсегда чувствіе дружества къ *Катмору*. — Владыка *Ллы*! гнѣвъ мой не сопутствуетъ *Кайрбару* во гробъ: ненависть моя улетаетъ на крылѣхъ орла, далече отъ побѣжденнаго сопостата. Братъ твой услышитъ пѣсни Бардовъ, и тѣнь его возвеселится среди облакъ.

Слова мои утѣшили *Катморово* сердце: онъ отъемлетъ отъ бедры своей кинжалъ, вручаетъ его мнѣ, испускаетъ тяжелый вздохъ, и удаляется безмольно. Я проводилъ его очами, онъ блисталъ въ темнотѣ какъ призракъ, которой встрѣчается путешественнику въ мрачномъ кустарникѣ: слова привидѣнія темны и неясны, какъ пѣсни древнихъ временъ, и безобразная тѣнь удаляется, и вдругъ исчезаетъ при первыхъ лучахъ утра.

Но кто шествуетъ изъ долины *Любра*? Кто исходитъ изъ важныхъ изгибовъ одежды восшекшаго утра? Капли росы на главѣ его. Онъ печаленъ и уныль. Это *Кай*

Карриль (и), пѣвецъ временъ древнихъ. Онъ грядетъ изъ молчаливой пещеры *Туры*. Я вижу его на камени сквозь легкій покровъ тумана. Тамъ можетъ быть. *Кушуллина* тѣнь сидитъ на крилахъ вихря, срывающа съ корнемъ древа холмовъ. Онъ утѣшается, внимая утренней пѣсни *Эринскаго* Барда.

(і) Волны тѣснятъ другъ друга и убѣгаютъ вспять со ужасомъ: о солнце! онѣ слышатъ шумъ твоего шествія Сынъ небесъ! коль страшна красота твоя, когда смерть таится во пламенныхъ твоихъ кудряхъ, и стремишь ты предъ собою на сонмы воинства горящіе твои пары! Но коль пріятны лучи твои звѣроловцу, сидящему близъ камени въ часъ бури, когда смотришь ты на него сквозь облака, и свѣтишь на влажные власы его! Радостенъ, уклоняетъ онъ взоры свои на долину и видитъ, какъ спускаются и скачутъ серны. Солнце! доколѣ ты возставать будешь во бранѣхъ? Доколѣ кататься по небесамъ какъ щитъ кровавой? Я зрю, тѣни Героевъ странствуютъ окрестъ тебя, и омрачаютъ величественный твой кругъ....

и) Здѣсь начинается утро втораго дня отъ начала поэмы. Послѣ смерти *Кушуллина*, *Карриль*, его Бардъ, удалился въ пещеру *Туры*, недалече отъ поля *Лены*.

і) *Карриль* поетъ пѣснь утра.

Но куда заблуждая сократились рѣчи *Кар-рилла*? Сынъ небесъ ощущаетъ ли печаль? Всегда свѣтелъ и блистателенъ въ своемъ теченіи, ликуетъ онъ среди лучей своихъ. Катись свѣтило нечувствительное... Но, можетъ быть, падешь и ты нѣкогда; не смотря на всѣ твои усилія. Черная твоя олеила (к) покроетъ тебя навсегда среди выбей лазоревыхъ.

Гласъ твой, рекъ я *Карриллю*, утѣшителенъ душѣ *Осслановой*, какъ журчаніе утренняго дождя, когда окропляетъ онъ долину, озаряемую первыми лучами со лица. Но *Баралъ*, не нынѣ время спорить въ пѣснѣхъ *Оссіанъ* въ оружіи. При стопахъ сей скалы ты видишь пламенные лучи, излетающіе отъ его щита; ты видишь мрачный и грозный взоръ, какой мещетъ онъ на волны сопостатъ, стремящихся на поле.

Но, *Карриль*, видишь ли ты гробъ сей на брегѣ источника? Три камня возвышаютъ голубоподобныя главы свои подъ тѣнію дуба, сообеннаго вѣтрами: подъ сими камнями покоится вождь: отверзи душѣ его жилище вѣтровъ, отверзи ему воздушные чертоги: почилъ здѣсь братъ *Катмора*; да вострепещутъ пѣсни твои къ его тѣни, и взыграетъ она радостію.

ПѢСНЬ

(к) Затмѣніе.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Содержаніе.

СЪ восхожденіемъ солнца *Фингалъ* говоритъ рѣчь къ своему воинству, и поручаетъ предводительствовать онымъ *Галлу*, сыну *Морніи*. Тогда было обыкновеніе, что государь не вдавался въ опасность, какъ только въ случаяхъ, гдѣ нужно было отличное мужество и благоразуміе. Онъ удалился съ *Оссіаномъ* на скалу *Кормулу*, съ которой видно было поле сраженія. Барды воспѣли пѣснь брани. Описаніе битвы вообще. *Галлъ* сынъ *Морніи* отличается храбростію: онъ убилъ *Уллатона*, вождя *Морутскаго*, и другихъ вождей не столько знаменитыхъ. *Оссіанъ*, по примѣру *Фингала*, поручилъ свое войско *Филлану*, которой съ своей стороны оказалъ многіе опыты мужества: онъ убилъ *Коннала*, вождя *Дунлоры*, и готовъ уже сразиться съ *Галломъ*. *Галлъ* въ сію минуту раненъ въ руку стрѣлою, пущенною на удачу. *Филланъ* летитъ къ нему на помощь и невѣроятное оказываетъ мужество. Наступаетъ ночь. *Фингаловъ* рогъ возбудилъ знакъ къ отступленію. Барды поздравляютъ его съ побѣдою. Они поютъ хвалы *Галлу* и *Филлану*. Начинается пиршество. *Фингалъ* плачетъ о смерти *Коннала*. Вводная повѣсть о *Конналѣ* и *Дутхаронѣ*, которая объясняетъ собою древнюю *Ирландіи*

исторію. *Каррило* повелѣно, чтобъ воздвигнулъ онъ гробъ *Конналу*. — Дѣйствіе сей пѣсни содержитъ въ себѣ второй день.

Кто сей сильный, при брегѣ *Лубара*, близъ холма робкихъ сернъ? Величественъ высотою стоитъ онъ на дубѣ, исторгнутомъ изъ горы вихрями ночи. То *Фингалъ*, готовый послѣднимъ своимъ возгремѣть сраженіемъ. Онъ извлекъ до половины мечь *Аноновъ*. Очи его сопутствуютъ всѣмъ движеніямъ сопостата на полѣ *Лены*. Слышите ли гласъ его гремящій въ полѣ?

Я зрю нисходящіе сонмы *Эрина*; чада *Морвена*! всздвигнитесь. Лучь радости сіяетъ въ душѣ моей. Мнѣ пріятно, когда враги мои многочисленны и сильны. Слабы они, *Фингалъ* воздыхаетъ; онъ боится, да похищенъ внезапною смертію не снидетъ во гробъ безъ славы. Кому инъ моихъ Героевъ поручу я нынѣ мое воинство? кто будетъ вождемъ его? Зане мечь мой долженъ блистать въ пагубоносныхъ только опасностяхъ: такъ ратоборствовали нѣкогда мои предки, *Гренморъ* владыка бурь, и непобѣдимый *Трафалъ*.

Онъ рекъ, и вожди къ нему склонились; каждый втайнѣ присвояетъ себѣ честь начало-вождя; каждый повѣствуетъ свои подвиги, обращая взоры свои къ сопостату. Далече отъ прочихъ Героевъ сынъ *Морнѣ* сто-

стоялъ безмолвенъ. Кому неизвѣстны дѣянія сына *Морниева*? Всѣ онѣ вдругъ напечатлѣваются тогда въ душѣ его: пламенѣя тайнымъ нетерпѣніемъ, схватилъ онъ страшный мечь, извлеченный имъ нѣкогда изъ гроба своего родителя (а).

Три краты юный *Фингалъ* возводилъ очи на своего отца, и хотѣлъ ему говорить;

(а) Во время похода *Галлова* въ *Трематочь*, о чемъ упоминается въ поэмѣ *Оитанъ*, *Морній* отецъ его умеръ. При смерти своей приказалъ онъ, чтобъ мечь его положенъ былъ съ нимъ во гробъ, и чтобъ *Галлъ* не вынималъ его оттолѣ, какъ только при самой крайней опасности. Спустя нѣсколько времени, два *Галловы* брата убиты были на брани *Кольдаронманомъ* вождемъ *Клуты*. *Галлъ* пришелъ ко гробу своего родителя, чтобъ взять мечь сей. *Оссіанъ* сочинилъ на сей случай поэму; но изъ нее *Макферсонъ* не могъ ничего опредѣлить, кромѣ разговора *Галлоза* съ тѣнію *Морніи*.

Галлъ.

Рушитель щитовъ враждебныхъ, о ты, котораго глава поникшая въ темнотѣ гроба, сыне *Колгаковъ*! изъ нѣдръ облака ормачающаго *Клоору* услыши гласъ мой.

Никакой шумъ не возмущаетъ тихаго журчанія моихъ источниковъ. Изъ нѣдръ тумановъ тебя окружающихъ, о Царь *Струмона*! внемли гласу твоего сына.

Обитаешь ли ты среди вѣтровъ, волнующихъ злачный дернъ? Престань упѣшаться на равнинѣ.

три краты слова умирали на устахъ его. *Фингалъ* не могъ еще извислить своихъ. подвиговъ. Отчаянъ, удаляется онъ пространнымъ шагомъ. Онъ уклонился надъ источникъ, и слезы готовы течь изъ очей его. Иногда ударитъ онъ копіемъ, и верхи кустарника летятъ за хребетъ его. Волненіе *Фингалово* не укрылось отъ *Финеала*; онъ приниже. О вождь *Клоры*! склони ко мнѣ слухъ твой.

Или носясь на лучѣ солнца странствуешь ты посреди облакъ? Дышешь ли порывистыми вѣтрами на лице морей, чтобъ устремить волны ихъ на гордые острова? Родитель *Галловъ*! внемли гласу его изъ глубины твоихъ бурныхъ тучъ.

Но я слышу полетъ устрашенныхъ орловъ. Стенящіе лубы сотрясаютъ верхи свои на холмѣ. Другъ Героевъ! коль тебѣ приближеніе пріятно и купно страшно!

Тѣнь *Морія*.

Кто пробуждаетъ меня во глубинѣ моихъ облакъ? По что гласъ *Галла* соединяется съ гласомъ грома?

Галлъ.

Враги меня окружаютъ, о *Морій*! Черные корабли ихъ при моемъ брегѣ. Дай мнѣ мечь, сокрытый у тебя во мракѣ.

Тѣнь *Морія*.

Возьми сей грозный мечь. Съ высоты воздушной буду я взирать на твои подвиги. О *Галлъ*! пѣхи, разрушай.

примѣтилъ своего сына; радость его восприяла, душа его живѣйшею тронулась чувствительностію; онъ отвращаетъ лице свое къ холму кремнистой *Моры*, и бѣлыми своими власами старается закрыть текущія слезы. Наконецъ вѣщаетъ онъ:

Достойный сынъ *Морни!* камень, презирающій наглость бурь! буди вождемъ сраженія, которымъ возгремлю я за племя несчастнаго *Кормака*. Копіе твое не въ отроческой десницѣ. Мечь твой не слабое оружіе. Сынъ *Морвена!* взгляни на сопостата и расточи сонмы его. *Фингалъ!* подражай твоему вождю. Онъ не покоится среди грозной битвы, но мудрая осторожность предтечетъ его пламени. Онъ все разрушаетъ, какъ стремительный источникъ *Лубара*; но не имѣетъ его кипящей ярости, мужество его спокойно. Съ высоты *Моры* я буду зритемъ битвы. *Оссіанъ!* буди при отцѣ твоемъ. Барды! воспойте. *Морвенъ!* шествуй при сладкострунныхъ звукахъ. Днесь, днесь послѣдній громъ моихъ сраженій; да увѣнчается онъ торжественною славою.

Когда разъяренная тѣнь скачетъ по волнамъ превыше острова, и скрываетъ его въ безднѣ морей, вѣтры ея шумятъ и Океанъ колеблется съ громомъ: такъ и не меньше страшенъ былъ шумъ *Морвенскаго* воинства, стремящагося на равнину. *Галлъ* предшествуетъ ратоборцамъ *Фингаловымъ*: ис-

точники имъ прескакиваемые блистаютъ межъ пространныхъ его шаговъ. Барды ему сопутствуютъ, и поютъ пѣснь брани. *Галлъ* съ ихъ гласомъ соединяетъ звуки своего щита.

Источникъ зрится на высотѣ *Кроны* (6). Надмѣваясь возъемлется онъ въ своемъ бурномъ теченіи, доколѣ возникнутъ первые лучи утра; тогда пѣнящіяся воды его упадаютъ съ высоты и влекутъ съ собою древа и камни. Да будутъ далече стопы мои отъ холма *Кроны*. Источники его купно съ волнами своими стремятъ опустошеніе и смерть. Ратоборцы *Морвена*! шествуйте и вы тако съ высоты *Моры*.

Кто сей величественный на колесницѣ своей при брегѣ *Клуты*? Холмы сотрясаются въ его шествіи; мрачные лѣса шумятъ окрестъ его, и блистаютъ молніями его страшнаго копія. Воззрите, онъ среди сопостатъ грозенъ какъ тѣнь *Кольгака* (в), когда играя

---

(6) Холмъ *Кроны* въ провинціи *Стерлинской*. Источникъ *Кроны* впадаетъ въ *Карронъ*. Его берега были театромъ многихъ *Фингаловыхъ* побѣдъ. И потому Барды чрезъ стихотворческой оборотъ приводятъ на память берега сіи *Морвенскимъ* воинамъ.

(в) *Кольгахъ*, одинъ изъ предковъ *Галловыхъ*. Онъ былъ *Вергобретомъ*, или Царемъ *Каледонскимъ*; но ему - то *Морній* имѣлъ право на *Шотландскій* престолъ, и причинилъ столько затрудненій *Комгалу* и сыну его *Фингалу*.

играя расточаетъ она облачные сонмы, и странствуетъ по вышнимъ воздушнымъ, носима на крилѣхъ вѣтровъ: это безтрепетный *Морвенъ*. О *Галлъ*! будь всегда подобенъ твоему родителю.

Врата *Сельмы* отверсты; Барды берутъ сладостныя свои арфы. Десять юныхъ ратниковъ приносятъ пиршественный дубъ. Солнце стремитъ еще лучь, умирающій на высотѣ холма. Вечерняя тѣнь подобно волнамъ, другъ другу сопутствующимъ, бѣжитъ по злачному дерну, которой колеблется вѣтрами. . . . Для чего сіе безмолвіе, о *Морвенъ*! Царь твой грядетъ въ полномъ сіяніи славы. Уже ли не гремѣла бурная брань вокругъ его? Но лице его всегда свѣтло. Такъ, страшная брань свирѣпствовала окрестъ *Фингала*, и *Фингалъ* торжествуетъ. О *Филланъ*! гряди по стезямъ твоего родителя.

Тако пѣли Барды *Морвена*. При гласѣ ихъ ратоборцы простираются къ сопостату; движутся ихъ возвышенныя десницы, какъ сгущенный кустарникъ, колеблемый вѣтрами осени.

Фингалъ остался на высотѣ *Моры*. Туманъ леталъ окрестъ щита его, висящаго на вѣтви на камени *Кормула*. Я стоялъ близъ *Фингала*, обратя взоры мои къ лѣсамъ

самъ *Кромлы*, страшась, да при видѣ кроваваой битвы кипящая болрость моя не пренесетъ меня въ сонмы сражающихся. Простерши одну ногу впередъ, блисталъ я во всеоружіи, подобенъ источнику высокаго *Горма*, когда вѣтры ночи связали его и покрыли твердымъ льдомъ: юный звѣроловецъ видитъ его блистающа первыми лучами дня, склоняетъ слухъ свой, и дивится безмолвію волнъ его.

Катморъ изводитъ сонмы свои въ поле брани. Но когда узрѣлъ онъ *Фингала* на высотѣ *Моры*, сердце его исполнилось благородной гордости: какъ! вождь *Ирны* будетъ ли сражаться, когда *Фингалъ* не удостоилъ снити на пагубоносное поле? *Фольдатъ!* буди вождемъ полковъ моихъ; я ихъ вручаю твоей храбрости.

Вождь *Момы* простирается какъ облакъ, скрывающій въ себѣ ночные призраки. Онъ извлекъ свой мечь, и кажется, пламень излился отъ его ребръ. Онъ даетъ знакъ битвы, и племена его, какъ развѣяренныя волны, разстилаются на полѣ. Гордо шествуетъ онъ предъ ними, кровавой ярости исполненны очи его; онъ призвалъ *Кормала* и вѣщаетъ ему: видишь ли ты сію стезю, которой кудрявый злакъ простирается за хребтомъ холма? Стой тамо съ твоимъ племенемъ, чтобъ *Морвенъ* не избѣгнулъ моего меча. . . . Барды *Эрина*! да никто

изъ

изъ васъ не возвыситъ своего гласа. Хочу, да всѣ ратники *Морвена* падутъ безъ пѣсней славы. Это враги *Каирбаровы*. Путешественникъ встрѣтитъ нѣкогда густой и черной туманъ, покрывающій ихъ тѣни. Странствуя на брегѣ тинистыхъ блатъ, лишенны надгробной пѣсни, никогда не возносится они въ жилище вѣтровъ.

Кормалъ отходитъ мраченъ и страшенъ: его племя летитъ во слѣдъ ему. Они сокрылись за хребтомъ камени. *Галлъ* сопутствуетъ имъ очами, и вѣщаетъ *Финалу*: ты зришь движеніе и намѣреніе *Кормала*. Гряди, принудь его познать крѣпость твоей мышцы. Низложа его, помни, что *Галлъ* ратоборствуетъ здѣсь; здѣсь хочу устремиться на сопостата, и вторгнуться въ густоту лѣса блистательныхъ щитовъ.

Уже внемлется знакъ смерти, страшный звукъ щита Морніева. *Галлъ* съ грознымъ симъ звукомъ соединяетъ звуки своего гласа. *Финалъ* востаетъ на высотѣ *Моры*; онъ зритъ оба крыла своего воинства ожесточенны въ битву. На противномъ холмѣ блистаетъ мужественный *Катморъ*, столпъ *Аты*. Тако когда два духа небесъ, сидя на мрачныхъ своихъ облакахъ, дышутъ стремительными вѣтрами, и возвышаютъ ревущія моря, волны катятся предъ ними, разторгаемы китами; но

сами

сами они спокойны, и сидя превыше бурй; оставляютъ они воздушные власы свои на волю зефировъ.

Какой лучь свѣта блистаетъ въ воздухѣ? То мечь *Морiя*. Ты сѣешь гибель по стопамъ твоимъ, о *Галлъ*! сонмами низвергаешь ты пораженныхъ сопостатъ.

Уже, какъ юный дубъ, окруженный своими вѣтвями, упадаетъ храбрый *Гурлатонъ*. Его супруга спитъ при журчаніи *Моруга*. Среди сонныхъ мечтаній простираетъ она бѣлую свою руку. Она думаетъ, что видитъ своего супруга грядущаго съ поля чести. . . . Это его тѣнь, *Оахона*: нѣтъ уже твоего Царя. Престань склонять слухъ твой къ дыханію вѣтровъ, ты не услышишь звука его щита: онъ сокрушенъ.

Десница *Фольдатова* не покоится. Онъ плаваетъ въ крови враговъ. *Конналъ* встрѣтилъ его, и противоборствуетъ. Ихъ оружія ударяются съ страшнымъ трескомъ. . . . Но почто видѣлъ я сіе пагубное сраженіе? *Конналъ*! старость убѣлила власы твои. Ты всегда былъ другомъ иноплеменныхъ; чертоги твои въ *Дунлорѣ* были ихъ убѣжищемъ. Когда тѣнь ночи разпростретъ лазоревыя завѣсы тверди, твое пиршество начиналось: пушешественникъ слышалъ свистящіе вѣтры ночи, и веселился предъ горящимъ твоимъ дубомъ. . . . Для чего великодушный *Конналъ* повер-

повержен ты въ крови своей? Безлиственное древо поникло надъ тобою. Близъ тебя раздробленный твой щитъ . . . Нетъ уже тебя, и кровь твоя смѣсилась съ водами источника.

Исполненъ ярости, схватилъ я копіе. Но *Галлъ* летитъ къ *Фолладату*. Онъ стремится, и въ пути своемъ пренебрегаетъ простыхъ воиновъ; онъ презираетъ ихъ, и весь пламень гнѣва его устремленъ на вождя *Момы*. Уже возвысили они пагубоносныя свои копья: невидимая стрѣла разсѣкаетъ воздухъ и явитъ руку *Галла*. Желѣзо его упадаетъ и звѣнитъ на земли. Въ сіе мгновеніе младый *Филанъ* прилетѣлъ со щитомъ *Корнала*, и покрылъ онымъ *Галла*. *Фолладъ*, вопія страшнымъ гласомъ, воспламеняетъ повсюду огонь брани. Тако порывистые вѣтры разносятъ ширококрилый пламень на гремящія дубравы *Лимона*.

Сынъ прелестныя *Клевы*! рекъ *Галлъ*, ты подобенъ небесному духу, низшедшему на возмущенныя моря, и связующему крилъ бури. *Кормилъ* низверженъ твоими ударами. Въ нѣжной юности достигаешь ты до славы твоихъ праотцевъ; но не простирайся далече, любезный Герой, я безсиленъ возвысить копіе въ твою помощь; десница моя уже безполезна. . . . Но я могу еще возвысить гласъ мой, ратоборцы *Морвена* услышатъ его, и воспомнятъ предтекшіе мои подвиги.

Страш-

Страшный гласъ его несется на крилахъ вѣтровъ. Жаръ его воителей умножается; они познали гласъ, призывавшій ихъ толь часто на ловитву въ лѣсахъ *Струмона*. Онъ самъ, онъ стоитъ неподвиженъ среди кровопролитія. Такоя дубъ окруженный бурею. Иногда скрывается гордый верьхъ его въ шумящихъ туманахъ, иногда являетъ онъ свою колеблющуюся главу: ловецъ съ задумчивостію смотритъ на него изъ глубины долины.

Душа моя, о *Фингалъ!* сопутствуетъ тебѣ въ знаменитомъ твоемъ теченіи. Ты стремишь предъ собою сонмы враговъ. Можетъ быть и самъ *Фольдатъ* побѣгъ бы отъ лица твоего; но нисходитъ ночь, рогъ *Катмора* вострубилъ, и престала битва.

Ратоборцы *Фингаловы* слышатъ равно гласъ своего владыки: они оставляютъ поле брани. Барды въ сотрясенныя души Героевъ изливаютъ сладкое согласіе пѣсней, какъ прохладную и животворительную росу.

Кто сія текущая изъ *Струмона*? Власы ея развѣваются. Уныла и печальна грядетъ она, и возводитъ очи свои на *Эгина*. *Эгиркома!* что скорбишь и сѣтуешь? Кто можетъ равняться славою твоему супругу? Коль страшенъ *Галлъ* во гнѣвѣ битвы! Онъ возвращается торжествуя; мечь его возвышался и сопостаты изчезали.

Радость, какъ пріятный зефиръ, излілась въ душу *Фингалову*. Онъ вспомнилъ

битвы

битвы своихъ предковъ ; времена прошедшія обновились въ его мысли , когда узрѣлъ онъ славу своего сына. Веселится онъ видя юнаго *Филлана*; играетъ онъ, какъ солнце посреди облаковъ своихъ, взирающее на возвышенное древо , возрастшее теплотою лучей его и колеблющее гордою своею главою въ пустынной долинѣ.

Подобно звуку грома, ревущаго на высотѣ холмовъ , когда мрачная и ужасная ночь и тишина царствуютъ въ полѣ *Лары* , шествіе ратоборцевъ твоихъ , о *Морвенъ!* напечатлѣваетъ въ слухѣ удовольствіе и ужасъ. Они возвращаются на высоту *Моры* ; тако гордые орлы возлетаютъ на кремнистыя скалы, растерзавъ въ долинѣ юныхъ и робкихъ ланей. Ратоборцы *Морвена !* отцы ваши утѣшаются на облакахъ своихъ , видя знаменитые ваши подвиги.

Тако пѣли Барды на высотѣ *Моры* , въ часы молчаливой ночи. Пламень ста дубовъ , исторженныхъ вѣтрами изъ ребръ *Кормула*, разстилается и озаряетъ окрестность ; пиршество уготовано ; вожди возсѣли ; посреди ихъ блистаетъ *Фингалъ*. Крыло орла , осѣняющее шлемъ его , колеблется съ шумомъ. Вѣтры запада востаютъ , и порывистые свисты ихъ внемлются во мракѣ ночи. Владыка чревъ долгое время съ задумчивымъ безмолвіемъ озираетъ своихъ ратоборцевъ.

Душа моя, вѣщаетъ онъ, не вполнѣ чувствуетъ радость: я вижу незанятое мѣсто среди друзей моихъ. Гдѣ *Коннаръ?* Долженъ ли онъ забвенъ быть при моемъ пиршествѣ, онъ, никогда незабывавшій приглашать иноплеменныхъ къ своимъ празднествамъ? Вы молчите.... Ахъ! *Коннара* уже нѣтъ! Мужественный ратникъ! да вскорѣ будетъ радость жребіемъ души твоей: стремись быстрымъ полетомъ къ твоимъ праотцамъ въ воздушные вихри. *Оссіанъ!* душа твоя огненна: предай безсмертію память Героя. Воскреси намъ битвы его младости. Воспой, какъ прославилъ онъ себя въ первомъ полѣ брани. Старость убѣлила власы его. Мы проводили вмѣстѣ первыя лѣта нашей юности; въ одинъ день *Дутикаронъ* (в) ополчилъ насъ луками противу сернъ *Дуплоры.*

Слѣды

(в) Послѣ смерти *Комгалловой*, и во время, какъ вождь племени *Морніева* сидѣлъ на *Ирландскомъ* престолѣ, которымъ пламя сіе сіяло, *Фингалъ* воспитанъ былъ втайнѣ *Дуткаромъ*, отцемъ *Конналовымъ*. Въ сіе самое время соединился онъ съ *Конналомъ* тѣсными узами дружества. *Фингалъ*, пришедши въ возрастъ, покорилъ племя *Морніево*, и послалъ *Дуткарона* и сына его *Коннала* на помощь *Кормак-мак-Конару* сыну *Конарову* и Государю *Ирландскому*, которой находился въ крайностяхъ, по причинѣ возмущенія *Фирболговъ*.

Слѣды битвъ нашихъ многочисленны въ поляхъ *Инисфала*, рекъ я владыкѣ. Часто корабли наши востекали на волны Океана въ помощь *Конару*.

Нѣкогда сзирѣпствовала брань въ *Алнекмѣ*, на брегахъ пѣнистыхъ волнъ *Дутулы*. *Кормалъ* (г) и *Дуткаронъ* низшли съ холма *Морвена* въ поле чести. О страну *Дуткарона* шествовалъ сынъ его, юный *Конналъ*, въ первый равъ возвышающій копіе свое. О *Фингалъ*! ты повелѣлъ имъ летѣть въ помощь владыкѣ *Эрина*.

Уже воители *Алнекмы* устремились на поле, имъ предшествуетъ *Колкулъ* (д), безтрепетный ихъ вождь; смѣсились оба воинства, и сражаются какъ бурныя моря. *Кормалъ* блистаетъ среди кровопролитія. Далече отъ прочихъ ратоборцевъ, *Дутка-*

(г) *Кормак-мак-Конаръ*; его не должно почитать за одного съ *Кормакомъ*, сыномъ *Арта*, о которомъ упомянуто въ первой пѣсни. Видно изъ многихъ мѣстъ сей поэмы, что онъ никогда не былъ спокойнымъ владѣтелемъ *Ирландскаго* престола. Государи *Аты* въ *Алнекмѣ* (нынѣ *Конногтъ*) многократно покушались лишить *Ирландской* короны *Конарово* племя, прежде еще, нежели свершили сіе злодѣйство убіеніемъ юнаго *Кормака* сына *Артова*.

(д) *Колкулъ* былъ братъ *Борбар Дутула*, отца *Китморова* и *Канрбарова*.

роно простирается и низвергаетъ враждебныхъ. *Конналъ* стремится со славою по слѣдамъ своего родителя, но *Алкма* торжествуетъ, и племена *Эрина* обратились въ бѣгъ. *Дуткаронъ* и *Конналъ* прикрываютъ бѣгство друзей своихъ.

Ночь простерлась надъ *Дутулою*. Два Героя удаляются въ безмолвіи; источникъ пресѣкалъ широту поля. *Дуткаронъ* не можетъ прескочить его. Что медлишь ты, родитель мой? вѣщаетъ ему *Конналъ*, сопостатъ къ намъ приближается. Бѣги *Конналъ*, отвѣтствуетъ *Дуткаронъ*; отецъ твой чувствуетъ, что силы его изчезаютъ: я уязвленъ. Оставь меня покоиться здѣсь во время ночи. Нѣтъ, рекъ *Конналъ* воздыхая, нѣтъ дражайшій родитель, ты не останешься здѣсь одинъ. При семъ словѣ уклонился онъ къ своему отцу, и *Дуткаронъ* умираетъ. Возсіялъ день, и наступила еще ночь, и ни единъ Бардъ не изшелъ на поле. Но *Конналъ* могъ ли оставить гробъ отца своего, доколѣ не возгремѣла пѣснь въ его славу? Онъ напрягаетъ лукъ свой противу сѣрны *Дутулы*, и уготовалъ себѣ въ пустыни пищу. Седмь ночей покоилась глава его на гробѣ родителя, которой являлся ему въ сонныхъ видѣніяхъ. Онъ видѣлъ тѣнь его странствующу во мрачномъ вихрѣ, и подобну парамъ, восходящимъ отъ озера *Лего*.

Нако-

НаконецЪ приходитЪ *Колгань* (e), вождь Бардовъ *Геморы*: пѣснь славы и чести воспѣта *Шуткарону*: тѣнь его блеснула тогда въ воздухѣ, и вознеслась въ вѣтры исполнена радости.

(e) *Колгинъ* сынъ *Катмула*, былъ главной Бардъ *Кормак-мак-Конара*; ему приписываютъ древнюю поэму о любви *Фингала* и *Роскраны*. дочери *Кормакъ-мак-Конаровой*. Изъ всѣхъ сихъ древнихъ остался одинъ только разговоръ *Фингала* съ *Роскраною*.

Роскрана.

Сновидѣнїе смущаетъ *Роскрану* во мракѣ ночи. Я чуистную трепетанїе моего сердца. Не мечта обольщала очи мои. Я его видѣла. Онъ шелъ отъ Океана. Такъ, я видѣла *Фингала*.... При семъ имени сердце мое бьется съ большимъ усилїемъ.... Я успокоила главу мою на злачномъ дернѣ, и онъ еще мнѣ является. Почто коснишь твоимъ возвратомъ, юный Герой, презирающїй ярость волнъ? Но онъ еще далеко. Онъ тамъ, гдѣ море вращаетъ зеленовидныя свои волны посреди тумана. Царь моего сердца! для чего ты медлишь?

Фингалъ.

Ея пріятный гласъ утѣшалъ равнину, и воздыхалъ какъ сладостный зефиръ: но для чего скрываешь ты главу свою во мглѣ? О *Роскрана*! сіянїе красоты твоей блистаетъ и среди густаго мрака, и ты въ темнотѣ лѣсовъ подобна солнцу, стоящему въ нѣдрѣ облакъ. Радость и любовь Героевъ! почто сирываешься отъ взоровъ нашихъ?

Хвалы Царей, рекъ *Финналъ*, пріятны моему слуху, когда ихъ оружіе страшно во бранѣхъ, и когда сердца ихъ чувствительны и жалостливы къ несчастнымъ. Да прославятъ и мое имя также, когда Барды узрятъ полетъ души моей на высоту. *Каррилъ!* веди съ собою Бардовъ моихъ, и воздвигни гробъ *Конналу*. Да въ вечеръ сей внидетъ онъ

Роскрана.

Коль смущенна душа моя! Удалимся отъ стопъ владыки; онъ слышалъ мой голосъ; онъ уловилъ тайны моего сердца: я не могу воззрѣть на него. Горная серна! въ твое убѣжище обращаю я стопы мои. Зефиры *Моры*! помогите мнѣ прелетѣть долину.... Но для чего еще восходитъ онъ на волны *Океана*?.... Сынъ Героевъ! душа моя въ твоей власти; стопы мои не обратятся къ равнинѣ. Здѣсь все счастіе *Роскраны*.

Финналъ.

Это былъ легкій слѣдъ призрака. Житель воздушныхъ вихрей! для чего гласъ твой оболъстилъ меня? Оставь меня успокоиться здѣсь во мракѣ.... О *Роскрана*! естьли бы ты изъ глубины дубравъ твоихъ могла ко мнѣ простерть бѣлыя свои руки!

Роскрана.

Онъ уже удалился! Очи мои омрачились, и вращаются слабо во слезахъ.... Но я вижу его здѣсь одного, Владыка *Морзена*! сердце мое у тебя.... Ахъ, несчастный! я слышу грозный шумъ оружія: *Колкулъ* приближается.

онъ въ свое тѣсное жилище. Да не странствуетъ среди воздуха душа мужественнаго. Луна показываетъ слабый свѣтъ между многочисленными верхами древесъ. При блескѣ лучей ея воздвигни гробы всѣмъ погибшимъ на брани. Не всѣ были вожди, но всѣ мужественны. Они были оплотомъ въ опасности, они споспѣшествовали полету моему къ славѣ. Ихъ подвигамъ одолженъ я побѣдами и торжествомъ. *Карриль!* не забуди ни единаго ратоборца.

Вдругъ сто Бардовъ возгремѣли надгробныя пѣсни. *Карриль* имъ предшествовалъ. Безмолвіе царствовало въ излучистыхъ долинахъ, лежащихъ при подножіи холмовъ *Лены*. Я слышалъ гласъ Бардовъ, умаляющійся по мѣрѣ ихъ удаленія. Я уклонился впредь, опершись на мой щитъ. Я чувствовалъ, что душа моя воспламеняется, и мои пѣсни, не вовсе еще составленныя, издалече соединились съ пѣснями Бардовъ. Тако юное древо долины при гласѣ весны распускаетъ свои листы, раждающіеся при теплыхъ лучахъ солнца, и помаваетъ въ воздухѣ своею головкою; горная пчела жужжитъ вокругъ его, и ловецъ, странствующій въ кустарникѣ, разсматриваетъ его радостно.

Юный *Филланъ* стоялъ въ отдаленіи. Блестящій его щитъ покоился на земли; черные власы его развѣвались по волѣ вѣтровъ. Онъ услышалъ гласъ *Финналлова*, и

оперся на щитъ свой, чтобъ внимать владыкѣ.

Сынъ мой! вѣщаетъ ему *Фингалъ*, я видѣлъ твои подвиги, и сердце мое изливалось въ радости. Слава предковъ нашихъ, сказалъ я въ душѣ моей, изходитъ изъ своего мрака, и является еще въ большемъ сіяніи. Ты мужественъ, сынъ *Клоды*, но дерзновенно ввергаешься ты въ опасности. Не такъ ратоборствовалъ *Фингалъ*, хотя никогда не страшился онъ сопостата. Да будетъ племя твое всегда позади тебя, какъ непоколебимый оплотъ. Оно дѣлаетъ тебя крѣпкимъ въ битвахъ. Чрезъ него можешь ты наслаждаться твоею славою, и видѣть долговременно гробы твоихъ праотцевъ. Твои подвиги, о сынъ мой! приводятъ мнѣ на память лѣта моей младости, когда я низшелъ въ первый разъ на сей островъ.

Мы уклонились къ *Фингалу*, чтобъ внимать его повѣсти; луна смотрѣла сквозь облаки окруженна парами, скрывающими въ себѣ тѣни мертвыхъ.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Содержаніе.

Фингалъ во время пиршества разсказываетъ первый свой походъ въ *Ирландію*, и бракъ свой съ *Роскрано*ю, дочерью *Кормак-мак-Конара*, Государя сего острова. Вожди *Ирландскіе* соединились вокругъ *Катмора*. Описаніе его положенія. Повѣсть о *Сульмаллѣ*, дочери *Конмора*, Царя *Инисгунскаго*, которая переодѣлась въ платье молодаго воина, чтобъ слѣдовать на войну за *Кітмором*. *Фольдлитъ* по упорству своему и злому сердцу обновляетъ распрю съ *Мальтосом*. *Каморъ*;, употребя власть свою, прекращаетъ ихъ споръ. Вожди его во время пиршества слушаютъ пѣсни Барда *Фонара*. *Катморъ* отшелъ успокоиться въ нѣкоемъ отдаленіи отъ своего войска; тѣнь брата его *Каирбара* является ему; она въ темныхъ и гадательныхъ выраженіяхъ предсказываетъ ему конецъ войны. Рѣчь *Катмора*: онъ узнаетъ *Сульмаллу*. — Дѣйствіе содержитъ въ себѣ вторую ночь и начало третьяго дня.

Сидя подъ дубомъ, на холмѣ *Сельмы*, ѣвщаетъ *Фингалъ*, узрѣлъ я *Коннала*, грядуща отъ волнъ Океана (а). Онъ держалъ преломленное копіе; оно было *Дуткаронова*. Юный Герой стоялъ въ отдаленіи, отвративъ отъ меня лице свое. Въ душѣ его непрестанно начертавался образъ отца его, и обременяли его тысящи печальныхъ мыслей. При видѣ его скорбь овладѣла моимъ сердцемъ: я вострепеталъ о владыкахъ *Эрина*; я извлекъ до половины мечь свой; мои ратники простираются тихими стопами. Устремя ко мнѣ взоры, безмолвно ожидаютъ они велѣній своего владыки. Гласъ мой былъ для нихъ, какъ вѣтръ небесъ, разсѣвающій мрачные пары. Я повелѣлъ имъ распростерть мои парусы. Три ста юныхъ ратоборцевъ восходятъ на волны; очи ихъ не отвлекаются отъ моего щита. Онъ висѣлъ на высотѣ мачты, и его тѣнію омрачалась лазурь Океана. Я ударялъ въ него, когда мглою ночи по-

---

(а) Сія вводная повѣсшь непосредственно соединена съ исторіею *Коннала и Дуткарона*, находящеюся въ концѣ предыдущей пѣсни. *Фингалъ*, сидя подъ дубомъ близъ чертоговъ *Сельмы*, узидѣлъ *Коннала*, возвращающагося изъ *Ирландіи*. Опасность, угрожающая *Кормака*, Государя сего острова, побудила *Фингала* плыть немедленно въ *Ирландію*. *Фингалъ* разсказываетъ сію повѣсть для того, чтобъ служила она примѣромъ *Филлану*, котораго излишняя отважность была ему непріятна.

покрывались небеса, и я искалъ на тверди воспламененныхъ власовъ сознѣдія *Уллерина* (б); сіе благотворное сознѣдіе не отреклось озарять моего пути. Оно плавало среди раздробленныхъ облаковъ, и его лучи, слабо на волнахъ преломляемые, были вождемъ моего теченія.

Эринъ показался среди паровъ утреннихъ Мы втекли въ заливъ *Лены*, гдѣ шумящіе валы поглощаются въ нѣдрахъ лѣсовъ. *Кормахъ*, заключась въ своихъ чертогахъ, избѣгалъ ярости *Кольгал*. Не одинъ укрывался онъ отъ свирѣпости сопостата. Участвуетъ ему въ томъ его любезная дщерь прелестная *Роскрана*.

Кормахъ исходитъ намъ ьо срѣтеніе, подкрѣпляя дрожащія стопы свои копіемъ безъ острія. Мы узрѣли усмѣшку, блеснувшую изъ подъ сѣдыхъ власовъ, осѣняющихъ его лице, но скорбь владѣла его душею. Узря насъ близъ себя, испустилъ онъ глубокій вздохъ: я вижу, сказалъ онъ намъ, я вижу оружіе *Гренмора*. *Фингалъ*! ты воскрешаешь радость въ душѣ моей. Утро жизни твоей блистаетъ уже славою; но враги *Эрина* сильны и страшны. Пусть они таковы, отвѣчалъ я съ воспаленною душею, они скоро ис-

---

(б) *Уллеринъ* значитъ *ведущій* въ *Уллинъ*. Такъ называлось во времена *Фингаловы* сознѣдіе, извѣстное тѣмъ, кто плавалъ изъ *Гебридскихъ* острововъ къ брегамъ *Ульстера*.

изчезнутъ отъ лица моего. Мы не отъ слабаго племени: уже ли страхъ поколеблетъ своими мечтами? Бодрость мужественнаго возрастаетъ числомъ сопостатовъ. Владыка *Эрина!* не ослабляй юнаго ратоборца мрачными предчувствіями. При сихъ словахъ изліялъ *Кормакъ* слезныя капли. Онъ взялъ руку мою, и жалъ ее въ безмолвіи. Достойный сынъ безстрашнаго *Гейлора*! скажалъ онъ напослѣдокъ, я не хочу привесть въ уныніе души твоей; она пылаетъ пламенемъ, оживотворявшимъ твоихъ предковъ. Слава сопутствуетъ тебѣ въ битвахъ, но помедли до возврату *Каирбарова* (в); да мечь сына моего соединится съ твоимъ: или отшелъ онъ собирать чадъ *Ирлина*, разсточенныхъ по брегамъ отдаленныхъ своихъ источниковъ?

Мы

(в) *Каирбаръ*, сынъ *Кормак-мак-Конара*; его не должно за одного почитать съ *Каирбаромъ* сыномъ *Борбар-Дутуловымъ*; по смерти отца своего былъ онъ Государемъ *Ирландіи*. Его царствованіе было весьма недолговременно. Ему наслѣдникомъ былъ *Артъ*, отецъ юнаго *Кормака*, убитаго *Каирбаромъ*, сыномъ *Борбар-Дутуловымъ*. См. пѣснь. I. *Артъ* былъ уже въ совершенныхъ лѣтахъ, какъ отецъ его имѣлъ отъ жены своей *Белтаны* еще другаго сына *Ферад-Арта*. *Ферадъ-Артъ* былъ послѣднею отраслію племени *Конара*, перваго *Ирландскаго* Государя, когда *Фингалъ* предпріялъ войну, которая служитъ содержаніемъ сей повѣсти.

Мы вступили въ чертоги *Кормака*: они возвышаются среди камней, которыхъ ребра сохраняютъ еще слѣды древнихъ источниковъ. Густолиственные и покрытые мхомъ дубы поникли вокругъ его; густая береза помаваетъ тамъ зеленою своею главою. *Роскрана*, до половины скрываясь въ дубравѣ, пѣла сладостную пѣснь, и бѣлые персты ея бѣгали по струнамъ арфы. Я усмотрѣлъ сію красоту: она подобна была небесному духу, сокрытому до половины въ своемъ облакѣ.

Три дни пиршествовали мы при струяхъ *Уены*. Образъ нѣжной *Роскраны* не исходилъ изъ мыслей моихъ. *Кормакъ* примѣтилъ мое смущеніе; онъ вручилъ мнѣ сію красоту. Она шествуетъ съ потупленнымъ взоромъ: прекрасные власы ея развѣваются вефирами. . . . . Но вдругъ возгремѣло сраженіе: *Колкулъ* на насъ устремился, я схватилъ копіе свое; мечь мой блистаетъ; воинство *Алнекмы* обратилось въ бѣгство: *Колкулъ* пораженъ; *Фингалъ* возвращается увѣнчанъ славою. О *Филланъ!* вѣчно будетъ знаменитъ Герой, когда онъ ратоборствуетъ окруженъ своими сподвижниками: Барды сопутствуютъ его прехвальному теченію среди странъ враждебныхъ; но кто сражается одинъ, мало останляетъ по себѣ геройскихъ подвиговъ потомству: днесь онъ блистаетъ, завтра его нѣтъ уже. Одна только пѣснь объ-

объемлетъ всѣ его дѣянія. Одно поле брани заключаетъ всю его славу; онъ извѣстенъ только въ мѣстахъ, гдѣ воздвигнута его гробница.

Тако вѣщалъ *Фингалъ* на высотѣ *Моры*. Три Барда на камени *Кормула* воспѣли сладостныя пѣсни. При гласѣ ихъ сонъ спустился на воинство. *Карриль*, провождаемъ прочими Бардами, возвращается отъ гроба *Конналова*. . . . Гласъ денницы не достигнетъ уже до одра, на которомъ почилъ ты, о *Конналъ*! Ты не услышишь скачущихъ сернъ вокругъ твоего тѣснаго жилища (г). Подобны темнымъ облакамъ, носящимся надъ бурными волнами и нестройно вращающимся вокругъ воздушнаго ночнаго огня, озаряющаго пламенемъ своимъ черныя ихъ ребра, воинственники *Эрина* соединяются вокругъ безтрепетнаго *Катмора*. Онъ, стоя спокойно среди ихъ сонмовъ, возвышаетъ и уклоняетъ поврeменно копіе свое, согласуясь отдаленному внуку *Конарова* арфы, когда онъ возвысится или умалится.

Блинъ его прекрасная *Сульмалла*, любезная дщерь *Конмора*, стояла уклонясь къ камени. *Катморъ* пришелъ въ помощь ея отцу,

(г) Оссіанъ преносишъ явленіе въ поля Ирландіи.

отцу (д), и разсѣялъ враговъ его. *Сульмалла* узрѣла его блистающа славою побѣдъ среди пиршествъ *Инисгунскихъ*, и *Катморъ* не могъ равнодушно взирать на красоту *Сульмаллы*.

(д) Чтобъ объяснить сіе мѣсто, должно прибѣгнуть къ исторіи. Народъ *Фирболгозъ*, жившій въ полуденной *Ирландіи*, происходилъ отъ *Белговъ*, обитающихъ въ южной и въ югозападной сторонѣ *Великобританіи*. Онъ чрезъ многіе вѣки сохранялъ дружество и привязанность къ своимъ родоначальникамъ. Онъ посылалъ помощь *Великобританскимъ Белгамъ*, когда Римляне или другіе народы на нихъ нападали. *Конморъ* Государь *Инисгуны*, той части *Великобританіи*, которая лежитъ прямо противъ *Ирландскаго* берегу, будучи тѣснимъ непріятелями, которыхъ имени преданіе намъ не сохранило, послалъ просить себѣ помощи у *Каирбара*, Государя *Аты*, и самаго сильнаго въ племени *Фирболговъ*. *Каирбаръ* послалъ къ нему съ войскомъ брата своего *Катмора*, которой послѣ многихъ премѣнъ счастія окончалъ напослѣдокъ войну совершеннымъ разбитіемъ враговъ *Инисгуны*, и возвратился съ торжествомъ въ черіоги *Конмора*. *Сульмалла* не могла смотрѣть равнодушно на избавителя своего отечества; но прежде, нежели любовь ея открылась, *Катморъ* отозванъ *Каирбаромъ* въ *Ирландію*, по причинѣ вѣсти, что *Фингалъ* готовился мстить за *Кормака* и возвратить *Конарову* племени *Ирландскій* престолъ. Противный вѣтръ принудилъ *Катмора* пребыть три дни въ заливѣ *Инисгуны*. Тогда-то *Сульмалла*, одѣвшись въ платье

малы. Въ день третій *Фитилъ* грядетъ изъ *Эрина* возвѣстить *Катмору*, что *Финґалъ* подъялъ щитъ брани и угрожаетъ *Кайрбаръ*. *Катморъ* не косня распростеръ свои парусы, но вѣтры дышали въ другія страны: три дни пребылъ онъ на брегѣ. Часто взоры его обращались къ чертогамъ *Конмора*: онъ помнилъ дщерь иноплеменныхъ, и вздохи исторгались изъ груди его; но въ минуту, когда вѣтръ пробуждалъ волны, узрѣли юнаго ратоборца грядуща съ высоты холма. Онъ желалъ сражаться подъ знаменемъ *Катмора*. ... То была *Сульмалла*. Таясь подъ шлемомъ, она сопутствовала своему любовнику; она взирала на него, когда покоился онъ на брегѣ источника. *Катморъ* думаетъ, что его возлюбленная гоняется еще за робкими сернами *Ломона*, или на высотѣ камени простираетъ она бѣлую свою руку на вѣтръ, чтобъ узнать, отъ стрины ли *Инисфала* онъ дышетъ: ея возлюбленный обѣщалъ ей не косня оставить сію иноплеменную землю и явиться скоро на волнахъ Океана. .... *Сульмалла* близъ тебя, о мужественный вождь *Ины*! это она стоитъ, уклонишись къ сему твердому камени. Всѣ

платье молодаго воина, пришла къ нему и просила, чтобъ слѣдовать за нимъ на войну. Онъ согласился. отправился въ *Ирландію*, и вышелъ на брега *Ульстера* за нѣсколько дней прежде смерти *Кайрбарозой*.

Всѣ вожди, кромѣ *Фольдата*, окружали *Катмора*. Онъ сидѣлъ въ отдаленіи, весь углубленъ въ свою досаду. Время отъ времени жужжатъ въ устахъ его невнятныя пѣсни. Наконецъ онъ востаетъ въ бѣшенствѣ, ударяетъ древо, подъ которымъ сидѣлъ, и стремится съ наглою грубостію ко владыкѣ.

Свѣтелъ и спокоенъ *Гидалъ* остался близъ горящаго дуба. Видѣли, какъ волновался блескъ по долгимъ его кудрямъ, упадающимъ вокругъ розовыхъ его ланитъ. Гласъ его исполненъ былъ сладости, когда пѣлъ онъ въ *Клурѣ*, въ долинѣ отцевъ своихъ, и когда касался пріятной своей арфы.

Владыка *Эрина*! вѣщаетъ юный сей воитель, се часы пиршествъ, повели Бардамъ пѣть, и ночь пройдетъ въ радости. Ратникъ, ободренный ихъ пѣснями, болѣе смѣлъ и гровенъ исходитъ на поле брани. Мракъ почилъ надъ *Инисфало*. Облаки простираются съ холма на холмъ, вдали видны блѣдные призраки, ходящіе пространными стопами по кустарнику. Души воиновъ погибшихъ на брани уклоняются къ намъ, испрашивая себѣ надгробной пѣсни. Повели, да звуки арфъ гремятъ въ воздухѣ, и вознесутъ ихъ во блескѣ въ жилище ихъ отцевъ.

Да будутъ всѣ они забвенны вѣчно, рекъ *Фольмаръ*, кипящій яростію, я побѣжденъ, и я буду внимать пѣснямъ радости! я побѣжденъ! но я не покоился на полѣ брани. Я плавалъ въ волнахъ кровавыхъ; но слабы и робки были мнѣ сопутствующіе. *Ульдалла*! теки въ долину *Клуры* играть на арфѣ своей: пусть отзывы камней ея отвѣчаютъ твоему гласу, межъ тѣмъ, какъ нѣкая изъ младыхъ дѣвицъ, сокрывшись въ дубравѣ, любоваться будетъ твоими бѣлыми кудрями. Но бѣги отъ поля *Лены*: оно поле Героевъ.

Катморъ! возгласилъ *Мальтосъ*, ты намъ вождь противъ сопостата; ты созвѣздіе управляющее путь нашъ во мрачномъ полѣ сраженій: какъ порывистый вѣтръ устремляешься ты на враждебныхъ, и они плаваютъ въ крови своей: но кто слышалъ, чтобъ возвратившись съ бурныхъ полей битвы, хвалился ты своими подвигами? Сирѣпые ратоборцы утѣшаются однимъ кровопролитіемъ. Ихъ память со удовольствіемъ покоится на язвахъ, данныхъ копіемъ ихъ. Во всѣхъ ихъ мысляхъ живописуется образъ страшныхъ браней: не умолкая хвалятся они своими дѣяніями. *Фольдатъ*! то истинно, что ты покрылъ землю трупами пораженныхъ враговъ, но и прочіе умѣютъ владѣть копіемъ. Нѣтъ, не слабые воители сопут-

сопутствовали тебѣ на брани, но непобѣдимой встрѣтился сопостатъ.

Катморъ видитъ, что ярость двухъ вождей готова уже воспламениться, уже уклонились они другъ ко другу, десницы ихъ простерты къ мечамъ до половины извлеченнымъ, взоры ихъ сверкаютъ свирѣпымъ огнемъ, и скоро бы начали они страшное противоборствіе: но *Катморъ* во гнѣвѣ ярости извлекши мечь свой, возопилъ грозно: надмѣнные ратоборцы! умѣрьте восторги душъ вашихъ. Удалитесь во мглу ночи. Или должно воскипѣть противъ васъ моему гнѣву? Должно ли ополчиться мнѣ противу обоихъ васъ? Не здѣсь мѣсто вражды и распри; удалитесь: вы смущаете мое пиршество. Не раздражайте болѣе моего гнѣва.

Рекъ, и они удаляются пространными шагами; изчезаютъ, какъ два туманные столпа, когда солнце востанетъ между ими превыше холмовъ: они катятся по обѣимъ сторонамъ, и скрываются въ кустарникѣ блата, изъ котораго они родились. Вожди, сидя безмолвно на пиршествѣ, возводили иногда взоры свои на *Катмора*, которой ходя на высотѣ холма, успокоивалъ волнующуюся свою душу.

Уже всѣ ратоборцы возлегли на полѣ, сонъ спустился на ихъ вѣжди. Ничего не слышно, кромѣ *Фонарова* гласа. Возсѣлъ подъ древомъ отдаленнымъ, онъ пѣлъ хвалы

Катмору; но Герой, страшась ихъ слышать, возлегъ близъ шумящаго источника. *Каирбаръ*, сокрытый до половины въ своемъ облакѣ, явился ему въ сновидѣніи. Мрачная радость блистала на челѣ его. Онъ уже слышалъ пѣснь *Каррила*: вѣтры поддерживали облакъ, которой схватилъ онъ въ нѣдрахъ ночи, возносясь въ воздушное свое жилище. Онъ говоритъ, и слабый гласъ его смѣшивается съ журчаніемъ источника.

Да изліется радость въ душу *Катмора*, вѣщаетъ онъ; гласъ его услышанъ близъ *Лены*: по его велѣнію воспѣли наконецъ Барды надгробную пѣснь *Каирбару*, и *Каирбаръ* востекъ на вѣтры. Тѣнь моя въ воздушныхъ чертогахъ моего отца. *Катморъ*! ни единый Бардъ не преминетъ посѣтить гробъ твой; чада согласія любятъ мужественныхъ; имя твое для нихъ какъ сладостный зефиръ. .... Какіе плачевные звуки слышу я? Гласъ возвышается на полѣ *Любара* . . . Возвысьте еще ваши гласы, о призраки ночи! сіи пораженные знамениты были и славны. . . . Но звукъ еще пронзительнѣе и сильнѣе. . . . . Уже слышится одинъ только острый свистъ вѣтровъ..... Ахъ! скоро уже не будетъ *Катмора*.

При сихъ словахъ тѣнь свилась сама въ себѣ, и улетѣла на крилахъ вѣтровъ. Старый дубъ возчувствовалъ движеніе быстраго ея полета, вершина его поколебалась. *Катморъ*

морв воспрянулъ и схватилъ свое страшное копіе; онъ простираетъ всюду взоры свои, но всюду взоры его срѣтаютъ мрачную только завѣсу ночи.

Я слышалъ гласъ *Кайрбаровъ*, но тѣнь его исчезла. Чада ночи! вы оставляете по себѣ въ воздухѣ непримѣтные только слѣды. Часто видятъ васъ, какъ слабый лучь свѣта въ пустынной равнинѣ. Едва мы приближимся къ вамъ, и вы скрываетесь въ своемъ облакѣ. Удалитесь отъ меня слабые призраки: вы ничего не можете предвѣщать. Утѣхи ваши несовершенны и едва ощутительны; онѣ подобны нашимъ сновидѣніямъ, или скоро преходящей мысли, которая слегка коснется души нашей. . . . . И такъ *Катморъ* падетъ скоро! скоро возляжетъ онъ въ тѣсномъ жилищѣ, куда вѣчно не проникаютъ лучи утра. Удались отъ меня тѣнь тщетная: моя участь битвы; удались всякая другая мысль. На крилѣхъ орла стремлюсь я къ славѣ. Душа робкаго исчезаетъ въ бездѣйствіи въ пустынной долинѣ. Лѣта протекаютъ; сопутствуютъ другъ другу времена, и онъ всегда остается неизвѣстенъ. Смерть посѣкаетъ главу его убѣленную лѣтами; тогда жизнь его влачится въ парахъ тинистой равнины; никогда она не возвышается на холмы, гдѣ вѣтры царствуютъ. *Катморъ* не тако изыдетъ отъ жизни сея. Въ полѣ брани не

уподобляется онъ слабому отроку, примѣчающему только, гдѣ на высотахъ горы покоится робкая серна. Съ Царями я исхожу, я утѣшаюсь полемъ смерти, и вижу бѣгущія отъ лица моего воинства, разсѣянныя какъ волны моря при дыханіи наглыхъ вѣтровъ.

Тако вѣщалъ *Катморъ* въ благородномъ восторгѣ, какимъ животворилась его душа. Огонь мужества пылаетъ въ его груди. Онъ летитъ въ поле. Уже востекшее утро изливало волны свѣта; *Катморъ* зритъ свое покоющееся воинство. Широкіе щиты, простершись на земли, блистаютъ при первыхъ лучахъ солнца. При семъ видѣ восхищается онъ радостію, какъ духъ небесъ слетѣвшій на моря: онъ видитъ волны въ тишинѣ мирной, вѣтры безмолвствуютъ, но скоро пробуждаетъ онъ волны, и стремитъ пѣнящіеся ихъ хребты.

Прекрасная *Сульмалла* покоилась при брегѣ молчаливыхъ водъ, шлемъ упалъ съ ея главы; сновидѣніе представляло ей страны отцевъ своихъ; она зритъ утро возсіявшее въ ея поляхъ; видитъ источники, скачущіе съ высоты камней, зефиры колеблющіе кустарникомъ и зеленымъ дерномъ. Она слышитъ звукъ рога, дающій вѣсть на ловитву. Слышитъ ратниковъ, исходящихъ изъ чертоговъ ея родителя; среди ихъ возвышается Герой *Аинъ*; въ величественномъ шествіи устре-

устремляетъ онъ къ ней нѣжный и любовный взглядъ; но гордая и нечувствительная *Сульмалла* отвращаетъ отъ него лице, и напрягаетъ лукъ свой.

Таковы были сонныя мечты *Сульмаллы*, когда *Катморъ* къ ней приближился. Онъ видитъ ея прелестное лице и долгіе власы: онъ позналъ дщерь *Лоно*. Что начнемъ *Катморъ*? . . . . Онъ вздыхаетъ, проливаетъ слезы и удаляется. Мужественный вождь *Аты!* не время нынѣ пылать сердцу твоему любовнымъ пламенемъ. Война стремится предъ тобою, какъ шумный кроза-вый источникъ.

Не косня ударяетъ онъ щита своего въ выпуклость, провозвѣстницу брани. Воинство его всколебалось и востало съ шумомъ вокругъ его. *Сульмалла* воспрянула, схватила шлемъ свой и трепещетъ, чтобъ не познали въ *Эринѣ* Инисгунскую дѣву; она помнитъ, что она дщерь Царей, и гордость ея безпокоится; она удаляется за хребетъ скалы, на брегъ источника, извивающагося въ долинѣ Тутъ было спокойное убѣжище лани, когда еще не разносился звукъ оружій. Иногда гласъ *Катмора* достигалъ слуха *Сульмаллы*; душа ея обремененна печалію: едва она произноситъ слова, уносимыя вѣтромъ.

Сновидѣнія *Инисгуны* изчезли: онѣ загладились въ душѣ моей, я не слышу болѣе шуму ловитвы окрестъ моего жилища. Я

утаеваюсь въ кроваьой одеждѣ брани. Смотрю сквозь облако меня окружающее, и нѣтъ ни одного луча, которой бы озарилъ стези мои.... Я вижу, Герой мой низверженъ: *Сингалъ* простирается, *Сингалъ* всегда торжествующій надъ опасностями..... Тѣнь *Конмора*, о родитель мой! странствуешь ли ты въ нѣдрѣ облакъ? Преносишься ли иногда въ страну иноплеменныхъ? Такъ, ване слышала я гласъ твой во мракѣ, когда еще была я на волнахъ *Инисфальскихъ*. Вѣщаютъ, что тѣни отцевъ нашихъ сильны возносить къ себѣ наши души, когда мы одни сражаемся съ жестокостію бѣдствій: о родитель мой! призови мою душу къ себѣ, естьли возлюбленный мой Герой падетъ на полѣ брани; я тогда останусь одна съ своимъ несчастіемъ.

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Содержаніе.

Оссіанъ, по краткомъ обращеніи къ своей арфѣ, описываетъ расположеніе обоихъ войскъ на брегахъ *Любара*. *Фингалъ* поручаетъ полки свои *Филлану*, повелѣвая между тѣмъ *Галлу* вспомоществовать ему своими совѣтами. *Фольдатъ* предводительствуетъ войсками *Эрина*. Описаніе дѣйствія вообще. Удивительная храбрость *Филланова*. Онъ убилъ *Ротмара* и *Кюльмина*; но когда онъ былъ побѣдителемъ на правомъ крылѣ, *Фольдатъ* принудилъ отступить лѣвое крыло, и ранилъ *Дермида*. Сей Герой, хотя раненъ, хочетъ сразиться съ *Фольдатомъ*! *Филланъ* летитъ къ нему въ помощь, сражается съ *Фольдатомъ*, и его убиваетъ. Поступокъ *Мальтоса* въ разсужденіи *Фольдата*. *Филланъ* разсѣялъ воинство *Эринское*. Обращеніе къ *Клаѳѣ*, матери *Филлановой*.

Точившая среди щитовъ, висящихъ на стѣнѣ моихъ черпоговъ, сиди ко мнѣ, арфа! да услышу я еще гласъ твой. Сынъ *Алпина*! да бряцаютъ персты твои во сладостныя струны; тебѣ свойственно пробуждать душу Барда; часто звуки твои соединялись съ журчаніемъ *Лоры*. Я, я уже окруженъ облакомъ умноженныхъ лѣтъ; взоръ мой не проницаетъ мрачной его завѣсы, какъ только на малое разстояніе, и что вижу я въ прошедшемъ, то едина темная мечта. Я слышу тебя, о арфа! заблудившая душа моя возвращается ко мнѣ, какъ зефиръ, приглашенный солнцемъ въ долину, гдѣ обиталъ лѣнивый туманъ.

Я зрю блистающій *Лобаръ* въ излучинахъ своей долины. По обѣимъ странамъ рѣки возвышаются вожди, *Катморъ* и *Фингалъ*. Ратоборцы ихъ, разсѣянные окрестъ, уклоняются впередъ, чтобъ внимать ихъ гласу. Среди воителей своихъ два сіи Царя подобны двумъ камнямъ, которыхъ верьхи, увѣнчанные соснами, возъемлются превыше тумановъ, и стремятъ на вѣтры пѣну ста источниковъ.

На гласъ *Катмора* чада *Эрина* разсыпаются въ полѣ. Многочисленные сонмы ихъ текутъ съ высотъ къ *Лобару*; Началовождь имъ *Фингалъ*. *Катморъ* удалился подъ густой дубъ на высоту холма. Близъ его источникъ стремитъ шумящія

свои волны. Онъ возвышаетъ повременно блистательное свое копіе, котораго блескъ руководствуетъ ратоборцевъ на полѣ брани. Не далече отъ *Кончора* стояла *Сульмалла* уклонишись къ камени. Она взирала съ печалію на страшныя уготовленія къ битвѣ: душа ея не утѣшалась кровію. За хребтомъ холма простирается пространная долина, орошаемая тремя голубовидными источниками. Солнце любуется, озаряя спокойное сіе мѣсто, и горныя серны нисходятъ туда безъ страха. На сію милую долину обращаются взоры прекрасной *Сульмаллы*.

Фингалъ узрѣлъ съ высоты холма сына *Борбар-Дутулова*: онъ видитъ многочисленные полки *Эрина*, простершіеся на полѣ. Не косня, ударяетъ онъ во щитъ свой и шлетъ воителямъ знакъ, гласящій имъ повиновеніе, когда посылаетъ онъ вождей своихъ въ поле славы. Подъятыя копья ихъ блистаютъ при лучахъ солнца; окрестные отзывы гремятъ звуками ихъ щитовъ. Привраки ужаса не странствовали предъ ихъ очами. *Фингалъ*, крѣпость и защита *Морвена*, былъ отъ нихъ не далече. Герой сей въ восторгахъ своей радости вѣщаетъ:

Сыны *Морвена* исходятъ съ шумомъ, подобнымъ шуму соединенныхъ вѣтровъ. Они гремящіе источники, которыхъ быстрому стремленію ничто противостать не можетъ. Ихъ мужеству обязанъ *Фингалъ* сла-

славою въ странахъ чуждыхъ. Онъ не одинъ блисталъ въ опасностяхъ: всегда вы сопутствовали его слѣдамъ. Но равно и я никогда не былъ въ очахъ вашихъ устрашающимъ призракомъ, грознымъ во гнѣвѣ своей ярости. Никогда гласъ мой не поражалъ слуха вашего бурнымъ громомъ. Вѣчно очи мои не устремлялли на насъ убийственныхъ взоровъ. Являлся ли нѣкій высокомѣрный и мятежный ратоборецъ, я не удостоивалъ его и взглядовъ; онъ забвенъ былъ при моихъ пиршествахъ; гордость его исчезала, какъ утренній туманъ. Юный воитель блистаетъ предъ вами; онъ не далече еще простерся къ славѣ; но сынъ мой храбръ: споспѣшествуйте его мужеству, и возвратите его въ торжествѣ къ его родителю. Скоро и одинъ будетъ онъ ратоборствовать. На лицѣ его напечатлѣнны черты его предковъ; душа его искра, истекшая отъ огня, какимъ они пламенѣли. Сынъ *Морнѣ*! теки во слѣдъ сыну *Клены*; да гласъ твой руководствуетъ его мужествомъ въ опасностяхъ; ничто не скрывается отъ твоихъ проницательныхъ взоровъ среди бурнаго кровопролитія.

Онъ рекъ, и возшелъ на высоту *Кормула*; я слѣдовалъ за нимъ тихими стопами. *Галлъ* летитъ ко мнѣ, щитъ его висѣлъ при ребрахъ неприкрѣпленъ. — Сынъ *Фингалова*! укрѣпи сей щитъ, укрѣпи его при

при ребрахъ *Галла*; сопостатъ, можетъ, увидитъ его, и возмнитъ, что я возвысилъ въ подвигъ копіе. Естьли паду нынѣ, да будетъ гробъ мой неизвѣстенъ въ полѣ; я паду безславно, зане десница моя безсильна возвысить сіе грозное желѣзо. Да не вѣдаетъ о немъ *Эвиркома*; узнавъ, она постыдится. *Филлавъ*! очи сильныхъ взираютъ на насъ. Будемъ сражаться мужественно; не допустимъ, чтобъ низшли они съ холмовъ своихъ ободрить и подкрѣпить разсыпанныя свои племена.

Я принялъ его щитъ; онъ удалился не косня; мой гласъ ему сопутствовалъ, я вслѣдъ его: сынъ Морнія падетъ ли безславно въ поляхъ *Эрина*? Дѣянія храбрыхъ взглаждаются въ ихъ пламенныхъ душахъ. Равнодушно летятъ они въ поля славы. Вѣчно не хвалятся они своими подвигами.

Мнѣ пріятно было провождать очами сего Героя: я востекъ на камень къ *Финглу*. Онъ сидѣлъ на высотѣ. Оба воинства устроились ко брани при брегахъ *Любара*. Тамо *Фильдатъ* возвышается какъ столпъ мрачный; вдѣсь блистаетъ младость *Филлановл*. Оба опершись на свои копья, погруженныя въ источникъ, даютъ они знакъ сраженія. *Галлъ* ударяетъ во щитъ *Морвена*, и всѣ вдругъ устремляются; повсюду лучь стали отражается на сталь.

Тако

Тако блистаютъ два источника въ долинѣ, когда съ высоты утесистыхъ камней упадаютъ они и соединяютъ свои пѣняющіяся волны.... Воззрите на сына славы: смотрите, коль многихъ ратоборцевъ низвергнулъ онъ на прахъ земли! Смерть летаетъ окрестъ его. О *Фиилмѣ*! сколько Героевъ пали на пути твоемъ!

Ротмаръ, щитъ воителей, сталъ среди двухъ камней. Два дуба, согбенные ветрами, простираютъ надъ нимъ ветви свои съ каждой страны. Онъ стремитъ въ безмолвіи мрачные взоры на *Фиилма*, и служитъ защитою бѣгущимъ своимъ воителямъ. *Фингалъ* зритъ, что *Ротмаръ* ополчился противъ *Фиилма*, и душа его волнуется; но какъ грозный камень *Лоры* оторгшись вдругъ, низвергается со скалы *Ардумара*, когда свирѣпствуютъ небесные духи раздраженны землею, тако палъ мужественный *Ротмаръ*.

Юный *Кюлмина* простирается проливая слезы; кипя яростію, ударяетъ онъ мечемъ въ воздухъ, и горитъ нетерпѣніемъ сразиться съ *Фиилмомъ*. Съ *Ротмаромъ* въ первый разъ напрягалъ онъ лукъ свой. Вмѣстѣ примѣчали они убѣжище робкихъ сернъ, когда лучи заходящаго солнца упадали на дебри. Для чего, сынъ *Кюлалликовъ*, стремишься ты на сего юнаго ратоборца? Онъ пожирающій пламень. Удались,

Кюль-

Кюльминъ. Ваши предки не были равны въ поляхъ славы.

Мать *Кюльминова* сидѣла въ своемъ жилищѣ. Она возрѣла на источникъ *Струны*: черный вихрь подъемлется и крутится вокругъ тѣни ея сына; ловчіе псы его воютъ унывно. Щитъ, остарленный имъ въ чертогахъ, обагрился кровію. . . . О сынъ мой! и такъ палъ ты въ пагубоносной брани *Эрина*!

Когда лань, пронзенная смертною стрѣлою, съ послѣднимъ томнымъ вздохомъ упадетъ при брегѣ своихъ источниковъ, ловецъ смотритъ на легкія ноги ея, и воспоминаетъ, что нѣкогда надмѣнна и горда скакала она по утесамъ своихъ калнеи: тако *Фингалъ* видитъ юнаго *Кюльмина* простерта на прахъ; власы его развѣваются на брегѣ источника; кровь его стремится на его щитъ, и десница его еще держитъ мечь, который въ битвѣ измѣнилъ его мужеству.

Юный Герой! рекъ *Фингалъ*, ты погибъ, прежде нежели имя твое содѣлалось извѣстно. Родитель твой послалъ тебя на брань: въ чертогахъ своихъ ждетъ онъ бесѣды о твоихъ подвигахъ; онъ старъ, и можетъ быть сидя одинъ на брегѣ своихъ источниковъ, обращаетъ онъ слабые взоры свои къ полямъ *Лены*; онъ не уврит тебя грядуща въ торжествѣ, и отягчена корыстями сопостата.

Фи..

Филлан расточаетъ полки *Эрина*; но съ другія страны чада *Морвена* падаютъ предъ лицемъ страшнаго *Фольдата*. *Дермидъ* противоборствуетъ ему съ пламенною яростію; воители *Морвена* соединяются окрестъ его; но *Фольдатъ* разсѣкъ его щитъ, и обратилъ въ бѣгство полки его.

Уже, возопилъ гордый *Фольдатъ*, уже побѣгли они, и слава моя начинается. Теки, *Мальтосъ*, рцы *Катмору*, да стрежетъ пути Океана, да не избѣгнетъ *Фингалъ* отъ меча моего; моя мышца должна поразить его смертію. Узрятъ гробъ его при нѣкоемъ блатѣ; онъ возвысится безъ пѣсней Бардовъ. Тѣнь его, одѣянна густымъ туманомъ, будетъ носиться на поляхъ тинистыхъ и покрытыхъ кустарникомъ.

Мальтосъ слушалъ его безмолвно: сомнѣніе напечатлѣнно было на челѣ его. Онъ зналъ высокомѣріе *Фольдатово*; онъ возврѣлъ на холмъ, гдѣ былъ *Фингалъ*, отвратился и погружаетъ мечь свой въ кровопролитіе.

Въ долинѣ *Клона* (a), гдѣ два древа склонились надъ источникъ, *Дермидъ* углу-

(a) Сія долина называлась *Клономъ* по имени одного изъ предковъ *Дермида*, сына *Дугнова*. Мы помѣстимъ здѣсь исторію о немъ, такъ какъ находится она въ одной древней Галльской поэмѣ.

углубляется въ безмолвную печаль. Кровь текла изъ бедры его. Недалече лежалъ разсѣченный его щитъ. Его копіе уклонено

Клоно былъ сынъ *Летмала* и *Лоры*. Въ царствованіе *Конара*, сына *Тренмороза*, и перваго Государя *Ирландіи*, пришелъ онъ на островъ сей въ помощь ему противъ *Фирболговъ*. Красота его тронула сердце *Сульминны*, молодой жены одного *Ирландскаго* вождя. Она открылась ему въ любви своей; *Каледонянинъ* не восхотѣлъ соотвѣтствовать порочной ея страсти. Такая холодность привела ее въ отчаяніе. Она впала въ болѣзнь. Мужъ ея узналъ скоро тому причину, и терзаемъ будучи ревностію, клялся мстить. *Клоно*, чтобъ избѣжать отъ его свирѣпства, оставилъ *Темору*, въ намѣреніи возвратиться въ *Шотландію*. Ночь застигла его въ долинѣ, о которой говоритъ здѣсь *Оссіанъ*. Онъ легъ на земли, и заснулъ. Тогда (слѣдуя древней поэмѣ, изъ которой Г. Манферсонъ взялъ сію исторію) *Летмалъ* явясь въ сновидѣніи *Клону*, извѣстилъ его о наступающей ему опасности.

Тѣнь *Летмалова*.

Проснися, оставь пивой мшистый одръ, сынъ *Летмаловъ*. Вѣтры принесли во слухъ мой шумъ шествія твоего сопостата.

Клоно.

Какой шумный гласъ, подобный гремящимъ источникамъ, возмущаетъ мое спокойствіе?

Тѣнь.

къ камени. Для чего, *Дермидъ*, для чего тако сѣтуешь? — Я слышу свирѣпствующу брань; ратники мои одни; косно влекутся стопы мои; я не имѣю щита. Какъ! *Фольдатъ* восторжествуетъ? Пусть! но когда не будетъ *Дермида*. Надмѣнный *Фольдатъ*! я хочу еще ополчиться, и начать съ тобою единоборствіе.

Такъ рекши *Дермидъ*, пріемлетъ съ радостію страшное копіе свое. *Галлъ* притекъ.

Тѣнь.

Востани, младый ратоборецъ, любовь и радость красавицъ, проснися.

Клоно.

Коль ночь сія ужасна! луна омрачилась. Я вижу на ея кругѣ багровые пѣней слѣды. Воздушные огни сверкаютъ въ окрестности. Какъ печально журчанїе сихъ источниковъ, упадающихъ въ долину призраковъ! Тѣнь моего родителя! я слышу бурный шумъ течения твоего на вихряхъ кѣировъ: я слышу тебя; но почто не уклонишься ты къ сыну своему со брега твоихъ облакъ?

Когда *Клоно* готовился уже въ путь, супругъ *Сульмины* приближился окруженъ своими воинами. *Клоно* защищался мужественно, и по долгомъ сопротивленїи палъ преодолѣнъ множествомъ. Ему воздвигли гробъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ убитъ, и съ того времени долина сія называлась долиною *Клона*. *Дермидъ* въ прозѣвѣ своей къ *Галлу* намѣкаетъ на сей гробъ, и на сходство жребія своего со жребіемъ *Клона*.

шекъ. — Стой, сынъ *Дутна*, стой! слѣды стопъ твоихъ червленѣютъ кровію; ты не имѣешь щита; почто хочешь ты погибнуть безоруженъ? — Сынъ *Морнѣя*! дай мнѣ щитъ свой; онъ много зрѣлъ сраженій: дай мнѣ его: я воспящу *фольдата* въ его стремленіи. .... Видишь ли ты камень сей, возвеличивающій главу свою среди злачнаго дерна? Тамъ покоится вождь племени *Дермидова*: Положи меня въ семъ мрачномъ жилищѣ.

Дермидъ восходитъ медленною стопою на холмъ. Очи его носятся по шумнымъ полямъ брани, какъ отдаленные огни, видимые во время ночи надъ дебрію, то скрываются иногда отъ взоровъ, теряясь въ густотѣ дыма, то возносятъ багровый пламень свой превыше холмовъ, согласуясь свирѣпству; или кротости вѣтровъ: тако предъ взоромъ *Дермида* умаляется повременно, и вновь пламенѣетъ сраженіе. Сопутствуйте очами стремленію *Фольдата* на полѣ брани; не черный ли то корабль, который исторгшись изъ тѣсноты, устремляется въ моря, играетъ, и разсѣкаетъ бѣгущія предъ собою волны? *Дермидъ* не можетъ уже взирать на него безъ восторговъ ярости. Онъ порывается летѣть къ нему, но силы ему измѣняютъ; слезы текутъ изъ очей его, онъ трубитъ въ рогъ отца своего; три краты ударяетъ онъ въ щитъ свой; три краты вопіетъ къ *Фольдату*, зовя его къ единобор-

борствію среди побѢдоносныхъ его племенъ. *Фольдатъ* узрѣлъ его, стремится радостно, и подъемлетъ кровавое свое копіе.

Подобенъ камени, на коемъ напечатлѣнны слѣды тинистыхъ источниковъ, ударявшихъ въ ребра его во время бури, мрачный вождь *Момы* являлся весь обагренъ кровію пораженныхъ сопостатовъ. Оба воинства отдалясь оставляютъ свободное поле знаменитымъ симъ ратоборцамъ.

Уже оба они подъемлютъ грозныя свои копья.... *Филланъ* течетъ, стремится, прилетаетъ; *Фольдатъ* три шага отступилъ вспять, ослѣпленъ лучемъ пламени, который казался истекшимъ изъ облака, чтобъ спасти уязвленнаго ратоборца.

Какъ два ширококрилые орлы, біющіеся въ воздухѣ, оба вождя устремляются другъ противъ друга, и начинаютъ страшное сраженіе. Владыки ихъ (6) поперемѣнно простираются на горахъ своихъ: скоро снидетъ брань на пламенные ихъ мечи. Уже *Катморъ* чувствуетъ радость свойственную Героямъ, радость тайную, которая восхищаетъ ихъ, когда они видятъ опасность, равную своей бодрости. Очи его не обращены ко брегамъ *Любра*, но къ *Фингалу*, котораго узрѣлъ онъ возставши во всеоружіи на высотѣ *Моры*.

Фолъ.

---

(6) **Катморъ и Фингалъ.**

Фольдатъ палъ на щитъ свой (в): копіе *Филланово* его пронзило. Юный сей Ге-

I 3 рой,

(в) Кстьли вѣрить преданію, по смерть *Фольдата* предсказана ему прежде, нежели отправился онъ къ *Каирбару*. Онъ сошелъ въ пещеру *Момы*, чтобъ узнать объ успѣхѣ войны сея отъ тѣней своихъ предковъ.

Фольдатъ къ тѣнямъ своихъ предковъ.

Я прелсталъ предъ васъ, о тѣни моихъ праотцевъ! долженъ ли я шествовать въ чертоги *Аты*, чтобъ явиться по томъ въ странѣ *Уллина*?

Отвѣтъ.

Ты пойдешь въ чертоги *Аты*, и въ жилище владыкъ *Эрина*; тамъ возвысишься ты надъ трупами сопостатъ, какъ столпъ грозныхъ облаковъ. Ничто не противостанетъ яроститкоей, доколѣ узришь ты *Клонкатъ*, изшедшій изъ отдаленныхъ водъ *Морута*.

Отвѣтъ тѣней, какъ отвѣты прорицателей, теменъ и двусмыслененъ. Двоесмыслїе заключается въ словѣ *Клонкатъ*, то есть *отраженный лучь*; и потому смыслъ могъ быть: доколѣ узришь ты въ странѣ *Уллина* лучь отраженный отъ водъ *Морута*, что по причинѣ отдаленности было не возможно. Но *Клонкатомъ* назывался также и мечъ *Филлановъ*. *Морутъ*, небольшая рѣчка въ окружности *Сельмы*; такимъ же именемъ назывался нѣкоторый холмъ, и *Оссіанъ* называетъ иногда *Филлана* юнымъ ловцомъ *Морута*. Впрочемъ должно замѣтить, что богопочитаніе *Фирболговъ* отлично было отъ богопочитанія *Каледонянъ*: сіи послѣднїе никогда не вопрошали тѣней предковъ своихъ о будущемъ.

рой, не возврѣвъ на повержѣннаго имъ ратоборца, простирается и гонитъ прелѣ собою противныхъ. Тогда вдругъ тысящи гласовъ возвысились: стой сынъ *Фингала*, удержи свое стремленіе; не видишь ли ты сего грознаго вождя сходяща съ высоты холма? Брегись ожидать *Катмора*; возвратись *Фингалъ*, возвратись сынъ прелестныя *Клены*.

Мальтосъ зритъ *Фольмата* умирающа. Онъ уклонился къ нему стѣсненъ печалію. Благородная душа его вознеслась превыше всякаго чувствія досады и гнѣва; онъ забылъ прошедшее. — Гдѣ хочешь ты, чтобъ я устроилъ гробъ твой? вѣщаетъ онъ умирающему Герою. Въ *Ульминѣ*, или въ странѣ *Моны*, попираемой стопами дщери твоей *Дардуленны*? — Ты, говоря о ней, о *Мальтосъ*! напоминаешь мнѣ, что я не имѣю сына, не оставляю по себѣ юнаго ратоборца, который бы могъ сражаться и мстить смерть мою. . . . *Мальтосъ*! я не погибну не отмщенъ: мышца моя не покоилась во брани: окрестъ гроба моего воздвигни гробы пораженныхъ мною воителей. Часто, оставя жилище вѣтровъ, буду я утѣшаться, видя гробъ свой окруженный многочисленными ихъ гробами. Онъ рекъ, и душа его излетѣла въ долину *Моны*, и явилась *Дардуленѣ*. Любезная сія дѣва, украшенная всѣми прелестями цвѣтущихъ лѣтъ, любовь и радость Героевъ, почила безмятежно на брегѣ рѣки

Дар-

Дарлуты. Она покоилась отъ трудовъ ловитвы; недалече лежалъ распущенный лукъ ея; вѣтры осѣняли грудь ея разметанными власами. Она врить въ мечтѣ, что рудитель покрытъ язвами исходитъ изъ дубравы, и уклонится къ ней. Иногда познаетъ она черты его, иногда скрывается онъ въ туманѣ. Она воспрянула во слезахъ и не сомнѣвается уже о смерти *Фольдата*. Тѣнь устремила на нее лучь свѣта, свиваясь въ своихъ облакахъ. . . . Нещастная *Дардулена*! ты послѣдняя отрасль *Моны*.

Развѣяны далече на брегахъ *Любара*, воители *Болги* бѣгутъ въ смятеніи. *Фингалъ* женетъ ихъ, и устилаетъ поле трупами. *Фингалъ* веселится, взирая на своего сына. Но *Каитморъ Альпина*! возьми твою арфу, наполни воздухъ пѣніемъ похвалъ его подвиги, доколѣ воспаетъ . . . Сынъ среди ополченныхъ. *Филлановы*. Гремеще блистаетъ онъ

Изыди прелестная *Кмеа*, изыди изъ чертоговъ твоихъ; возври, коль блистательною славою сынъ твой оваряетъ утро своей жизни. Сонмы Героевъ низвергаются подъ его стопами. . . . Ахъ! отврати твои взоры: младое сіе свѣтило омрачается. Дщери *Морвена*! обрящайте въ свои арфы: то не ловецъ, сходящій со влажнаго убѣжища робкихъ серн. Не напрягаетъ онъ лукъ свой противъ вѣтровъ. Не стремитъ онъ тщетныхъ стрѣлъ

на воздухѢ. НеподвиженѢ среди вихрей брани, онѢ зритѢ спокойно, какѢ волны сражения стремятся и раздробляются о ребра его, или шествуя величественными стопами сквозь строи сгущенныхѢ копій, разсѣваетѢ онѢ смерть во всѢ страны; тако небесный духѢ исходитѢ изѢ нѣдрѢ своихѢ облаковѢ: кипящій ОкеанѢ реветѢ подѢ его стопами; онѢ оставляетѢ позади себя пламенную стезю, и потрясенные островы колеблютѢ, кажется, своими верьхами на моряхѢ устрашенныхѢ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Содержаніе.

Рѣчь *Финеала*, когда увидѣлъ онъ *Катмора* сходяща съ холма, чтобъ подкрѣпить свое войско. Онъ посылаетъ *Оссіана* въ помощь *Филлану*; самъ онъ удаляется за камень *Кормула*, чтобъ не видѣть битвы сына своего съ *Катморомъ*. *Оссіанъ* простирается; *Катморъ* сходитъ съ холма, ободряетъ войско, обновляетъ бой, и нападаетъ на самаго *Филлана* прежде прибытія *Оссіанова*. *Оссіанъ* пришелъ, *Катморъ* оставя *Филлана* готовится съ нимъ сразиться, но настигшая ночь разлучаетъ ихъ. *Оссіанъ* возвратился къ мѣсту, гдѣ сражались *Катморъ* и *Филланъ*. Онъ нашелъ *Филлана* уклонившася къ камню и ранена смертно. Разговоръ ихъ. *Филланъ* умираетъ; *Оссіанъ* относитъ его тѣло въ ближнюю пещеру. Полки *Каледонянъ* возвращаются къ *Фингалу*. Онъ спрашиваетъ о *Филланѣ*, и узнавъ, что онъ умеръ, удалился въ молчаніи. *Фирболги* простираются; *Катморъ* увидѣлъ *Бранна*, ловчаго *Фингалова* пса, лежаща на щитѣ *Филлановомъ*. Мысли его при семъ случаѣ. Онъ возвращается къ своему войску печаленъ и задумчивъ. *Мальтосъ* старается уничтожить его уныніе, представляя ему въ примѣръ его отца. *Катморъ* удалился, чтобъ успокоиться. ПѢсни *Сульмаллы*.

Кътморъ, вѣщаетъ владыка *Моряна*, *Кътморъ* воздвигся на холмѣ. *Фингалъ* препояшется ли мечемъ *Луноямъ*? Но что будетъ слава твоя, о сынъ мой! нѣтъ, ободрися, прелестная *Клава*; не отвращай взоровъ твоихъ отъ *Фингала*; я не угашу младой славы рожденнаго тобою Героя; онъ столь же мнѣ драгоцѣненъ и любезенъ, какъ и тебѣ. . . . Возвысьтеся, дубравы *Моры*, возвысьтеся между мною и мѣстомъ единоборствія; я не хочу быть свидѣтелемъ битвы, да не узрю поверженнаго юнаго моего ратоборца. Гряди *Каррилъ*, соедини съ пѣснями твоими звуки арфы; скалы сіи исполненны отзывовъ и водопадовъ блестящихъ. Родитель *Оскарова*! возвысь твое копіе, теки защищать моего сына; но сокрой отъ его взоровъ твое шествіе. Да не вѣдаетъ онъ, что *Фингалъ* усомнился о силѣ его меча. Нѣтъ, любезный сынъ, никогда отецъ твой не опечалитъ геройской твоей души оскорбительнымъ о тебѣ сомнѣніемъ.

Фингалъ удаляется за хребетъ *Кормула*. *Каррилъ* сопутствуетъ ему съ пѣснію. Душа моя пламенѣетъ и возвышается; я пріемлю мечь *Гэморы* (а). Я зрю вращающіяся

(а) Копіе *Оскарово*, которое онъ получилъ въ даръ отъ *Кормака*, сына *Артова*. Мы видѣли въ

щіяся въ полѣ бурныя волны сраженій; смерть низвергаетъ цѣлые строи воителей; *Фингалъ* летаетъ какъ молнія. Онъ несетъ убивство съ одного крила на другое. Сонмы сильныхъ изчезаютъ предъ лицемъ его, какъ дымъ волнистый на полѣ.

Тогда простерся *Катморъ* блистающъ во всеоружіи владыкъ. Крило орла развѣвается на ослѣпляющемъ его шлемѣ. Онъ шествуетъ на сраженіе свѣтелъ и спокоенъ, какъ исходитъ на ловитву въ дубравы *Аты*. Повременно возвышаетъ онъ страшный свой гласъ. Смущенные воины его остановились: бодрость, какъ источникъ пламени, изливается въ ихъ сердца; они стыдятся, они удивляются своему трепету. *Катморъ* явился ихъ очамъ, какъ утреннее свѣтило является очамъ странника, который пребѣжавъ поле, населенное призраками, стыдится полъ своего страха.

Сульмалла со трепетомъ сходитъ съ камня *Лены*. Встрѣчается ей дубъ, и она упустила копіе, которое слабая десница ея едва держала. Очи ея устремлены на владыку *Аты*, распущенные власы ея упадаютъ и развѣваются вокругъ ея лица. . . . . *Сульмалла*! не здѣсь мѣсто невинныхъ сраженій, какія видѣла ты при *Клубѣ*, когда

юноши,

въ первой пѣсни, что копіе сіе было предлогомъ вражды, которая возгорѣлась между *Кайрбаромъ* и *Оскаромъ*.

юноши, собравшись предъ взоръ *Конмора* (б), оспоривали другъ предъ другомъ награду вѣрности своихъ стрѣлъ и своего искусства.

Какъ гордый камень *Рона*, удерживая облаки, и вѣнчая оными главу свою, кажется, еще увеличивается и возносится отъ долу: тако вождь *Ати* явился величественнѣе и возвышеннѣе среди своего воинства. Гласомъ *Катмора* несутся ратники его въ битву, подобно какъ дыханіемъ многихъ вѣтровъ устремляются со всѣхъ странъ волны Океана. *Филлан* горитъ нетерпѣніемъ: соединяетъ гласъ свой со звукомъ своего щита. Тако хищный орелъ, видя скачущую въ долинѣ серну, потрясаетъ своими крыльями и привыкаетъ вѣтры на свой камень.

Оба воинства обновляютъ битву. Крики поражаемыхъ разносятся повсюду. Присутствіемъ вождей воспламеняется мужество. Я устремился въ поле. Скалы обремененныя древами возвышались еще между мною и кровопролитіемъ. Но при звукѣ моихъ сотрясающихся оружій слышалъ я звукъ брани, и удары гремящей стали. Я возшелъ на

(б) *Клуба* морской заливъ, вдавшійся въ земли *Инисгуны*. Въ семъ заливѣ *Катморъ* задержанъ былъ вѣтрами, и тогда *Сульмалла* пришла къ нему въ одеждѣ молодаго воина. *Конморъ*, отецъ *Сульмаллы*, умеръ, какъ видно изъ четвертой пѣсни, прежде отбытія изъ *Инисгуны*.

ял холмъ. Я узрѣлъ устрояющихся воиновъ вокругъ *Катмора* и юнаго *Филлана*. Уже свирѣпые взоры ихъ устремлены на своихъ вождей: два сіи Героя вступили уже въ страшное противоборствіе. Они грозны и величественны; и познавать ихъ можно было при сіяніи только огней, исторгающихся отъ ихъ оружія. Страхъ мой о *Филланѣ* волнуетъ и жметъ мою душу Я устремился, прилетѣлъ. *Катморъ* ни отступаетъ, ни простирается впредъ; но всегда спокоенъ шествуетъ онъ нѣкое время косвенными стопами. Тогда блеснулъ я моимъ всеоружіемъ. Мы текли безмолвно вдоль береговъ рѣки, и вдругъ обратясь подъяли копья свои въ одно время. Но спустилась ночь и покрыла насъ своими тѣнями: повсюду воцарилось безмолвіе, въ бранноносномъ только полѣ гремѣло шумное шествіе обоихъ воинствъ.

Я лечу къ мѣсту, гдѣ сражался *Филланъ*. Никакого звука, никакого гласа тамъ уже не слышно. Я вижу на земли разсѣченный на полы щитъ, вижу разрушенный шлемъ. — Гдѣ ты, *Филланъ*? дражайшій братъ, гдѣ ты? Уклонишись къ камени висящему надъ рѣкою, *Филланъ* меня услышалъ; но унылъ и печаленъ онъ мнѣ не отвѣтствовалъ. Напослѣдокъ я узрѣлъ его: — Для чего остался ты во мракѣ ночи, юный вождь *Морвена*? Ты увѣнчанъ славою на полѣ

лѢ бранноносномъ. Любезный братъ! ты ратоборствовалъ долговременно. Рогъ *Фингалов* вострубилъ уже: взыди ко твоему отцу: гряди къ его пиршеству. Окруженъ парами ночи, внимаетъ онъ струнамъ *Карилевой* арфы. Гряди, теки изліять радость во грудь старца. — Какую радость принесетъ ему побѣжденный сынъ? *Оссіанъ*! я уже не имѣю щита. Крило орла, осѣняющее шлемъ мой, уже растерзано: пріятно родителямъ видѣть чадъ своихъ; пріятно, когда бѣгутъ отъ лица ихъ сопостаты; но стонутъ они втайнѣ, когда зрятъ ихъ побѣжденными. Нѣтъ, *Фингалъ* уже не увидитъ своего владыки: для чего поражать скорбію сего Героя? — Сынъ прелестный *Клавы*! ты воскрешаешь печаль мою (в). Не пожирающій ли ты пламень, текущій предъ *Фингаломъ*? И какъ же, узрѣвъ тебя, не восхитится онъ радостію? Въ твои цвѣтущія нѣжною младостію лѣта *Оссіанъ* не достигъ толь блистательной славы. Но владыка всегда былъ для него благотворительнымъ свѣтиломъ. Онъ съ веселіемъ озарялъ столы мои; и никогда темный облакъ не омрачалъ его лучезарнаго чела. Взыди на высоту *Моры*. Уготовано уже *Фингалово* пиршество. — *Оссіанъ*! дай мнѣ разсѣчен-

---

(в) Приводя на память смерть его сына *Оскара*, убитаго *Каирбаромъ*.

ѣченный сей щитъ; перья сіи, разсѣянныя вѣтромъ въ полѣ, положи близъ *Филлана*, да не столько помрачится блескъ его славы. Любезный братъ! силы мои изчезаютъ; положи меня въ пещерѣ сея скалы. Не возвышай камени на гробѣ моемъ, да не вопросятъ нѣкогда, колико былъ я знаменитъ. Я гибну въ первомъ ишествіи на бранноносное поле: я палъ не увѣнчанъ славою. Пусть единый твой гласъ утѣшаетъ странствующую мою душу. Для чего показывать слабому, гдѣ покоится сынъ прелестныя *Клавы* (г)?

Юный

(г) *Оссіанъ* сочинилъ поэму на смерть *Филлана*. Изъ ней остался только разговоръ *Клавы*, его матери, съ сестрою его *Босминою*.

Клава.

Проснися дщерь *Фингалова*; возвысь прекрасную главу твою. Честь и радость *Сельмы*! оставь твой мягкій одръ. Движутся твои прелестныя руки; бѣлая твоя грудь трепещетъ; власы твои развѣваются вѣтрами утра: *Босмина*! не зрѣла ли ты своихъ праотцевъ? Не явились ли они тебѣ въ сонныхъ мечтаніяхъ? Востани, дщерь моя: какое уныніе излiялось въ душу твою?

Босмина.

Легкій призракъ пролетѣлъ предъ моимъ взоромъ. Онъ былъ подобенъ водамъ, которыя зефиръ составляетъ на злачномъ дерновѣ. Сними со стѣны, арфа моя, и воскреси радость въ

душѣ

Юный Герой! возопилъ я, душа твоя уже въ вихряхъ воздушныхъ. Да сопутствуетъ

душѣ *Босмины*. Я слышу стройные твои звуки, я слышу тебя, о любезная арфа! и хочу съ твоими струнами сочетать мой голосъ!

Доколѣ устремляетесь вы въ поля брани, вы обладатели моей души? Чуждую землю попираютъ стопы ваши. Вы странствуете на отдаленныхъ брегахъ *Эринскихъ* источниковъ. Сотрясай твои крилѣ, благоприятствующій вѣтръ, лети изъ дебрей *Клона*; возвей *Фингаловы* парусы, и приведи корабли его на брега *Сельмы*.

Но кто сей ратоборецъ, котораго мужество воспламеняется при видѣ сопостата? Цѣлыя воинства низвергаются его мышцою, какъ смертоносными огнями, которые солнце устремляетъ сквозь густой покровъ заразительныхъ тумановъ, когда кругъ его прицасается омраченъ въ воздухѣ. Это родитель *Босмины*. Возвратится ли Герой сей, прежде нежели пройдетъ опасность? *Фиммаль*! ты ратоборствующь о страну его, подобенъ огненному столпу, котораго блескъ пріятенъ, но ужасенъ. Когда возвратишься ты, чтобъ устремляться за робкими холмовъ твоихъ сернами, и видѣть источники, орошающіе поля твои? Когда оставишь ты высоту *Моры*? ... Но увы! юный сей Герой возвратится ли съ поля, гдѣ падаютъ сильные?

Клаев.

Гласъ дщери *Сельмы* пріятенъ какъ пѣсни *Лоды*: коль сладостно и вожделѣнно слуху *Клаевы*

ими

ствуетъ тебѣ радость на облакахъ твоихъ; да уклонятся тѣни предковъ твоихъ къ восприятію ихъ сына; я зрю воздушные ихъ огни простершіеся на холмѣ *Моры*; я зрю, какъ волнуются пары ихъ окружающіе; да будетъ веселіе жребіемъ души твоей; мы, мы остаемся сѣтовать; я зрю старца окруженна сопостатами, вижу западъ славы его; ты остаешься единъ въ своей старости, побѣдоносный владыка *Сельмы*.

Я пренесъ тѣло *Финганово* въ пещеру. Источники шумѣли во мракѣ; багровая звѣзда сіяетъ надъ Героемъ. Вѣтры развѣвали власы его; я склонилъ слухъ мой, и не услышалъ никакого жизненнаго дыханія. Юный Герой почилъ сномъ вѣчнымъ. Мысль летаетъ въ душѣ моей, какъ въ облакахъ молніи; очи мои вращаются въ пламени; я лечу стремительными стопами, и сталь моихъ оружій гремитъ.

Я найду тебя среди тысящи твоихъ ратоборцевъ; избѣжитъ ли ярости мой жестокій убійца, который похитилъ у меня брата? Воспламените ваши воздушные огни,

---

мя ратоборца, рушителя щитовъ твердыхъ! Воззри: владыка является на зыбяхъ Океана, щитъ *Морвена* несется Вардами. Враги побѣгли отъ лица его, какъ мрачный паръ отъ кѣпровъ. Но я не слышу бурнаго шуму крилъ моего юнаго орла ... Ты печаленъ, о *Фингалъ*!... Увы! такъ онъ уже не возвратишся?

о мои праотцы! чтобъ озарять отчаянныя мои стопы; въ силѣ ярости моей стремлюсь я поразить. . . . Но для чего не возвращаюсь я къ *Фингалу*? Почтенный сѣдинами Герой сей одинъ среди сопостатъ; онъ не зритъ близъ себя сыновъ своихъ: мышца его уже лишилась прежней крѣпости; слава его начинаетъ омрачаться. Нѣтъ, я не узрю сего воителя умирающа на послѣднемъ полѣ своихъ сраженій. . . . Но какъ предстану я предъ *Фингала*? Не вопроситъ ли онъ меня о своемъ сынѣ? *Ты долженъ былъ защищать Филлана*. . . . Ахъ! я обратно лечу къ сопостату. Ратники *Инисфала*! шумъ вашего шествія пріятенъ мнѣ: я стремлюсь въ сердце вашего воинства, чтобъ избѣжать взоровъ *Фингаловыхъ*. . . . Но я слышу гласъ его на высотѣ *Моры*; онъ призываетъ двухъ своихъ сыновъ: я лечу къ тебѣ, о родитель мой! я одинъ съ моею печалію; я лечу, какъ орелъ пораженный перуномъ во время ночи, и лишенный одного изъ своихъ крилъ.

Остатокъ воинства *Морвенскаго* разсѣялся нестройно на высотѣ *Моры*, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего владыки. Печальны, уклонившись на свои копія, всѣ ратники отвращали отъ него очи свои. *Фингалъ* среди ихъ пребывалъ въ уныломъ безмолвіи. Въ душѣ его стремились мысли за мыслями. Тако на волнующемся морѣ волна сопутствуетъ пѣнящейся волнѣ. Онъ на всѣ стра-

ны обращаетъ безпокоящіеся свои взоры. Ни одинъ изъ сыновъ его не является его очамъ. Вздохи тѣснятся въ сердцѣ его. Но онъ скрываетъ глубокую свою печаль. Я прихожу; я сталъ подъ дубомъ, не дерзая произнесть ни единаго слова: что могъ я сказать *Финеллу* въ часъ его унынія и скорби? Наконецъ онъ прервалъ молчаніе; онъ возгласилъ; пораженные страхомъ его ратники отступаютъ.

Гдѣ юный вождь, предтекшій воинству моему ко брани? Для чего не возвратился онъ съ вами съ полей славы? .... Вы молчите! нѣтъ уже моего сына! щитъ брани разрушенъ. ... Изнесите мнѣ его оружіе и мечь *Лунова*. Я удалюсь на сей камень, а заутра при первыхъ лучахъ дня сниду я сражаться съ *Катмором*.

На высотѣ *Кормула* горящій дубъ изливаетъ на воздухъ свое сіяніе; туманъ извивается кудрями окрестъ пламени. *Финголъ* во гнѣвѣ удаляется пространными стопами, и восходитъ на высоту. Всегда уклонялся онъ размышлять въ уединеніи, когда чувствовалъ въ сердцѣ своемъ стремленіе къ битвѣ; щитъ его покоился возвышенъ на двухъ копіяхъ, онъ былъ знаменіемъ смерти; онъ тотъ страшный щитъ, въ который *Финголъ* всегда ударялъ, когда самъ онъ хотѣлъ предшествовать ратникамъ противъ сопостатовъ. Онъ шествуетъ неравными

ными стопами, блистаетъ его оружіе при сіяніи дуба. Таковъ, но не тако страшенъ призракъ ночи, когда одѣянный парами стремится онъ на Океанъ, и востекаетъ на колесницу вѣтровъ.

Волны враждебнаго воинства колебались еще бурею брани. Ратники *Эрина* блистали при лучахъ луны, и еще слышенъ былъ шумъ ихъ шествія. *Катморъ* имъ предтечетъ, и женетъ съ яростію оставшіеся полки *Морвена*. Онъ приходитъ къ пещерѣ, гдѣ сокрыто *Фингалово* тѣло. Древо склоняло главу свою надъ источникъ, упадающій съ высоты камени. На брегѣ при сіяніи луны блисталъ разрушенный щитъ сына *Клавы*. На немъ покоился вѣрный *Бранно*. Онъ не нашелъ своего юнаго повелителя на высотѣ *Моры*; предводимъ вѣтромъ, слѣдовалъ онъ по его стезямъ. Онъ думалъ, что младый звѣроловецъ уснулъ, и онъ возлегъ на щитѣ его. Не вѣяло въ полѣ никакого дыханія вѣтра, которое бы неизвѣстно было вѣрному *Бранну*.

При видѣ сего вѣрнаго пса, лежащаго на раздробленномъ щитѣ, печаль овладѣла душею *Кантора*, и онъ мыслитъ тако о паденіи Героевъ: они все разрушаютъ, и преходятъ какъ источники. Другое племя заемлетъ ихъ мѣста: но иные шествуя оставляютъ слѣды своей славы. Нѣсколько полей хранятъ имена ихъ въ грядущіе вѣки, и-

нѣсколько источниковъ обновляютъ память ихъ подвиговъ.... Да возможетъ и *Кальмаръ* сочтенъ быть въ лицѣ знаменитыхъ сихъ ратоборцевъ: да услышитъ и онъ имя свое воспѣваемо потомками, когда онъ носиться будетъ на вихряхъ, или когда сокроется подъ крилами бури.

Ратоборцы *Эрина* соединяются окрестъ *Кальмора*, чтобъ внимать его гласу. Лучезарны при пламени дуба, уклонились они впредь въ неравныхъ разстояніяхъ, и радость блистаетъ на ихъ лицахъ. Сопостатъ, пораженній ихъ ужасомъ, отраженъ; вторично *Любаръ* извивается среди ихъ воинства; *Кальморъ* для нихъ лучь небесъ, возсіяющій въ то мгновеніе, когда слава народа его начинала омрачаться. Его ратники окружаютъ его съ почтительнымъ благоговѣніемъ. Онъ не ощущаетъ ни единаго знака радости; столько уже свойственны ему сраженія и побѣды.

Почто тако прискорбенъ владыка? какъ *Мальтисъ*. Развѣ есть еще сопостаты на брегахъ *Любара*? Какой изъ нихъ ратоборецъ можетъ еще возвысить копіе свое? *Кормаръ-Дутулъ*, твой родитель, не тако былъ покоенъ и миролюбивъ, какъ ты. Ярость его пылала какъ неугасаемый пламень. Ибли сопостаты, и радость сіяла на челѣ его. Три дни ликовалъ онъ въ пиршествахъ, зная, что *Кальморъ* пораженъ: *Кальморъ*, владыка *Лары*, защитникъ *Кормалова* пле-

 мени.

мени. Многократно трепещущія руки его касались къ желѣзу, пронзившему его врага; касались руки его, зане очи его уже не видѣли свѣта. Владыка сей всегда на друзей своихъ взиралъ веселымъ и свѣтлымъ лицемъ; онъ былъ для нихъ какъ сладостный зефиръ, колеблющій кротко листьями древесъ. Помнятъ о немъ въ *Ати*, какъ о величественномъ явленіи твоей, которыхъ присутствіе вливаетъ ужасъ, но разгоняетъ бури. Да гласы *Эрина* возстаятъ отъ уныніе душу моего владыки, вождя безтрепетнаго, блистявшаго среди черной бранноносной тучи, и низвергшаго мужественныхъ. *Фонаръ*! востеки на сію кремнистую скалу, разлей пѣсней твоихъ сладость на воинство *Эрина*, окружающее своего владыку.

Нѣтъ, вѣщаетъ *Катморъ*, да не возвысится ни едина пѣснь: *Фонаръ*! не восходи на скалу сію. На ней пали сильные: не безпокой странствующихъ тѣней ихъ. Да удалится отъ меня, о *Малвиносъ*! да удалится отъ меня пѣснь Бардовъ. Я не утѣшаюсь паденіемъ враговъ, когда престанетъ битва. Заутра, со блескомъ денницы, изыдемъ мы въ поле во всѣхъ силахъ нашей крѣпости. *Фингалъ* бодрствуетъ на холмѣ.

Онъ рекъ, и чада *Эрина* удаляются подобно волнамъ, бѣгущимъ отъ лица вѣтровъ. Слышенъ только глухой шумъ плесенъ

менъ ихъ, разсѣянныхся на полѣ. Въ нѣкоемъ другъ отъ друга разстояніи, сидя при подножіи древа, каждый Бардъ бряцалъ въ арфу Героя, къ которому онъ особенно приверженъ; *Сульмалла*, сидя противъ горящаго дуба, играла также на своей арфѣ; она переставала иногда, чтобъ слышать вѣтръ ночи, дышущій въ ея власахъ. Недалече отъ нея вождь *Аты*, погруженный въ черную задумчивость, лежалъ подъ долговѣчнымъ древомъ. Сіяніе дуба не озаряло мѣста, гдѣ онъ покоился. Онъ видѣлъ *Сульмаллу*, не будучи ею самъ видимъ. Когда узрѣлъ онъ прелестныя очи ея исполненны слезъ, бранноносная душа его смягчилась. . . Но волны сраженія предъ тобою, о мужественный сынъ *Горбар-Дутула*!

Сульмалла прерывала иногда звуки арфы своей, чтобъ узнать, почило ли уже воинство. Сердце ея исполнено страха и смущенія; она желала бы воспѣть печаль свою, не будучи никѣмъ слышима. Тишина царствуетъ въ полѣ; вѣтры свиваютъ свои крилѣ, и безмолвствуютъ; престали уже гласы Бардовъ; воздушные огни съ своими призраками извиваются въ воздухѣ; небо омрачилось; тѣни умершихъ летаютъ смѣсясь съ облаками; дщерь *Конларова* приближается къ остатку умирающаго пламени. Мужественный вождь *Аты*! тобою одним

нимъ наполнена ея душа. Она поетъ, и звуки арфы сочетаваетъ съ своимъ гласомъ.

Клунгала (д) возвратилась, и не зритъ своей дщери: гдѣ ты любезная моя *Сульмалла*? Горные звѣроловцы! не встрѣтилась ли вамъ юная дщерь моя? Не ходитъ ли она по злачному дерну близъ убѣжища робкихъ серныъ? . . . Ахъ, нещастная мать! Я вижу лукъ ея въ моихъ чертогахъ: гдѣ ты, дщерь моя, гдѣ ты? — Прекрати твои жалобы, дражайшая супруга *Конмарова*; я не слышу твоего гласа. Очи мои устремлены на владыку толико грознаго и страшнаго въ поляхъ брани. Для него безпокоющаяся душа моя бодрствуетъ въ часы всеобщаго отдохновенія. Погруженъ въ облакъ брани, не обращаетъ онъ взоровъ на свою возлюбленную. Солнце *Сульмаллы*! для чего скрываешь ты отъ меня лучезарное чело свое? Власы мои окроплены росою, окружаютъ меня пары густые; воззри на меня изъ нѣдра твоихъ облакъ, и озари печальную *Сульмаллу*!

ПѢСНЬ

(д) *Сульмалла* предполагаетъ, что мать ея *Клунгала* вошла въ свои чертоги, и тамъ ее не находитъ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Содержаніе.

Описаніе тумана, которой возвышается во время ночи изъ озера *Лега*. Вѣрили, что души умершихъ погружены были въ семъ туманѣ, доколѣ Барды воспоютъ имъ надгробную пѣснь. Явленіе тѣни *Филлановой* на высотѣ пещеры, гдѣ сокрыто было его тѣло. Голосъ его пробуждаетъ *Фингала* на камнѣ *Кормула*. *Фингалъ* ударяетъ во щитъ *Гренморовъ*, чтобъ извѣстить свое войско, что онъ самъ намѣренъ сражаться. Чудныя дѣйствія звуковъ сего щита. *Сульмалла* воспрянула, и спѣшитъ возбудить *Катмора*. Она убѣждаетъ его просить мира. Прозьбы ея тщетны: онъ повелѣлъ ей удалиться въ долину *Лоны*, гдѣ жилъ престарѣлый *Друидъ*, и тамъ ожидать слѣдствій сраженія. Онъ также пробужаетъ свое воинство, ударяя во щитъ свой. Описаніе щита *Катморова*. Бардъ *Фонаръ* разсказываетъ, какъ *Фирболги* подъ предводительствомъ *Партона* поселились въ первый разъ въ *Ирландіи*. День насталъ. *Сульмалла* удаляется въ долину *Лоны*.

Низшедшу въ понтъ солнцу, когда заключатся врата запада и сокроютъ вселенную отъ его проницательнаго взора, мрачные пары возвышаются отъ водъ *Лега*, и равно изъ дубравъ покрывающихъ его брега; сгущенный дымъ разстилается вдали надъ источникомъ *Лары*, и луна, какъ темновидный щитъ, плаваетъ въ волнахъ сихъ черныхъ тумановъ. Сими парами одѣяны тѣни умершихъ, когда носятся онѣ въ пространствѣ воздуха, и ужасаютъ смертныхъ своими страшными движеніями. Часто смѣсясь съ вѣтрами ночи, дышутъ онѣ на гробъ воителя мрачнымъ туманомъ, въ которомъ душа его должна пребывать, яко плѣнница, доколѣ Барды воспоютъ его хвалы. Внезапный шумъ исходитъ отъ пустыни: то была тѣнь *Конарова*, летящая на крилахъ вѣтровъ и дышущая на тѣло *Филланово* (а) туманомъ, въ которомъ погружена его тѣнь. Душа юнаго ратоборца уклонилась печально изъ нѣдра сгущенныхъ своихъ паровъ; вихри иногда уносятъ ее, но любезный призракъ

(а) Тѣнь ближайшаго умершему сродственника должна была взять туманъ изъ озера *Лега* и разсѣять надъ его гробомъ, доколѣ еще Барды не воспѣли ему печальной пѣсни. Здѣсь Конаръ сынъ *Тренмора*, первый *Ирландскій* Государь, исполняетъ благочестивый сей долгъ въ разсужденіи *Филлана*; ибо *Филланъ* умеръ сражаясь за его племя.

врагъ возвращается непрестанно съ потупленными очами, и воздушные власы его носятся на крилѣхъ вѣтровъ.

Мраки владычествовали на полѣ (б): воинства покоились подъ крилами ночи; погасалъ пламень на холмѣ, гдѣ *Фингалъ* уклонишись на свой щитъ покоился въ отдаленіи. Сонъ еще не вовсе овладѣлъ его очами. Гласъ *Фингалов* касается слуху Цареву. — Онъ спитъ! почилъ супругъ *Клоны*, отецъ ратоборца, котораго уже нѣтъ. Спокоенъ и уединенъ во мракѣ ночи, такъ забылъ ты меня, о родитель мой! среди сонныхъ твоихъ мечтаній?

Почто пришелъ ты возмущать мой сонъ? рекъ *Фингалъ* востая. Могу ли забыть тебя, о сынъ мой? Могу ли забыть твое преславное стремленіе въ поляхъ брани? Нѣтъ, дѣянія Героевъ не заглаждаются въ душѣ *Фингаловой*, подобно молніи, котора блеснетъ и вдругъ ивчезаетъ; я помню о тебѣ,

о

(б) *Оссіановы* ночи въ великомъ были уваженіи у Бардовъ послѣ его живших. Одинъ изъ нихъ изъясняется такъ:

Стройные звуки Оссіановыхъ струнъ, когда онъ воспѣваетъ ночь *Клоны*, пріятнѣе для меня и утѣшительнѣе стократно, нежели нѣжныя ласки юной и бѣлогрудой дѣвицы, любезной дщери Героевъ, если бы она пришла раздѣлить со мною часы моего успокоенія.

о *Фингалъ*! и чувствую, что гнѣвъ ярости моей воспламеняется.

Фингалъ рекъ, и схватилъ свое убивственное копіе. Во мракѣ ударилъ онъ во щитъ свой: то пагубоносная вѣсть битвы (в). Устрашенныя въ воздухѣ тѣни бѣгутъ и разсыпаются. Мечтательные ихъ образы упадаютъ другъ на друга среди свистящихъ вѣтровъ. Три краты изъ глубины долинъ возвышались гласы смерти; арфы Бардовъ сами

(в) По мнѣнію Бардовъ, живущихъ послѣ *Оссіана*, *Фингалъ* во время одного изъ походовъ своихъ въ *Скандинавію* встрѣтился на островѣ *Ютландѣ* съ знаменитымъ волхвомъ *Луномъ*. Сей *Луно* почитался Вулканомъ сѣвера. Онъ многимъ Героямъ сдѣлалъ полное оружіе. Но чтобъ получить отъ него такое оружіе, долженъ былъ воинъ превзойти его въ волшебствѣ. *Фингалъ*, будучи совершенно незнающъ въ чародѣйствѣ, обязанъ былъ своей храбрости тамъ, гдѣ прочіе и чрезъ свою сверхъестественную науку рѣдко получали успѣхъ. Когда *Луно* потребовалъ отъ него опыта своего знанія, *Фингалъ* извлекши мечъ отсѣкъ ему полу одежды. Устрашенный волхвъ побѣжалъ; *Фингалъ* гонится за нимъ на самый берегъ моря; тогда *Луно* устремился и пошелъ по волнамъ. *Фингалъ* на кораблѣ своемъ гнался за нимъ цѣлые десять дней, и настигъ наконецъ на островѣ Скіѣ. Тамъ принудилъ онъ его сдѣлать печь и сковать себѣ щитъ, и тотъ славный мечъ, которой по стихотворчески называется сыномъ *Луна*.

сами собою возгремѣли плачевнымъ и жалостнымъ звукомъ.

Фингалъ вторично ударилъ во щитъ свой: видъ сраженій напечатлѣвается въ сонныхъ мечтахъ его ратниковъ; они врятъ, какъ вращаются кровавыя волны битвы; Цари, ополченные голубыми щитами, летятъ на подвигъ; сопостатъ бѣжитъ и озаряется вспять; ослѣпляющая блескомъ сталь сокрываетъ отъ нихъ половину геройскихъ дѣяній.

Но когда въ третій разъ звукъ щита *Моренова* разнесся въ воздухѣ, возбужденныя серны воспрянули и трепещутъ въ разсѣдинахъ своихъ камней; устрашенныя птицы отлетаютъ съ пронзительнымъ крикомъ далече. Чада *Морена* простираютъ руки свои къ копіямъ; они познали щитъ своего владыки; но скоро сонъ возвратился на ихъ вѣжди, тишина и мраки царствуютъ въ полѣ.

Твоими чувствами не овладѣлъ сонъ, любезная дщерь *Конмароля! Сульмалла* слышитъ звукъ щита и востаетъ среди ночи; она идетъ къ *Катмору*, и хочетъ извѣстить его о близкой опасности; но можетъ ли опасность поколебать душу безтрепетнаго *Кітмора?* Она остановилась, очи ея поникли долу; небо сіяетъ всѣми огнями ночи.

Щитъ возгремѣлъ еще, *Сульмалла* бѣжитъ, останавляется, хочетъ говорить; гласъ ея ужи-

умираетъ; она зритъ *Катмора* почивша на лучезарномъ своемъ оружіи. Страхъ воспящаетъ ея стопы: она удаляется. Для чего возбуждаешь ты владыку *Аты*? рекла она въ душѣ своей. Дщерь *Инисеуны*! не ты мечтаешься ему въ сонныхъ видѣніяхъ.

Но звукъ щита возгремѣлъ еще ужаснѣе. *Сульмалла* вострепетала; шлемъ ея упадаетъ и катится; звукъ стали несется вдали въ отзывахъ камени *Любара*. *Катморъ*, едва исторгшись отъ сновидѣній ночи, воспрянулъ и возсѣлъ подъ сноимъ дубомъ. Онъ узрѣлъ *Сульмаллу* на камени. Сквозь ея распущенные власы видно было сіяніе звѣздъ небесныхъ.

Кто приближается къ *Катмору* среди сонныхъ его мечтаній? рекъ вождь *Аты*: грядешь ли ты бесѣдовать со мною о брани? Кто ты, сынъ ночи? Тѣнь ли Героя временъ претекшихъ, или гласъ исходящій изъ нѣдръ облака, чтобъ извѣстить меня о грозящей *Эрину* опасности? — Я не призракъ странствующій во мракѣ, ниже гласъ изшедшій изъ нѣдръ облака; но спѣшу извѣстить тебя о бѣдствіи, грядущемъ на твое воинство. Слышишь ли ты сей страшный звукъ? Вождь *Аты*! грозенъ тотъ и крѣпокъ, кто безмолвіе ночи возмущаетъ сими ужасными звуками! — Да гремитъ сопостатъ по волѣ своей страшнымъ предвѣстіемъ битвы: стройные гласы арфы не столько

ко пріятны слуху *Катмора*. Сынъ ночи! радость моя велика: она объемлетъ всю мою душу. Такая только мувыка сладостна и восхитительна ушесамъ владыкъ, когда обравъ браней воспламеняетъ бестрепетныя сердца ихъ. Робкій не исходитъ изъ своей мрачной долины, гдѣ пары утра распростираютъ темный свой покровъ надъ спокойными рѣками. — Вождь сильныхъ! Герои моего племени не безславны были: они также ратоборствовали долговременно въ странахъ чуждыхъ. Но гласъ вѣщающій смерть непріятенъ моему сердцу. Грядетъ, грядетъ сильный, которой никогда еще побѣжденъ не былъ: вонбуди Барда, вѣщающаго мирная.

Подобенъ камени, окропленному водами, упадающими съ его высоты, *Катморъ* востаетъ проливая слезы. Гласъ *Сульмаллы*, которой пріятнѣе для него кроткихъ дыханій зефира, воскресилъ въ смягченной душѣ его память о *Инисгунѣ*, той пріятной и щастливой странѣ, гдѣ обитала *Сульмалла*, доколѣ еще не притекъ онъ въ помощь *Конмору*.

Любезная чужестранка! вѣщаетъ онъ ей, (при семъ словѣ трепещущая *Сульмалла* отвращаетъ лице свое) уже давно узналъ я въ ратоборческой сей одеждѣ нѣжную отрасль *Инисгуны*. Но, говорилъ я тогда въ сердцѣ моемъ, буря брани окружаетъ меня: какъ душѣ моей заниматься сею прелестною, доколѣ

колѣ не возвращусь я въ мирномъ торжествѣ въ чертогъ ея родителя? Блѣднѣлъ ли я отъ страха, когда ты вѣщала мнѣ о грозномъ *Фингалѣ*? Часъ опасности есть самый сладостный часъ для моея души. Тогда вся моя бодрость пламенѣетъ и влечетъ меня въ сонмы противныхъ. Подъ скалою *Лоны* обитаетъ престарѣлый *Клонмалъ*, Царь пріятныхъ арфъ. Лѣта убѣлили власы его, прозрачный источникъ извивается близъ его жилища. Надъ главою его возвышается дубовая роща, и скачутъ легкія серны. Звукъ нашихъ оружій поражаетъ ушеса его, межъ тѣмъ какъ углубленныя мысли его испытуютъ бездну будущаго. Тамо, прекрасная *Сульмалла*, должно тебѣ опочить и ждать конца брани. Пребуди при семъ старцѣ, возлюбленная моя, доколѣ среди паровъ, которыми утро вѣнчаетъ главу *Лоны*, увидишь ты своего любовника грядуща въ сіяніи торжества.

Лучь радости проникъ во глубину сердца *Сульмаллы*. Слова *Катмора* одушевляютъ въ немъ надежду. Она обратила къ нему прекрасное лице свое: — О *Катморъ*! удобнѣе сдержать стремительный полетъ орла, когда онъ видитъ корысть свою странствующу на полѣ, нежели уклонить стопы твои отъ путей славы. Да возмогу узрѣть тебя скорѣе, тебя шествующа среди утреннихъ паровъ, когда они окрестъ меня устремятся

ся надъ источники *Лоны*! Но доколѣ отлаленъ ты отъ меня, ударяй, любезной мой Герой, ударяй въ щитъ твой. Я услышу его, уклонишись къ камени; я услышу его, и радость внидетъ въ мою унылую душу. Но естьли ты падешь въ сраженіи *Катморъ*, я одна въ странѣ иноплеменныхъ. Ахъ! бесѣдуй хотя изъ нѣдра твоихъ облаковъ, бесѣдуй съ несчастною *Сульмаллою*. — Юная отрасль *Люмона*! почто трепещешь ты отъ громовъ брани? Не часто ли *Катморъ* возвращался съ поля битвы? Стрѣлы смерти для меня какъ слабый лѣта градъ: стократно врѣзъ я, какъ отражались онѣ отъ моего непроницаемаго щита. Стократно исходилъ я изъ среды кровопролитія, какъ блистающій воздушный огнь изъ нѣдръ мрачнаго облака. *Сульмалла*! не оставляй твоего убѣжища, когда услышишь ты вопли битвы, да не избѣгнетъ сопостатъ отъ меча моего, какъ избѣгъ нѣкогда отъ ярости одного изъ моихъ праотцевъ.

Сонморъ (г) узналъ, что *Клунаръ* пораженъ *Кормакомъ*: три дни рыдалъ онъ о смерти своего брата. Его свирѣпое безмолвіе предвѣщало его супругѣ, что онъ скоро ополчится ко брани. Она тайно пріуготовила себѣ лукъ, чтобъ сопутствовать своему

(г) Сонморъ, отецъ Борбар-Дутула и дѣда Катмора и Канбара. Клунаръ братъ его убитъ Кормак-Макконаромъ, Государемъ Ирландіи.

Герою. *Сулаллина* плакала въ чертогахъ *Аты*, когда супругъ ея пошелъ на поля брани. Чада *Алнехмы* оставляютъ во-время ночи брега своихъ источниковъ, и разсыпаются въ полѣ. *Сулаллина* слѣдовала за ними издалече. Преходятъ ли они глубокія долины, она блистала на высотѣ горъ; стремятся ли они по зеленѣющимся холмамъ, величественныя стопы ея неслись по кудрявому глаку долинъ. *Сулаллина* страшилась приближиться къ супругу, отъ котораго осталась она въ своихъ чертогахъ; но когда вопли сраженія возвышались въ воздухъ, и воскипѣла ярость сомкнувшихся ратоборцевъ, она притекла изумленна и слезяща. Супругъ ея прервалъ кровопролитіе, чтобъ спасти сію красоту, радость и любовь Героевъ. Сопостатъ убѣгъ во мракѣ ночи, и *Клунаръ* почилъ, лишенъ крови, которая бы должна оросить его гробницу. Гнѣвъ *Сонмора* не возгорѣлъ противъ своей возлюбленной; но дни его текли въ печали. *Сулаллина*, проливая слезы, ходила по брегамъ своихъ источниковъ. Она часто взирала на своего Героя, когда погружался онъ въ мрачныя свои мысли, но убѣгала отъ взоровъ его и удалялась отъ его присутствія. Скоро настала брань, и печаль *Сонморова* изчезла. Онъ съ радостію увидѣлъ *Сулаллину* въ своихъ чертогахъ; съ удовольствіемъ увидѣлъ онъ бѣлую руку ея, перебѣгающую по струнамъ арфы.

Кат-

Катморъ пріемлетъ свое оружіе, и течетъ къ мѣсту, гдѣ щитъ его висѣлъ на древѣ надъ водами *Любара*. На грозномъ семъ щитѣ возвышаются седмь выпуклостей. Это седмь гласовъ Царя, преносимыхъ вѣтрами къ его вождямъ, и вожди возвѣщали его велѣнія племенамъ.

На каждой выпуклости начертана звѣзда ночи (д). Тамъ видны, *Комаконъ* съ долгими и блестящими своими кудрями, *Колдерна* исходящая изъ облакъ, *Улоихъ* одѣянный туманомъ, и кроткіе лучи *Катлина*, изливающіеся на высоту скалы. Видѣнъ, какъ бы вдали, *Релдуратъ*, котораго блескъ сотрясается въ водахъ запада. Багряновидный *Бертинъ* кажется взираетъ сквозь густые лѣса на звѣроловца, грядущаго тихими стопами съ ловитвы и обремененна корыстію. Посреди блистаетъ чистый и безоблачный свѣтъ *Тонтены*, озарявшій на зыбучихъ волнахъ стремленіе *Лартона*, которой первой изъ племени *Болги* дерзнулъ странствовать по без-

(д) *Комаконъ* медвѣжія голова. *Колдерна* косвенный и проницательный лучъ. *Улоихъ* ночный вождь. *Катлинъ* лучъ волнъ. *Релдуратъ* звѣзда сумрака. *Бертинъ* огонь холма. *Тонтена* возлушный огнь валовъ. Въ сіи наименованія достодолжно справедливы и свойственны, говоритъ Г. *Макферсонъ*, кромѣ слова *Комаконъ*; ибо я не осмѣлюсь утвержлать, чтобъ по времена *Лартона* называли уже созвѣздіе медвѣдицею.

днѣ водъ при помощи вѣтровъ. Его паруcы несли его къ *Инисфалу*. Вдругъ погрузился онъ во мглу ночи. Вѣтръ премѣнялся каждое мгновеніе, и бросалъ корабль его по скачущимъ волнамъ. Тогда *Тонтена* восстала и сквозь облакъ возврѣла на Героя съ пріятною улыбкою. *Лартонъ* восхитился радостію при видѣ благотворительнаго созвѣздія, которое содѣлалось ему вождемъ, озаряя своимъ блескомъ бунтующія волны (e).

Кап-

(e) Находится еще и нынѣ часть древней поэмы о мореплаваніи *Лартона*. Она начинается такъ:

Кто первый изъ смертныхъ, вступивши на корабль, дерзнулъ преплыть море подобенъ великому киту среди пѣнящихся волнъ? *Оссіанъ*, владыка сіроройныхъ арфъ! изыди изъ твоего облака, явися на *Кронатѣ*, и устреми твои лучи на катящіяся волны. Покажи мнѣ сего смѣлаго смертнаго; я вижу его на дубѣ, изсѣченномъ и устроенномъ его руками. О *Лартонъ*! душа твоя пламень; она нечувствительна, какъ вѣтръ вѣющій въ твои паруса, какъ волна бѣгущая при кораблѣ твоемъ. Но какой островъ предлагаетъ взору его съ молчаливыми своими лѣсами? Какая гора, стремящая съ высоты своей тысящи пѣнистыхъ источниковъ? Ея чада столь же высоки и величественны, какъ древа *Лумона*, и проч. — Г. *Макферсонъ* изъясняется, что онъ, храня честь Барда, не перевелъ далѣе, и не хочетъ, чтобъ извѣстны были о маломъ разсудкѣ сего стихотворца, когда онъ переходитъ къ описанію *Ирландскихъ* монодиновъ.

Катморъ ударяетъ въ выпуклость щита своего, гремящую гласомъ возбуждающимъ Бардовъ: текутъ они отвсюду, бряцая въ свои арфы. Видя ихъ владыка восхищается, какъ жегомый солнцемъ путешественникъ, слыша отдаленный шумъ источника, упадающаго съ высоты камня на равнину.

Для чего, рекъ *Фонаръ*, достигнулъ къ намъ гласъ Царя въ часы его успокоенія? Не мрачные ли праотцевъ твоихъ призраки смутили твои сновидѣнія? Можетъ, носятся они на облакѣ семъ и внимаютъ пѣснямъ *Фонара*. Часто нисходятъ они въ поля, гдѣ чада ихъ должны ратоборствовать. Или желаешь, да наши пѣсни возгласятъ хвалы страшному *Фильдату*, ратоборцу, которой не возвышаетъ уже копія своего, *Фильдату*, сему пожирающему пламени въ поляхъ брани?

Пѣвецъ временъ претекшихъ! отвѣтствуетъ *Катморъ*, я не забылъ сего знаменитаго воителя. Гробъ его, вѣчный памятникъ славы его, вознесется въ полѣ превыше прочихъ; но въ сіи минуты пренеси душу мою ко временамъ отцевъ моихъ, къ симъ славнымъ временамъ, когда они въ первый разъ странствовали по моремъ *Инисгуны*. Не одному *Катмору* восхитительно воспоминаніе о *Лумонѣ*, счастливомъ жилищѣ бѣлогрудыхъ красавицъ.

Холмъ *Лумона*, воспѣтый *Фонаромъ*! *Лумонъ*, орошаемый тысящію пѣнистыхъ

источниковъ! воспоминаніе о тебѣ сладостно душѣ *Фэнаровой*. Солнце позлащаетъ твои ребра, и озаряетъ злачивыя древа, уклоншіяся на твоихъ камняхъ. Скачетъ тамо серна среди сгущеннаго можжевельника. Елень возвышаетъ тамъ свою вѣтвистую главу, примѣтя ловчаго пса, сокрывшася до половины въ кустарникѣ. Юныя дѣвы прохаживаются тихими стопами въ долинѣ, вооружены луками. Онѣ подъемлютъ прекрасныя свои очи, и не видятъ уже тамъ *Ларіона*, вождя *Инисгуны*. Онъ разсѣкалъ волны Океана, несомъ на дубахъ, которые повергнулъ онъ сѣкирою въ дубравахъ *Лумона*, и устроилъ своими руками, чтобъ устремиться въ бездну. Нѣжныя дѣвы отвратили взоры свои, страшась увидѣть гибель своего владыки: никогда онѣ не зрѣли еще корабля востекшаго на волны.

Уже *Лартонъ* дерзнулъ призвать вѣтры и погрузиться въ туманахъ Океана. Уже *Инисфальская* страна возвышается предъ взоромъ его среди голубаго дыма, какъ вдругъ простерлись на моря крилѣ ночи; чада *Волги* трепещутъ; но востала *Тонтена*, любезное пловцамъ созвѣздіе, и заливъ *Кулбина* пріемлетъ корабль въ недра своихъ дубравъ. Тамо истекаетъ живая вода изъ страшной пещеры *Дунумы*, и часто видятъ тамъ странствующія въ окрестности безобразныя тѣни умершихъ. Сновидѣнія окружили *Ларіона*:

ему

ему явились, седмь духовъ его праотцевъ, онъ слышалъ ихъ рѣчи не вовсе внятныя, онъ видѣлъ какъ бы въ сумракѣ будущихъ Царей *Аты*, ведущихъ полки свои на брань, подобно какъ вѣтры осени соединяютъ утренніе пары подъ дубравами *Алнехмы*.

Лартонъ при гласѣ арфъ воздвигъ чертоги *Самлы* (ж). Онъ устремился во слѣдъ робкихъ сернъ на брегахъ источниковъ *Эринскихъ*, но не забылъ онъ *Лумона*. Часто корабль его скакалъ по волнамъ къ высотѣ холма, гдѣ жила прелестная *Флатала* (з). О *Лумонъ*, орошаемый тысящію пѣнистыхъ источниковъ! воспоминаніе о тебѣ утѣшительно сердцу *Фэнара*.

День пробуждается при востокѣ; горы подъемлютъ главы свои увѣнчанныя туманомъ. Долины начинаютъ уже открывать взорамъ извучистое теченіе своихъ источниковъ. Звукъ щита *Катморова* возбуждаетъ его воинство; всѣ его ратоборцы востаютъ вдругъ, подобны согромажденнымъ водамъ моря, когда начинаетъ оно ощущать крилѣ вѣтровъ; неспокойныя волны стремятся, и всѣ совокупно возвышаютъ бѣлѣющіеся свои верхи.

(ж) *Самла* значитъ явленіе. Сіи чертоги названы такъ по причинѣ сновидѣнія *Лартонова*.

(з) *Флатала* вышла послѣ за мужъ за *Лартона*.

Печальная *Сульмалла* шествуетъ тихими стопами къ холму *Лоны*, и часто обращается вспять; но достигши уже къ холму, проливаетъ она слезы: она еще посмотрѣла на *Капімора*, и сокрылась за хребетъ камени.

Сынъ *Алпина*! бряцай въ твои согласныя струны. Естьли звуки арфы твоей имѣютъ нѣкую утѣшительную сладость, излей ее въ *Оссіанову* душу: она одѣяна мраками. Я слышу тебя, о Бардъ! во мглѣ ночи, покрывающей мои взоры. Но скончай твои легкіе звуки. Для *Оссіана* въ послѣднихъ его лѣтахъ нѣтъ уже другой отрады, какъ погружаться во мрачную свою печаль.

Цвѣтущій терновникъ скалы призраковъ, котораго глава толь часто колеблется вѣтрами ночи! я не слышу никакого журчанія въ твоихъ вѣтвіяхъ. Или нѣтъ въ воздухѣ никакой тѣни, которая бы шествуя мимо потрясла своею одеждою твои легкіе листочки? Часто видаютъ души умершихъ странствующи въ вихряхъ вѣтровъ, когда луна, извшедши отъ востока, стремится по выбямъ лазоревымъ.

Уллинъ, *Карриль*, *Рино*, пѣвцы временъ претекшихъ! да услышу я еще пѣсни ваши среди мраконъ покрывающихъ *Сельму*! Любезныя тѣни! придите воспламенить *Оссіанов*

новѢ духѢ. Я не слышу васѢ, чада мужикійскихѢ согласій. ВѢ какіе облачные чертоги удалились вы? Не вѢ странахѢ ли восходящаго изѢ шумныхѢ волнѢ солнца, увѣнчанны парами утра, бряцаете вы стройно вѢ воздушныя сои арфы?

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Содержаніе.

Начало четвертаго дня. Сквозь туманъ, покрывающій камень *Кормула*, видѣнъ время отъ времени *Фингалъ* всегда на томъ мѣстѣ, куда удалился онъ въ прошедшую ночь. Онъ сходитъ съ холма, повелѣваетъ Галлу, *Дермиду* и Барду *Каррилю* сыскать въ долинѣ *Клуны Ферад-Арта*, послѣднюю отрасль племени *Конарова*, и пріуготовляется къ сраженію. Идя на поле брани, приближился онъ къ пещерѣ камени *Любара*, гдѣ было тѣло *Филланово*: онъ видитъ *Бранна*, лежащаго при входѣ сей пещеры, и печаль его обновилась. *Каттморъ* располагаетъ свое войско къ битвѣ. Прибытіе сего Героя. Знаменитые подвиги *Каттмора* и *Фингала*; буря; конечное разрушеніе *Фирболговъ*. Оба Государя сражаются среди тумана на берегу *Любара*. Разговоръ ихъ послѣ битвы. *Каттморъ* умираетъ. *Фингалъ* вручаетъ копье *Тренморово Оссіану*. Обряды, наблюдаемые при такомъ случаѣ. Тѣнь *Каттморова* явилась *Сульмаллѣ* въ долинѣ *Лоны*. Печаль *Сульмаллы*; настаетъ вечеръ; *Фингалъ* повелѣваетъ уготовить пиршество. Прибытіе *Ферад-Арта* возвѣщено пѣснями ста Бардовъ. Поэма кончится рѣчью *Фингала*.

Когда воды горнаго озера, скрѣпленны узами хлада, вдругъ покроются льдомъ среди зимнія ночи, взоры утренняго звѣроловца мечтаютъ видѣть издалека, что еще вращаются его волны; онъ склоняетъ слухъ свой, чтобъ услышать звучный шумъ водопадовъ; но всѣ они безмолвствуютъ, блистая въ неподвижныхъ своихъ оковахъ, всѣ усѣяны вѣтвями древесъ и глыбами дерна, трепещущими при дыханіи вѣтровъ на семъ льдистомъ полѣ. Тако блистало при лучахъ утра безмолвное воинство *Морвена*. Каждый ратоборецъ сквозь забрало шлема взиралъ на холмъ, гдѣ стоялъ *Фингалъ* среди облаковъ и тумановъ. Сквозь густый дымъ видѣли повременно Героя сего покровенна своимъ оружіемъ. Всѣ мысли великой его души углублены въ важность подвига, къ которому онъ готовился.

Онъ нисходитъ съ камени *Кормула*. Прежде примѣтили страшный мечь его, дивное искусство *Луна*. Его копіе возникло до половины изъ нѣдръ облака, межъ тѣмъ какъ щитъ его погруженъ еще въ парахъ. Но когда вполнѣ явился онъ изъ тумана, когда могли уже познать сѣдые власы его окропленные росою, и когда узрѣли его стремящагося пространными стопами: тогда тысящи криковъ возвышались на воздухъ; всѣ племена восколебались въ своихъ строяхъ; они тѣснятся окрестъ своего владыки, и широкіе

рокіе щиты ихъ звучатъ вдали. Тако зеленѣющія Океана волны возъемлются вкругъ духа, сшедшаго съ вихрей вѣтра; путешественникъ слышитъ отдаленный шумъ; онъ возводитъ взоры свои на высоту камня; онъ видитъ море колеблемое въ заливѣ, и мечтаетъ видѣть мрачный призракъ, вокругъ котораго играютъ встревоженныя волны.

Галлъ, *Дермидъ* и *Оссіанъ* стояли въ отдаленіи каждый подъ древомъ. Мы избѣгали взоровъ владыки; мы не побѣдили. Малый источникъ текъ предъ моими стопами. Я копіемъ своимъ касался легкимъ его струямъ. Но развлеченная душа моя вращалась въ тысящѣ мрачныхъ помысловъ, исторгающихъ изъ сердца моего тяжкіе вздохи.

Сынъ *Морніи*! рекъ *Фингалъ*, и ты неутомимый *Дермидъ*! что тако печальны вы? Душа *Фингалова* не раздражена противъ вождей своего воинства. Вы крѣпость моя во бранѣхъ; вы радость моя во дни мира. Гласъ мой пріятенъ былъ слуху вашему, какъ журчаніе зефира, когда юный *Филланъ* уготовлялъ лукъ свой на ловитву; нѣтъ уже съ нами любезнаго моего сына; мы не будемъ уже гоняться вмѣстѣ за робкими сернами. . . . Но для чего мои Герои тако удаляются отъ меня печальны и смущенны?

Оба воителя приближились; они примѣтили, какъ владыка обратился къ холму *Моры*, и пролилъ нѣсколько слезъ о своемъ сынѣ.

Но

Но скоро обратясь къ нимъ съ спокойнымъ и веселымъ лицемъ, вѣщаетъ имъ съ кротостію:

Вы видите *Кроммалъ*, и его скалы, покрытыя лѣсами; видите ударяемую вѣтрами его высоту, съ которой упадаетъ источникъ *Любара*. Позади сея горы лежитъ спокойная долина, гдѣ извиваются прозрачныя воды *Лавата*. Мрачная пещера изсѣчена въ камени: на высотѣ ея убѣжище быстрокрилыхъ орловъ; входъ ея отѣненъ долговѣчными и многолиственными дубами, стеняющими иногда отъ вѣтровъ *Клуны*. Въ сей пещерѣ обитаетъ юный *Ферад-Артъ*, сынъ *Каирбара Уллинскаго* (а); онъ внимаетъ гласу *Кондана*; сѣдовласый Бардъ сей поетъ при слабомъ сіяніи горящаго дуба. *Ферад-Артъ* слушаетъ его въ тайной сей пещерѣ; въ.

(а) *Ферад-Артъ* значитъ, которой заступаетъ мѣсто *Арта*. Онъ названъ такъ по слѣдующему случаю: *Артъ* былъ въ походѣ, въ полуденной *Ирландіи*, когда братъ его родился. Пронесся ложной слухъ о его смерти; тогда *Каирбаръ-Мак Кормахъ* или *Каирбаръ Уллинскій*, сѣтуя безутѣшно о смерти своего сына, обратясь къ тому, котораго *Белтама* его супруга родила недавно въ свѣтъ, ты будешь *Ферад-Артъ*, сказалъ ему, ты будешь для потомства блистательнымъ созвѣздіемъ; то есть: ты будешь мнѣ вмѣсто *Арта*, и проч. Таковы израженія нѣкоего древняго Барда, которой сочинилъ поэму на сей случай.

въ чертогахъ *Теморы* обитаютъ его враги. При мракѣ ночи исходитъ онъ въ поле пронзать стрѣлами скачущихъ серн; но едва возсіяетъ солнце, уже не видно его ни на высотѣ холмовъ, ни при брегѣ источниковъ. Онъ убѣгаетъ племени *Болги*, которое владычествуетъ въ чертогахъ его родителя. Шествуйте, скажите ему, что *Фингалъ* подъемлетъ днесь копіе свое, и что враги его падутъ, можетъ быть, въ часы вечера. Сынъ *Морнія*! возвысь предъ нимъ щитъ. *Дермидъ*! вручи ему копіе *Теморы*. И ты, *Карриль*, воспой ему подвиги его праотцевъ. Изведите его на поле *Лены*. Тамо устремлюся я противъ сопостатъ его, и вергнусь за него въ тысящи опасностей. Доколѣ мракъ ночи не разпрострется еще по своду небесъ, востеките на высоту утесистой *Дунморы*, и низведите очи на равнину. Естьли узрите мое знамя колеблемо и развѣваемо надъ блестящими водами *Любара*, знайте, *Фингалъ* не палъ еще въ послѣднемъ своемъ подвигѣ.

Тако рекъ *Фингалъ*. Цари удаляются безмолвно : никогда они не отлучались отъ *Фингала* въ день бурной опасности. *Карриль* сопутствовалъ имъ, ударяя повременно въ свою арфу. Онъ предвидѣлъ паденіе сопостатъ. Его звуки были жалостны и плачевны, какъ шумъ вѣтровъ, дышущихъ въ кустарникѣ *Лега*, когда сонъ смыкаетъ

очи

очи ввѣроловца, возлегшаго на кудрявомъ дернѣ камени.

Для чего, вѣщаетъ мнѣ тогда *Фингалъ*, для чего пѣснопѣвецъ *Коны* стоитъ при источникѣ безмолвенъ и съ потупленными очами? Родитель *Оскара*! нынѣ ли время унынія? Когда возвратится миръ, и престанетъ звукъ щитовъ, пусть душа твоя покоится тогда праведной твоей печали: вспомни двухъ Героевъ (б), почившихъ на полѣ *Лены*.

(б) *Оскара* и *Филлана*. *Оссіанъ* ихъ не забылъ. Онъ сочинилъ на смерть ихъ многія элегіи, которыя не дошли до нашихъ временъ. Мы одну помѣстили въ прежнихъ примѣчаніяхъ; это разговоръ *Клаоны* и *Босмины*. Мы присовокупили здѣсь отрывокъ изъ одной *Оссіановой поэмы*, изъ которой большая и лучшая часть потеряна; остался только монологъ *Мальвины*, *Тоскаровой* дочери, а *Оскаровой* жены или любовницы. *Мальвина* одна, сидя въ долинѣ *Луты*, увидѣла вдали корабль плывущій въ *Морвенъ*; въ немъ было *Оскарово* тѣло. Говорятъ, что я прелестна; но увы! красота моя увяла отъ слезъ. Часто уподобляли меня блистательной дождевой радугѣ. Она часто сіяетъ надъ безмолвною долиною, но вода ее омываетъ, и вянутъ ея различные цвѣты. Тѣни печалей летаютъ надъ моею душею, какъ бѣглыя водяныя, которыя составляютъ вѣтръ поверхъ злачнаго дерна *Луты*. Но мои стрѣлы поразили на холмахъ легкую серну; персты мои перебѣгали по струнамъ стройной арфы,

Лены . . . . Но *Эринъ* шествуетъ въ сраженіе. *Оссіанъ*! возвысь твой щитъ; я одинъ, о сынъ мой!

Какъ гордый корабль, держимый тишиною въ заливѣ *Инисгуны*, вдругъ при шумѣ вѣтровъ устремляется и востекаетъ на пѣнистыя волны: тако по гласу *Фингала* стремится *Оссіанъ* и летитъ въ поле. Онъ подъемлетъ свой щитъ, блистающій на черномъ крилѣ брани подобно широкой и блѣдной лунѣ на изгибахъ тученоснаго облака.

Брань съ страшнымъ шумомъ нисходитъ съ высоты *Моры*. Владыка *Морвена* ведетъ своихъ воителей въ сраженіе. Его орлее

арфы, и она сладостными отвѣчала звуками. *Мальвина*! какой же мрачный облакъ носится на душѣ твоей, какъ призракъ на покровахъ ночи? Дщери *Луты*! воспанѣте, призовите радость въ сердце *Мальвины*, да гласъ арфы возбудитъ отзывы долинъ; тогда душа моя изыдетъ изъ мрачныхъ тѣней печали, какъ исходитъ солнце изъ вратъ утра, когда ихъ окружаютъ облаки, и вращаютъ окрестъ безобразныя и раздробленныя свои ребра. О ты, къ которому всѣ мои стремятся мысли, кого тараго любезный призракъ непрестанно странствуетъ на поляхъ нашихъ! для чего грядешь ты толь издалече возмущать мой сонъ?.... Не возлюбленнаго ли моего корабль несется по волнамъ Океана? Дражайшій *Оскаръ*! для чего такъ скоро возвращаешься ты съ полей брани?

орлее крило колеблется на высотѣ шлема его, и бѣлые власы его развѣваются по рамѣнамъ. Шумъ стопъ его подобенъ звукамъ грома. Часто обращаетъ онъ лице свое вспять, и стоитъ, чтобъ видѣть длинныя бразды свѣта, истекающія отъ оружій его сподвижниковъ. Онъ блисталъ тогда какъ твердый камень, покрытый замерзлыми парами; древеса возвышаются на главѣ его; съ чела его упадаютъ источники и раздробляютъ пѣну свою въ воздухѣ.

Фингалъ приближился къ пещерѣ *Любара*, гдѣ покоился юный его *Филланъ*: *Враинъ* еще лежалъ на разрушенномъ щитѣ; орлее крило шлема вращалось по земли вѣтрами; копіе Героя блистало среди увядшаго кустарника. Такое зрѣлище поразило печалію душу владыки; отягченъ скорбію, вдругъ сокращаетъ онъ стопы, и уклоняется на копіе свое. *Враинъ* позналъ *Фингала*, и бѣжитъ къ нему скача отъ радости. Вѣрный сей песъ устремляетъ взоры свои къ пещерѣ, гдѣ покоится младый звѣроловецъ, воспававшій нѣкогда съ первыми лучами дня, чтобъ застать серну на ея одрѣ окропленномъ росою. Тогда уже, тогда излилися струи слезъ *Фингаловыхъ*, и онъ зрѣлся нѣкое время погруженнымъ въ глубокую печаль. Но какъ вдругъ поднявшійся вѣтръ разгоняетъ тучу, и возвращаетъ свѣтъ солнцу бѣлѣющимся источникамъ и злачнымъ

холмамъ, тако брань удаляетъ печаль отъ души *Фингаловой*, и обновляетъ его бодрость. Опершись на копіе, прескакиваетъ онъ *Любаръ*, и ударяетъ въ щитъ свой. Всѣ строи его воинства простираются, устремя впередъ остріе своихъ копій.

Эринъ внимаетъ съ безстрашіемъ шуму ихъ шествія; многочисленные сонмы его покрыли поле. *Мальтосъ* летитъ къ одному крылу, сморщиваетъ бровь, и смотритъ гордо на сопостата; близъ его шествуетъ юный *Гидаллъ*, по немъ мрачный *Маронанъ*. *Кронаръ*, покрытый голубовиднымъ щитомъ, возвышаетъ копіе свое; за нимъ течетъ густовласый *Кармаръ*. Блистательный вождь *Аты* возъемлется косно на высотѣ скалы. Сперва зрятся сіяющія острія двухъ его копій, послѣ половина его щита. Но когда владыка *Эрина* явился въ полномъ своемъ сіяніи, тогда оба воинства устремились другъ противъ друга, и кровопролитіе возгорѣлось. Съ обѣихъ сторонъ видны колеблемыя и сливающіяся взаимно волны копій. Подобно когда два теченія Океана ударяемы бываютъ противоборствующими вѣтрами, ихъ волны стремятся и ударяются взаимно при подножіи камней, окружающихъ заливъ *Люмона*: призраки съ страшнымъ шумомъ стремятся вдоль холмовъ. Цѣлые лѣса восхищенные на воздухъ свергаются въ бездну, въ средину пѣнистыхъ стегей разверстыхъ китами. *Фингалъ*

Галъ и *Каттморъ* исторгаются въ сонмы воителей: цѣлыя ряды щитовъ падаютъ въ ихъ стремленіи, и подъ ихъ стопами разрушенная сталь летитъ въ блистательныхъ отломкахъ.

Марннанъ палъ ударами *Фингала*; его тѣло простерлось по широтѣ рѣки, воды соединяются при его ребрахъ, пѣнятся и превышаютъ его щитъ. *Клонаръ* пронзенъ *Каттмором*; онъ не палъ, дубъ удержалъ его за власы. Шлемъ его катится по земли, но его щитъ повисъ на ремняхъ своихъ и пріемлетъ кровь, текущую изъ его язвы. *Фламина*, бія въ прекрасную грудь свою, восплачешь ты въ своемъ жилищѣ (в).

(в) Любовь *Фламины* и *Клонара* извѣстна въ сѣверѣ по малому остатку изъ древней лирической повмы, приписуемой *Оссіану*.

Фламина.

Клонаръ, юный ловецъ боязливыхъ сернъ *Имора*! гдѣ сокрылся ты? Не возлегъ ли ты среди волнующагося тростника? Вѣтры, пролетая мимо, касаются ли тебѣ своими легкими крылами? Любовь моя и радость! тебя, тебя я вижу въ полѣ, орошаемомъ твоими источниками. Терновникъ колеблемый вѣтрами, ударяясь во щитъ твой, раждаетъ въ воздухѣ звуки. Онъ покоится: его прекрасные власы развѣваются вокругъ его. Мысли, которыя обладаютъ имъ въ сонныхъ мечтахъ, изображаются премѣнно на его лицѣ.

Мла-

Оссіанъ не дозволялъ покоиться своему копію. Онъ покрылъ поле мертвыми. *Гидаллъ* ле-

---

младый вождь гремящаго оружія! ты мечтаешь во снѣ о битвахъ *Оссіановыхъ*, а я, я одна сокрывшись въ рощѣ.... Изчезните вы горные туманы! почто скрываете вы отъ очей моихъ любовь мою и радость?

Клонаръ.

Призракъ, мечтавшійся мнѣ въ сновидѣніи, изчезъ съ моимъ сномъ; я надѣялся по моемъ воспаніи увидѣть еще блестящіе слѣды его между холмами: такожъ дщерь *Клунгалова* сокрылась отъ взоровъ своего возлюбленнаго. Воспани прекрасная *Фламина*, изыди изъ рощи.

Фламина.

Удалимся, убѣгнемъ отъ *Клонара*. Для чего мнѣ открывать предъ нимъ пламенную любовь свою? Грудь моя исполнена вздоховъ, возъемлется и упадаетъ какъ нѣча бы прежде нынѣ.... Но я вижу, возлюбленный мой идетъ мимо, покрытъ блестящимъ оружіемъ. Сынъ *Конгласа*! душа моя печальна.

Клонаръ.

Я слышалъ *Фингаловъ* щитъ; я слышалъ голосъ Царя *Сельмы*. Я лечу въ страну *Эрина*. О тьма мракъ, сокрывающій тебя отъ моихъ взоровъ. Гряди въ поля брани, толико любезныя моему сердцу. Гряди прекрасная дщерь мужественнаго *Клунгала*; твоимъ присутствіемъ излѣется въ душу мою тишина и спокойствіе.

Клонаръ былъ сынъ *Конгласа*, Государя *Иниса*, одного изъ острововъ *Гебридскихъ*. *Клунгалъ*, отецъ *Фламины*, былъ одинъ изъ вождей сего острова.

летитъ къ нему. Юный пѣвецъ *Клонры*! для чего десница твоя подъемлетъ желѣзо противъ *Оссіана*? По что не состязались мы лучше пѣніемъ въ спокойныхъ твоихъ долинахъ? *Мальтосъ* видитъ его поверженнымъ, и душа его скорбитъ: онъ стремится среди кровопролитія. Съ обѣихъ странъ рѣки умножается пламень брани. . . . Но вдругъ омраченное небо склонилось: звучитъ въ воздухѣ шумящія главы вѣтровъ, холмы время отъ времени являются объятыми пламенемъ, и громъ катится по облакамъ съ поражающимъ трескомъ. Сопостатъ погружается во мраки; ратники *Морвена* остановились изумлены: я прескочилъ источникъ; тогда услышалъ я гласъ *Фингалов* и шумъ враговъ бѣгущихъ въ смятеніи. При блескѣ частыхъ молній видѣлъ я могущественнаго владыку *Морвена*, стремящася пространными стопами; не косня ударилъ я во щитъ свой, я полетѣлъ во слѣдъ ратниковъ *Алнехмы*; враги изчечали подо мною, какъ вихри дыма. Солнце проникло напослѣдокъ облаки: сто источниковъ *Лоны* блистаютъ при его лучахъ. Но голубовидный столпъ тумана возвышается и омрачаетъ холмъ ... Гдѣ *Фингалъ* и *Катморъ*? Я не зрю ихъ на брегѣ сего источника, близъ сея рощи; я слышу звуки ихъ оружій; они ратоборствуютъ въ нѣдрѣ тумана. Таковы сраженія духовъ на облакахъ ночи, когда

они спорятъ кому востечь на крилѣ бурныхъ вѣтровъ, и устремлять пѣнящіяся волны.

Я лечу къ мѣсту битвы; туманъ изчезъ. Владыки блистаютъ при стопахъ кремнистаго *Любара*. *Катморъ* стоялъ уклонясь къ сему камени, и его щитъ не вовсе еще отрѣшенный принималъ воду упадающую съ высоты. *Фингалъ* приближился: онъ видитъ текущую кровь Героя. Мечь упадаетъ изъ руки его; онъ смягчается среди блистательной своей побѣды, и вѣщаетъ своему противоборцу: покорися великодушный сынъ *Борбар-Дутула*, или еще хочешь ты возвысить копіе свое? Имя твое извѣстно въ *Селмѣ*, въ убѣжищѣ иноплеменныхъ. Сіе знаменитое имя достигло до моего слуха. Гряди на мой холмъ; гряди къ моему пиршеству. Самые мужественные иногда упадаютъ. Гнѣвъ мой не обременяетъ уже побѣжденнаго сопостата. Я не радуюсь о паденіи Героя. Гряди, я знаю искусство врачевать язвы: мнѣ извѣстны растенія горъ. Я собралъ цвѣты ихъ при брегъ уединенныхъ источниковъ. Другъ иноплеменныхъ! ты безмолвенъ!

Близъ *Аты*, отвѣтствуетъ *Катморъ*, возвышается холмъ обросшій мохомъ. Глава его увѣнчанна многолиственными древами. Въ семъ камени мрачная пещера, въ которой шумный течетъ источникъ. Утаясь въ сей разсѣдинѣ, внималъ я шумнымъ стопамъ иноплеменниковъ, входящихъ въ чертоги мо-

ихъ пиршествъ, и я благословлялъ отзывъ камени, извѣщающій меня о ихъ пришествіи. Тамо хочу положенъ быть. Тамо хочу покоиться среди влачныхъ моихъ долинъ. Изъ глубины ихъ вознесусь я на вѣтры, дышущіе въ моихъ поляхъ, или возсѣвъ на туманъ рѣки *Апы*, буду смотрѣть съ веселіемъ на ея лазоревыя волны.

Для чего, рекъ *Фингалъ*, для чего вождь *Апы* бесѣдуетъ о гробѣ?... Но, *Оссіанъ*! Герой кончается. *Катморъ*, другъ иноплеменныхъ! да сопутствуетъ блаженство душѣ твоей!... Сынъ мой! я слышу голосъ лѣтъ меня призывающихъ: они повелѣваютъ мнѣ упразднить руку мою отъ копія, и мимо идя, кажется, говорятъ мнѣ: для чего *Фингалъ* не успокоится въ своихъ чертогахъ? Всегда ли онъ утѣшаться будетъ кровію, и слезами несчастныхъ? Нѣтъ, мрачныя лѣта! *Фингалъ* не утѣшается потоками крови: слезы отъ него проливаемыя пронзаютъ сердце его стрѣлами жалости и печали. Хочу ли предаться я сладости спокойствія, война приближается, пробуждаетъ меня, и ополчаетъ: но все свершилось, я уже не ополчуся, *Оссіанъ*! прими копіе твоего родителя. Возвысь его, когда востанетъ противъ тебя гордый ратоборецъ. Мои предки всегда сопутствовали стопамъ моимъ; со удовольствіемъ взирали они на мои дѣянія. Посюду, гдѣ я ратоборствовалъ, я видѣлъ ихъ облаки схо-

лящіе на поле сраженія. Десница моя всегда щадила безсильнаго. Надмѣнный воитель чувствовалъ, что ярость гнѣва моего какъ пожирающій пламень. Но никогда не веселился я смертію сопостата. По тому и праотцы мои пріимутъ меня къ себѣ при вратахъ воздушныхъ своихъ чертоговъ, одѣяны лучезарною ризою, въ ихъ очахъ блистать будетъ радость и нѣжность. Не встрѣчаютъ они тако безчеловѣчнаго побѣдителя. Они для него какъ гнѣвныя созвѣздія, стремящія въ часы мрака огни паубы. *Трейморъ*, отецъ Героевъ, житель воздушныхъ вихрей! я вручаю копіе твое *Оссіану*, возври очами удовольствія на даръ сей. Часто видалъ я тебя среди облаковъ твоихъ, являйся равно и моему сыну въ часы бурной брани. Тогда воспомянетъ онъ твои подвиги, о ты, нѣкогда толико страшный, но нынѣ ничто какъ тѣнь тщетная!

Фингалъ вручилъ мнѣ копіе *Трейморе*. Тогда же возвысилъ онъ камень, чтобъ предать потомству сей торжественный случай, и подъ симъ памятникомъ положилъ онъ мечь и одну выпуклость своего щита. Владыка уклонишись на камень пребылъ нѣкое время погруженъ-въ свои помыслы; напослѣдокъ онъ возгласилъ:

О камень! когда превратишься ты въ прахъ, когда исчезнешь ты подъ мохомъ умноженнымъ лѣтами, путешественникъ пріидетъ

идетъ въ сіи мѣста, и пройдетъ ихъ равнодушно. Ты не знаешь убо, слабый странникъ, коль великая слава блистала нѣкогда на поляхъ *Лены*? Здѣсь, здѣсь *Фингалъ* вѣнчавшись послѣднимъ своимъ подвигомъ, вручилъ копіе свое своему сыну. Но проходи, тѣнь тщетная, гласъ твой увеличитъ ли мою славу? ты обитаешь безъ сомнѣнія на брегъ неизвѣстной какой рѣки. Еще нѣкія лѣта, и ты сокроешься. Никто о тебѣ не воспомнитъ; душа твоя погрузится въ туманъ озера; но *Фингала* окружитъ слава: *Фингалъ* для очей потомства будетъ какъ лучезарное созвѣздіе; ваше всегда ополчался онъ въ защиту слабыхъ и безсильныхъ.

Побѣдоносный и увѣнчанный славою владыка шествуетъ къ долговременному дубу, уклоняющемуся съ высоты холма своего надъ быстрыя волны *Любра*; при его подножіи простерлась долина, гдѣ шумитъ источникъ истекшій изъ камени. Тамъ развѣвалось по воздуху *Моренское* знамя, чтобъ показать *Фрад-Арту* стезю, по которой онъ шествовать долженъ.

Солнце блистало сквозь облаки запада. *Фингалъ* внимаетъ восклицаніямъ своего воинства. Его племена тѣснились окрестъ его; ихъ оружіе сіяло лучами запада. Владыка чувствовалъ радость и удовольствіе свойственное звѣроловцу, которой послѣ грозной бури видитъ солнце позлащающее

ребра горъ, когда на ихъ челѣ цвѣтущій терновникъ помаваетъ своею влажною головою, и когда робкая серна является на высотѣ холмистой.

Клонмалъ сидѣлъ въ уединенной своей пещерѣ. Мракъ покрывалъ очи старца: онъ оперся на свой жезлъ. *Сульмалла* слушала его со вниманіемъ. Онъ повѣствовалъ о древнихъ Царяхъ *Аты*. Но шумъ сраженія не ударяетъ уже въ его слухъ: онъ умолкъ и воздохнулъ. Часто, какъ повѣствуютъ, часто умершихъ духи просвѣщали его душу: они показали мысли его *Катмора* простерта, бездыханна при стопахъ долговѣчнаго древа.

Что тако содѣлался ты печаленъ? рекла ему *Сульмалла*. Битва престала. Онъ скоро придетъ въ твою пещеру, солнце сіяетъ на высотѣ горъ западныхъ. Пары озера подъемлются; пеплосвидная завѣса простерлась надъ холмомъ. Скоро Герой мой изыдетъ изъ сего сгущеннаго тумана: воззри, это онъ, я его вижу: я познаю его оружіе: гряди, мой возлюбленный, гряди въ пещеру *Клонмала*.

То была тѣнь *Катмора*, грядущая величественно и тихими стопами. Скоро изчезла она при брегѣ глубокаго источника, шумящаго между двумя холмами. Уны! рекла *Сульмалла*, это былъ звѣроловецъ, ищущій убѣжища робкой серны. Не для бранныхъ

ныхъ подвиговъ оставилъ онъ свой домъ. Его супруга не сомнѣвается о его возвратѣ. Онъ придетъ къ ней обремененъ корыстями ловитвы... Рекла и возвела очи свои на холмъ. Величественный призракъ является сходящъ съ высоты его. Она восстаетъ восхищенна радостію. Тѣнь погружается въ пары, ея туманные члены изчезаютъ по малу, и соединяются съ горными вѣтрами. Тогда познала *Сульмалла* смерть *Китмора*. — Такъ нѣтъ уже тебя, великодушный Царь *Аты*!... Но *Оссіанъ*, забудь сѣтованіе *Сульмаллы*. Печаль убиваетъ душу старца..., (г).

Вечеръ

(г) *Оссіанъ* не оставилъ *Сульмаллы*, которая лишась своего любовника, осталась одна и безъ помощи въ странѣ чужой. Преданіе говоритъ, что на другой день рѣшительнаго сраженія пришелъ онъ въ пещеру къ *Клонмалу*, чтобъ ушѣшить сію нещастную иностранку. Изъ поэмы, сочиненной *Оссіаномъ* на сей случай, осталась только рѣчь его къ *Сульмаллѣ*.

Дщерь *Конмороза*! изыди изъ пещеры *Лоны*, явись въ полномъ сіяніи красоты твоея; есть день, въ которой и мужественные должны погибнуть; Страшныя созвѣздія блистаютъ; но облакъ, долженствующій ихъ покрыть, недалече. Возвратися въ долину *Люмона*, гдѣ странствуютъ многочисленныя тѣни спала. Тамо въ недрѣ лѣнивыхъ тумановъ слабѣетъ томная тѣнь робкаго. Онъ умираетъ безвѣстенъ, какъ рецейникъ холма, которой уносится вѣтромъ,

Вечеръ низшелъ на поля. Уже волны рѣкъ кажутся болѣе темновидны. Гласъ *Фингалов* гремитъ. Пламень дубовъ возвышается на воздухъ. Ратоборцы *Морвена* окружаютъ своего владыку съ веселіемъ соединеннымъ съ печалію: взирая на *Фингала*, примѣтили они на челѣ его черты унынія. Но вдругъ согласные звуки несутся отъ пустыни. Сперва уподоблялись они шуму источниковъ на горахъ отдаленныхъ. Они неслися косно вдоль горы, какъ журчаніе крилъ вѣтра, когда онъ въ безмятежные часы ночи движетъ кротко зеленый мохъ камней. То былъ голосъ *Кондама*, сопутствуемый арфою *Карриля*;

не будучи примѣченъ нами. Не такo мужественный исходитъ отъ жизни сей. Его стремленіе подобно воздушному огню, которой разверзаетъ бурное лице ночи.

Радовались о немъ Герои временъ претекшихъ. Вмѣстѣ съ ними придетъ онъ иногда посѣтить тебя. Имя твоего возлюбленнаго вѣчно.... Увы! онъ не видѣлъ гибели своего сына, своей славы и своей защиты; сына, которой опустошалъ поле брани. Онъ не зрѣлъ его плавающа въ крови своей.... Юная отрасль *Люмона*! я одинъ; когда лѣта разслабятъ крѣпость мою, я услышу можетъ быть оскорбительный и обидный гласъ робкаго, и безсиленъ буду мстить; нѣтъ уже моего юнаго *Оскара*.

Изъ преданія извѣстно, что *Сульмалла* возвратилась въ свою землю.

риля: они провождали *Фрад-Арта* къ возвышенной *Морѣ*.

Внезапу стройныя пѣсни Бардовъ возгремѣли въ поляхъ *Лены*; воинство соединило съ ними звуки своихъ щитовъ. Радость блистаетъ на лицѣ *Фингала*, какъ лучь солнца, проникшій облако пасмурнаго дня и сіяющій на злакъ холмовъ предъ ревомъ вѣтровъ. Онъ ударяетъ во щитъ сладыкъ. Все безмолвствуетъ окрестъ его; воители его уклонились, опершись на свои копья, чтобъ внимать гласу своего отца:

Чада *Морвена*! уготовайте мое пиршество; да прейдетъ ночь въ пѣснехъ. Вы блистали вокругъ меня, и буря изчезла. Народъ мой подобенъ высокому и твердому камени, съ котораго устремилъ я орлій мой полетъ къ славѣ, чтобъ уловить се и въ послѣднемъ полѣ моихъ сраженій. *Оссіанъ*! ты пріялъ копіе *Фингалово*. Не забули, что оно копіе сильныхъ, и въ ихъ рукахъ было всегда перуномъ смерти. Взирай на твоихъ праотцевъ, о сынъ мой! шествуй по стезямъ сихъ почтенныхъ путеводителей. Завутра съ первыми лучами солнца введи *Фрад-Арта* въ чертоги *Тсморы*. Представь и напомни ему дѣянія Царей *Эринскихъ*, его знаменитыхъ предковъ. Но мы не забудемъ сильныхъ, погибшихъ на полѣ славы. Да пѣсни *Карриля* возвеселятъ души умершихъ воителей. Завутра я распростру мои парусы ко

ко мрачнымъ долинамъ *Селмы*, гдѣ источ
никъ *Дутулы* извивается вокругъ жилищ
боязливой серны.

Смерть ОСКАРА, СЫНА КАРУТОВА; и ДЕРМИДА, СЫНА ДІАРАНОВА.

Поэма.

Содержаніе.

Каруть, *Оскаровъ* отецъ, повѣствуетъ о смерти своего сына, и о смерти *Дермида*, его друга. Героевъ сихъ не должно смѣшивать сѣ Героями тогоже имени, о которыхъ упоминается въ *Теморѣ*. Впрочемъ точно неизвѣстно, чтобъ поэма сія была *Оссіанова* сочиненія; но какъ она не безъ красотъ и не безъ стихотворческихъ достоинствъ, то я разсудилъ помѣстить ее въ числѣ поэмъ *Оссіановыхъ*.

СынЪ *Алпина*! для чего отверзаешь ты источникЪ моихЪ рыданій? Почто спрашиваешь, какЪ погибЪ *Оскаръ*? ИзліяніемЪ обильныхЪ слезЪ погасли очи мои, но память несчастія моего вѣчно живетЪ въ моемъ сердцѣ. КакЪ могу повѣствовать о пагубной смерти перваго изЪ ГероевЪ? Вождь сильныхЪ, *Оскаръ*, возлюбленный мой сынЪ! и такЪ я уже тебя не увижу?

ОнЪ сокрылся какЪ блистательное солнце ночи среди мрачной тучи, какЪ солнце, когда бурные облаки возъемлются изЪ нѣдра волнъ и окружаютЪ камни *Ардамидра*; а я, одинЪ въ моемъ жилищѣ, я вяну, какЪ старой дубЪ *Морвена*, лишенный вѣтрами своихЪ вѣтвій, и готовый пасть при легкомЪ дыханіи Норда. Вождь сильныхЪ, возлюбленный мой сынЪ! и такЪ я уже тебя не увижу?

СынЪ *Алпина*! мужественный исчезаетЪ не какЪ трава полей. Мечь его дымится кровію сопостатЪ. ДоколѢ падетЪ, носится онЪ купно съ смертію среди гордыхЪ враждебныхЪ сонмовЪ. Но ты, дражайшій мой *Оскаръ*, ты погибЪ, не повергнувЪ ни одного сопостата. Твое копіе обагрилось кровію твоего друга

Оскаръ и *Дермидъ* одно имѣли сердце. ВмѣстѢ ратоборствовали они въ поляхЪ брани; ихЪ дружество было крѣпко и твердо какЪ сталь ихЪ оружій. Смерть носилась все-

всегда между сими двумя друзьями. Они повергались на враговъ, какъ два страшные камня, оторгшіеся отъ чела *Арвена*. Ихъ мечи всегда червленѣли кровію сильныхъ. Имя ихъ поражало ужасомъ самыхъ безтрепетныхъ воителей. Кто кромѣ *Дермида* равняться могъ съ *Оскаромъ*? кто равенъ *Дермиду* кромѣ *Оскара*?

Они поразили мужественнаго *Дарга*, никогда незнавшаго ни ужаса ни боязни. Дщерь его была прелестна какъ раждающійся день, кротка и скромна какъ спокойный свѣтъ луны; очи ея блистали, какъ двѣ звѣзды сіяющія сквозь лождевой облакъ; ея дыханіе пріятнѣе весенних зефировъ. Сынъ недавно спадшій, которой возъемлется, и понижается на колеблемомъ кустарникѣ, есть образъ ея прекрасной груди. Оба Героя узрѣли ее, и плѣнились ею; каждой изъ нихъ любилъ ее какъ свою славу, каждой желалъ владѣть ею, или умереть. Но сердце красавицы предалось юному *Оскару*: она забыла, что онъ пролилъ кровь *Дарга*; ей мила десница, которая поразила ея родителя.

Сынъ *Каруга*! рекъ *Дермидъ*, я люблю; такъ, *Оскаръ*, я люблю сію красавицу. Ея сердце горитъ однимъ тобою; но ничто не можетъ изцѣлить *Дермида*. *Оскаръ*! проникни мое сердце. Другъ мой! отрада моя въ твоемъ только мечѣ. — Кто? я? чтобъ мечь мой обагрился кровію моего друга? — И кто кромѣ

Оскара

Оскара достоинъ прекратить жизнь мою? Я хочу умереть со славою, умирая отъ руки *Оскара*. Другъ мой! сведи меня во гробъ съ честію. — Да будетъ такъ, *Дермидъ*, вооружись мечемъ твоимъ и защищайся. О если бы и я палъ съ тобою, и погибъ отъ руки *Дермида*, моего друга! Они сражались при источникѣ *Брана*. Кровь оба-грила его волны, и влачный мохъ его бреговъ. *Дермидъ* палъ, и среди мрачныхъ тѣней смерти явилъ усмѣшку дружества.

Сынъ *Діарановъ*! ты умираешь? И рука *Оскарова* тебя поразила! О ты, доселѣ еще непобѣдимый въ битвахъ! или нужно, чтобъ другъ твой врѣлъ тебя тако умирающа? При сихъ словахъ *Оскаръ* удаляется, онъ ищетъ свою возлюбленную. Прелестная примѣтила его печаль. — *Оскаръ*! какое мрачное облако затмѣваетъ твою великую душу?

Я былъ знаменитъ, отвѣтствуетъ *Оскаръ*, я былъ знаменитъ искусствомъ напрягать лукъ. Нынѣ я лишился моей славы. Щитъ мужественнаго, пораженнаго мною *Гормула*, виситъ на древѣ при источникѣ холма. Я хотѣлъ пронзить его моими стрѣлами; но въ тщетныхъ усиліяхъ потерялъ я цѣлой день. — Изрядно, рекла прекрасная, я хочу показать опытъ своего искусства; мышцы мои научены напрягать

лучъ. Родитель мой утѣшался, видя, какъ рука моя всегда была удачна и вѣрна.

Она шевелитъ; *Оскаръ* сокрылся за щитомъ. Стрѣла красавицы летитъ и пронзаетъ грудь ея возлюбленнаго.

Счастливый лукъ! сказалъ *Оскаръ*, любезная рука! я васъ благодарю. Кто другой кромѣ дщери *Дарга* достоинъ предать смерти сына *Карутови*? Положи меня на земли дражайшая моя; положи меня подлѣ моего друга.

Оскаръ! отвѣтствуетъ прекрасная, мужественный *Даргъ* оставилъ своей дщери бодрость свою; я могу равно умереть съ радостію; я могу прекратить свои мученія. Рекла, и пронзаетъ прелестную свою грудь, колѣбается, падаетъ и умираетъ.

Они покоятся вмѣстѣ при источникѣ холма. Непостоянная тѣнь березы осѣняетъ ихъ гробы, и горная серна приходитъ туда пастися, когда полуденные огни возпламеняютъ твердь, и когда на всѣхъ окрестныхъ холмахъ владычествуетъ безмолвіе.

КАТЛИНЪ КЛУТСКІЙ.

Поэма.

Содержаніе.

Оссіанъ разсказываетъ *Мальвинѣ* о прибытіи *Катлина* въ *Сельму*, для испрошенія у *Фингала* помощи противъ *Духармора*, Государя *Клубы*. Сей послѣдній убилъ *Катмола*, Царя *Клуты*, чтобъ похитить дочь его *Ануллу*. Всѣ вожди *Морвена* желаютъ начальства въ семъ походѣ. *Фингалъ* не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта. Они удаляются, каждой на свой холмъ, чтобъ въ сновидѣніяхъ своихъ узнать о томъ отъ своихъ праотцевъ. Тѣнь *Тренмора* явилась *Оссіану* и сыну его *Оскару*. Они выходятъ изъ залива *Кармоны*, и въ четвертый день пристали къ берегу *Ратхола*, *Инисгунской* долины, гдѣ *Духарморъ* основалъ себѣ жилище. *Оссіанъ* послалъ къ нему Барда, вызывая его въ сраженіе. Наступила ночь. *Оссіанъ* поручаетъ начальство надъ войскомъ своимъ *Оскару*, которой (послѣдуя обычаю Государей *Морвенскихъ*) удалился на ближній холмъ. Съ началомъ дня началось дѣйствіе; *Оскаръ* и *Духарморъ* сражаются. *Духарморъ* убитъ. *Оскаръ* приноситъ броню его и щитъ къ *Катлину*, которой удаленъ былъ отъ поля сраженія. Тогда узнали, что *Катлинъ* есть *Ануллa*, дочь *Катмо-*

лова, которая похищена была *Дукармо-*
ромъ и нашла средство избѣгнуть изъ рукъ похитителя.

Приближься, о *Мальвина*! ты бодрствуешь, уединенна среди ночи; вѣтры шумятъ вокругъ меня. Тѣни умершихъ начертываютъ надъ моими источниками пламенныя бразды. Они утѣшаются среди вихрей, и смущаютъ тишину мрака. О ты, бѣлою и нѣжною свою рукою бряцавшая нѣкогда въ сумрачную *Лутѣ*! потщись еще утѣшить меня своими пѣснями. Возбуди уснувшія твои струны. Пой, о *Мальвина*! Огонь духа моего погашенъ лѣтами, воспламени его. Я слышу тебя, о *Мальвина*! во мракѣ ночи. Почто лишила ты меня сладости твоихъ пѣсней? Когда источникъ упадаетъ съ холма омраченнаго бурею, и когда стремитъ онъ волны свои при блескѣ восходящаго солнца, звѣроловецъ внимаетъ со удовольствіемъ кроткому его журчанію, потрясая влажными своими кудрями. Тако гласъ твой, о *Мальвина*! услаждаетъ друга почившихъ Героевъ. Грудь моя возъемлется; сердце мое трепещетъ. Прошедшее напечатлѣвается вновь предъ мысленнымъ моимъ взоромъ. Гряди *Мальвина*, престань странствовать одна во мракѣ ночи.

Нѣ-

Нѣкогда узрѣли мы корабль, внесшійся въ заливъ *Кармоны*. . . (а) Съ высоты мачты висѣлъ разрушенный и покрытый кровію щитъ; младый воитель простирается, держа въ рукѣ своей копіе безъ острія. Его власы въ безпорядкѣ упадали на его чело, и скрывали до половины очи его окропленныя слезами. *Фингалъ* не косня подлетъ ему чашу пиршества. Иноплеменникъ вѣщаетъ ему:

Катмолъ, владыка *Клуты*, простертъ безъ чувствъ въ своихъ чертогахъ. Красота *Лануллы* любезной его дочери поразила очи *Духармора*. Варваръ пронзилъ ребра *Катмоловы*. Я странствовалъ тогда въ пустыни. Убійца сокрылся во время ночи. О *Фингалъ*! вспомоществуй *Катлину* отмстить за своего отца. Недолго я искалъ тебя. Ты не слабой лучь свѣта исчезающій въ облакахъ. Какъ солнце извѣстенъ ты во вселенной.

Фингалъ возрѣлъ, и мы всѣ летимъ къ оружію. Но кому честь ратоборства? Каждый вождь желаетъ ее себѣ. Покровъ ночи простерся надъ *Сельмою*, каждый удалился на холмъ, посѣщаемый тѣнями своихъ праотцевъ, чтобъ они явились намъ въ сновидѣніяхъ, и возвѣстили, кому ополчиться на полѣ брани.

(а) *Кармона* морской заливъ по близости *Сельмы*.

Щиты наши возгремѣли звуками смерти, и наши пѣсни возвысились вѣ воздухѣ. Трикраты взывали мы кѣ тѣнямѣ своихѣ предковѣ; мы возлегли, и сновидѣнія кѣ намѣ ниспустились. Величественная тѣнь *Тренмора* предстала моему взору. Его воители, стоя стройно позади его, смѣшивались сѣ облаками; казалось, что они еще сражаются; но я едва различалѣ грозные ихѣ взмахи, и страшныя положенія тѣла. Я склонилѣ слухѣ мой; я не слышалѣ никакого шуму; это были ничто, какѣ легкіе и мечтательные образы.

Я воспрянулѣ отѣ сна моего при звукѣ порывистаго вѣтра, коснувшагося моимѣ власамѣ. Отходящая тѣнь принудила возстонать ближній дубѣ; я пріялѣ щитѣ свой висящій на древесной вѣтви. Я услышалѣ звучащую сталь. То былѣ шествующій ко мнѣ *Оскарѣ*. Онѣ видѣлѣ равно тѣней своихѣ предковѣ.

Оссіанѣ! рекѣ онѣ мнѣ, какѣ вихрь бурный устремляется на лоно бѣлѣющихся волнѣ, тако я прелечу бавстрашно поля Океана, чтобѣ сразиться сѣ сопостатомѣ. Родитель мой! мнѣ явились тѣни моихѣ праотцевѣ. Трепещетѣ радостію сердце мое; будущая слава моя блистаетѣ предѣ взоромѣ моимѣ, какѣ свѣтлый лучь на облакѣ, когда солнце, оный пламенный путешественникѣ небесѣ, простирается вѣ полномѣ своемѣ сіяніи.

Достойный внукѣ *Бранна*! отвѣтствовалѣ я, *Оскарѣ* не изыдетѣ одинѣ противѣ со-

сопостата; я устремлюсь съ тобою по волнамъ Океана, и хочу напасть на *Духармора* въ его жилищѣ. Будемъ ратоборствовать, сынъ мой, какъ два орла, которые съ высоты камени простирая широкія свои крилѣ, устремляются и летятъ противъ вѣтровъ.

Уже распростерты наши парусы; мы исходимъ изъ залива *Кармоны*; мои воители, плывя въ трехъ кораблях, видѣли тѣнь щита моего омрачающу волны, а я взиралъ на звѣзду *Тонтены*, которая изливала багряновидный свой блескъ между облаками.

Желанные вѣпіры дышали уже четыре дни. Мы узрѣли *Гунонъ* посреди тумановъ. Многочисленныя рощи его колеблемы были вѣтрами, лучи солнца повременно позлащали его черивющіяся ребра, источники пѣнились на камняхъ.

Между холмами извивается безмолвная долина; голубой источникъ орошаетъ мягкій ея злакъ. Тамо среди шумнолистненныхъ дубовъ возвышались черепи владыкъ. Но отъ многихъ уже лѣтъ молчаніе царствуетъ въ *Ратколѣ*, и племя Героевъ изчезло изъ сей пріятной долины; волны устремили въ сіе мѣсто *Духармора* и его воинство. *Тонтена* сокрыла главу свою въ небесахъ. *Духарморъ* свиваетъ свои вѣтрила, и останавливается на холмахъ *Ратколд*. Онъ звѣроловствовалъ на горахъ. Мы притекли. Я посылаю къ нему Барда, чтобъ

возвать его къ сраженію. *Дукарморъ* не отрекся, и пріемлетъ его радостно. Столпъ огня, смѣшеннаго съ дымомъ, которой возвышается во время ночи изъ нѣдръ пожара, есть истинный образъ его звѣрской и воинственной души. Онъ былъ мужественъ и крѣпокъ, какъ одинъ изъ знаменитыхъ Героевъ, но безчеловѣчны были его дѣянія.

Ночь нисходитъ сопутствуема своими облаками. Мы возсѣли близъ воспламененнаго дуба. *Катлинъ* стоялъ въ нѣкоемъ отъ насъ отдаленіи; я видѣлъ различныя страсти, волнующія душу его; онѣ изображались попремѣнно на его лицѣ, какъ видимъ мы непостоянную тѣнь летающую по равнинѣ; его власы, развѣваемые по волѣ вѣтровъ, открывали блескъ его красоты. Я не хотѣлъ моею бесѣдою прервать его мыслей. Я повелѣлъ принесть арфу, я игралъ, и упѣшался пѣніемъ.

Мой сынъ! рекъ я *Оскару*, удалися тайно въ нощь сію на высоту холма, и ударяй во щитъ свой по примѣру владыкъ *Моренскихъ*. Съ востаніемъ денницы ты изведешь полки мои въ поле битвы. Сидя на камени, я узрю тебя грядуща противъ враговъ, страшна и грозна, какъ тѣни срели бурь, произведенныхъ ими на выбяхъ воздушныхъ.

Для чего погружать мнѣ взоры свои во мрачную глубину тѣхъ отдаленныхъ временъ,

менѢ, когда еще не гремѢли пѢсни БардовѢ? Ближайшіе кѢ намѢ вѣки знамениты славными подвигами. УстремимѢ свои очи на *Тренмора*, какѢ мореплаватель на *Тимену*, которая блескомѢ своимѢ руководствуетѢ по волнамѢ путь его во время ночи.

Многочисленныя племена *Кармола*, какѢ море вѢ ярости, наводняли гремящее поле *Карахи*; сѢдовласые Барды простирались подобны длинной связи волнѢ бѢлѣющихся пѢною; пламень взоровѢ ихѢ воспалялѢ сердца воителей. Среди сихѢ пустынныхѢ каменижителей врѢлся грозный сынѢ *Лоды*, который гласомѢ своимѢ сзывалѢ сѢ высоты воздушной страшныхѢ привраковѢ. ОнѢ обиталѢ на холмѢ *Лохлина* вѢ густотѢ лѢса, лишеннаго своихѢ листвій. БлизѢ его жилища возвышались пять камней утесистыхѢ; пѢнистый и клокочущій источникѢ гремѢлѢ вѢ окружности. Часто возвышалѢ онѢ крѢпкій и могущественный свой гласѢ, когда воспламененныя воздушныхѢ огней крылѢ начертывали во мракѢ свѢтлыя бразды, и когда луна склоняла омраченный свой кругѢ за хребетѢ холма. Духи слышали его, они летѣли по его велѢніямѢ, и премѢняли по его волѢ судьбу сраженій; но безсильны были они отвратить *Тренмора* отѢ грозной битвы. *ТренморѢ* блистаетѢ талѢ какѢ совѣздіе востекшее на горизонтѢ. Мраки покрывали землю. СынѢ *Лоды* изтощилѢ во

во время ночи всѣ средства возможныя искусству его и знаніямъ. Но, сынъ *Лоды*, не слабы и не безсильны воители, которыхъ зришь ты предъ собою.

Тогда *Тренморъ* и сынъ его *Трэвалъ* спорили о чести, кому быть началовождемъ ратоборцевъ; но распря ихъ была кротка и спокойна, какъ игра двухъ зефировъ, которые въ лѣтній зной потрясаютъ вмѣстѣ легкими своими крилами на поверьхности озера. *Тренморъ*, увѣнчанный уже славою, снисходитъ въ почести своему сыну. *Трэвалъ* стремится при очахъ своего родителя, и сопостаты ищевеютъ на поляхъ *Карахи*. Сынъ мой! каждая минута прошедшаго знаменита подвигами сильныхъ. . . (6).

. . . . . .

Уже день воспрянулъ среди восточныхъ облакъ. Сопостатъ простирается, возгорѣлась битва въ долинѣ *Ратхола*. *Оскаръ* и *Дукарморъ* встрѣчаются близъ дуба; они ратоборствуютъ; ослѣпляющія молніи, извскакивающія отъ ихъ оружія, сокрыли ихъ отъ взора нашего: тако естьли два воздушные огня сшибаются въ долинѣ во мракѣ ночи, багровый свѣтъ разливается окрестъ, и

(6) Тѣ, которые знаютъ наполнять сію поэму, сожалѣютъ, что въ семъ мѣстѣ недостаетъ довольно великой части; она содержала въ себѣ послѣдствія исторіи *Кармаловой* и его Друидовъ.

и устрашенные смертные предвидятъ бурю. *Духарморъ* палъ въ крови своей; сынъ *Оссіановъ* торжествуетъ. О *Мальвина*! коль страшенъ былъ возлюбленный твой на поляхъ славы!

Катлинъ отдаленъ былъ отъ поля брани; юный сей иноплеменникъ удалился къ уединеннымъ брегамъ источника *Ратхома*, къ мѣстамъ, гдѣ пѣна кипитъ и вращается окрестъ каменныхъ грудъ покрытыхъ мохомъ. Многолиственная береза поникла надъ источникъ, ея листы разносятся вѣтромъ. *Катлинъ*, погруженный въ задумчивость, касался иногда копіемъ своимъ поверхности водъ. *Оскаръ* приходитъ, держа въ рукѣ своей *Духарморову* броню, и щитъ его отѣненный орлими перьями. Онъ положилъ ихъ предъ стопами юнаго иноплеменника: враги отца твоего побѣждены, они уже въ жилищѣ тѣней. Мы возвращаемся въ *Морвенъ* во славѣ торжества. Но для чего печаленъ ты, вождь *Клупы*? Что еще виною слезъ твоихъ? — Сынъ *Оссіановъ*! сердце мое терзается, я зрю оружіе *Катмола*, оружіе, которое родитель мой носилъ въ битвахъ. Прими броню *Катлинову*, повѣсь ее на стѣнахъ *Селмы*, да воспоминаетъ она тебѣ о моихъ несчастіяхъ. — При сихъ словахъ брегня его отрѣшаясь открываетъ бѣлую дѣвическую грудь. То была прекрасная дщерь *Катмолова*, любезная отрасль толь многихъ владыкъ.

дыкъ. *Дукаморъ* узрѣлъ ее блистающу въ чертогахъ ея родителя, и во мракѣ ночи напалъ на *Клуту*. *Катмолъ* противуборствовалъ, но палъ наконецъ несчастный сей Герой. Сопостатъ три дни пребылъ со дщерію *Катмола*: въ день четвертый она убѣгла въ одеждѣ юнаго воина. Она помнила, что она отъ племени владыкъ, и сердце ея возгорѣлось мщеніемъ.

Дщерь *Тоскарова*! для чего повѣствовать тебѣ о смерти *Катилина*? Гробъ его возвышается среди кустарника окружающаго *Ломонъ*. *Сульмалла* въ своемъ унынiи воспѣваетъ надгробныя хвалы дщери иноплеменныхъ, и гласъ свой провождаетъ плачевными звуками своей согласной арфы.

СУЛЬМАЛЛА.

Поэма.

Содержаніе.

Сія поема есть продолженіе предЪидущей; она начинается обращеніемЪ кЪ *Сулмаллѣ*, дочери Государя *Инисгунскаго*, которую *Оссіанъ* встрѣтилъ на ловитвѣ, возвращаясь съ *Ратхольскаго* сраженія. *Сульмалла* угощаетъ *Оссіана* и *Оскара* вЪ чертогахЪ *Конмора*, своего отца, которой былЪ тогда вЪ отсутствіи. УзнавЪ сихЪ чужестранцовЪ имена, она разсказываетЪ имЪ походЪ *Фингала* вЪ *Инисгуну*. Она упоминаетЪ ненарочно о *Катморѣ*, вождѣ *Аты*, которой тогда находился вмѣстѣ съ ГосударемЪ *Инисгуны* и защищалЪ его противЪ непріятелей, что подало случай *Оссіану* разсказать о войнѣ *Кульгорма* и *Сурандронла*, двухЪ *Скандинавскихъ* Государей, гдѣ *ОссіанЪ* и *КатморЪ* находились каждой вЪ противной сторонѣ. Сія вводная повѣсть несовершенна вЪ ГальскомЪ подлинникЪ; немалая часть ея утрачена. *ОссіанЪ*, извѣщенЪ будучи во снѣ тѣнію *Тренмора*, отправляется изЪ *Инисгуны* вЪ свое отечество.

Кто сія прекрасная, шествующая толь величественно по брегамъ *Люмона*? Ея власы упадаютъ на дрожащую грудь ея, она напрягаетъ съ усиліемъ лукъ свой, и рука ея простертая по груди омрачаетъ око своею бѣлизною. Дщерь владыкъ! для чего странствуешь ты по равнинѣ? Юныя серны трепещутъ на своихъ камняхъ. Удалися. Ночь приближается. . . . Это была дщерь владыкъ *Люмона*, прекрасная *Сульмалла*. Она послала къ намъ одного изъ своихъ Бардовъ, чтобъ пригласить насъ къ своему пиршеству; мы пришли и восѣли посреди согласныхъ пѣній въ чертогахъ *Конмора*. Бѣлая и легкая рука *Сульмаллы* перебѣгала перстами по дрожащимъ струнамъ арфы; она со звуками ея соединяла тихимъ гласомъ имя *Каттмора*. Сей Герой былъ отсутственъ: онъ сражался тогда защищая страны *Сульмаллы*, но въ ея мысляхъ онъ всегда присутствовалъ: онъ только одинъ представлялся ей въ сонныхъ ея мечтаніяхъ. *Тотенъ* пріятно было взирать на нее съ высоты небесъ и видѣть прекрасныя руки ея, движущіяся въ обманчивыхъ мечтахъ ея сна.

Пиршество окончалось. *Сульмалла* возстала украшена своими долгими власами; уклоня прелестныя свои очи, она вопросила насъ, что виною нашего странствованія по безднѣ морей; безъ сомнѣнія вы отъ крови

Цар-

Царской? Мнѣ возвѣщаетъ то ваше мужество, и величественный вашъ станъ. Любезная дщерь владыкъ! отвѣтствовалъ я, первый изъ нашего племени не неизвѣстенъ на твоихъ брегахъ. Брега *Клубы* гремѣли именемъ *Фингала*: *Оссіанъ* и *Оскаръ* славны не на холмахъ токмо *Коны*, но имя наше часто приводило въ трепетъ сопостата въ странахъ отдаленныхъ. — Я знаю щитъ владыки *Морвенскаго*, отвѣщала *Сульмалла*; онъ виситъ въ чертогахъ *Конмора* въ память произшествія, которое *Фингалъ* увѣнчало славою, когда находился онъ на брегахъ *Клубы*. Страшный вепрь наполнялъ рыканіемъ своимъ камни и лѣса *Калдарна*. Младые ратники *Иниссуны* противъ него ополчились, но они пали отъ его свирѣпства, и юныя дѣвицы плакали надъ ихъ гробами. *Фингалъ* приходитъ: спокоенъ, онъ простирается, и чудовище, ужасъ лѣсовъ, упадаетъ низвергаясь ударами его копія. Повѣствуютъ, что въ сіе время ничто не могло сравниться съ красотою сего перваго изъ Героевъ; никто не слышалъ, чтобъ онъ посреди пиршествъ нашихъ хвалился своими подвигами; память о своихъ геройскихъ дѣйствіяхъ заглаждалась въ огненной его душѣ, подобно легкимъ парамъ, наводящимъ тѣнь на сіяніе солнца и въ минуту изчезающимъ. Младыя *Клубскія* дѣвы не могли взирать на красоту его спо-

спокойнымъ окомъ; ихъ нѣжныя сердца воздыхали о владыкѣ *Селмы*; ночныя сновидѣнія обновляли образъ его въ ихъ мыслях; но скоро вѣтры унесли обратно сего любезнаго иностранца въ его отечество. Онъ не сокрылся отъ вселенной. Иногда сіе свѣтило простирается въ полномъ сіяніи, и проницаетъ въ самые отдаленные предѣлы своихъ сопостатъ. Его слава летаетъ повсюду подобно бурнымъ вѣтрамъ, устремляющимся въ лѣсахъ *Клубы*.

Нынѣ въ сихъ чертогахъ обитаетъ уныніе, чада владыкъ отсутствуютъ; *Кимморъ* и сынъ его *Лормаръ* ратоборствуютъ въ поляхъ славы; близъ ихъ блистаетъ великодушный *Катморъ*, воитель юный, притекшій отъ странъ отдаленныхъ, другъ чужестранцовъ и ужасъ враждебныхъ. Съ высоты своихъ холмовъ младыя *Эрина* двы низводятъ на долину прелестныя свои очи. Но его уже нѣтъ, нѣтъ юнаго воина, котораго образъ напечатлѣнъ въ ихъ думахъ. Любезныя *Эрина* дщери! о какъ ужасенъ онъ въ поляхъ брани! Онъ ратоборствуетъ, сопутствуемъ десятью тысящами воителей.

Я видѣлъ его, отвѣчалъ я *Сульмаллѣ*, я видѣлъ сего великодушнаго *Катмора*, когда онъ, оставя свое отечество, сражался на островѣ *Иторнѣ*. Два владыки, *Кульгормъ* и *Сурандронъ*, воспламенили тогда страшную брань на семъ островѣ. Какъ знаменитые звѣро-

звѣролонцы, притекли они оба съ острововъ своихъ, чтобъ сзирѣлыхъ вепрей поражать въ *Иторнѣ*. Они узрѣли олного на брегъ источника, каждой изъ нихъ пронзилъ его своимъ копіемъ, и они спорили о чести сея побѣды; востаетъ ужасная распря, они посылаютъ съ острова на островъ преломленное и обагренное копіе, чтобъ склонить друзей своихъ къ бранным подвигамъ. *Каттморъ* приходитъ отъ *Болги*, и устроился между ратниками *Кульгорма*; но я, я ополчился въ защиту *Сурандронла*.

Мы устроили полки свои по обоимъ брегамъ источника, журчащаго посреди изсохшихъ кустарниковъ. Груды развѣдшихся камней его окружаютъ и уклоняютъ свои древа въ долины; но далеко зрятся два ограждения, посвященныя духу *Лоды* и *камени могущества*, гдѣ духи во время ночи нисходятъ посредъ молній. Въ семъ мѣстѣ почтенные старцы соединяя гласы свои съ журчаніемъ водъ, призываютъ ночныхъ призраковъ и просятъ ихъ, да вспомоществуютъ въ сраженіяхъ смертнымъ; спокоенъ и безъ всякихъ волненій стоялъ я съ своими ратниками при источникѣ. Багровая луна восходила превыше горы. Время отъ времени возвышалъ я голосъ свой; юный *Каттморъ* слышалъ пѣсни мои на противномъ брегѣ. Онъ покоился подъ дубомъ, и я зрѣлъ его страшное оружіе, отражающее

блескъ лунный. Является день; мы летимъ на брань; убійство простирается отъ одного крыла до другаго; ратники низвергаются какъ слабый тростникъ, сокрушенный яростію весеннихъ вѣтровъ.

Я простираюся потрясая моимъ оружіемъ. Я вступаю въ противоборство съ единымъ изъ вождей. Уже щиты наши не однократно пронзенны, сталь нашихъ броней звучитъ отъ пораженій, шлемъ съ моего противника упадаетъ. Онъ является въ полной своей красотѣ; очи его блистали кротким огнемъ, и его разпущенные власы развѣвались вокругъ его лица. Я позналъ въ немъ владыку *Аты*; я повергнулъ копіе мое на землю. Мы разлучились безмолвно, и мы устремились въ сонмы сражающихся, ища себѣ другихъ противоборцевъ.

Но не такъ пресѣклась вражда *Кульгорма* и *Сурандронла*. Подобны двумъ развѣяреннымъ тѣнямъ, сражающимся на крилѣхъ вѣтровъ, они стремятся другъ на друга; каждой изъ нихъ единымъ копія ударомъ пронзаетъ сердце своего противника. Не вовсе въ паденіи своемъ низверженныхъ, но мертвыхъ пріемлетъ ихъ камень; и одинъ изъ нихъ держитъ еще въ рукахъ своихъ власъ своего сопостата, другой кажется вращаетъ еще ожесточенныя свои очи. Источникъ упадающій съ высоты камня, орошаетъ ихъ щи-

щиты своею пѣною, и смѣшивается съ ихъ кровію.

Смертію сихъ вождей прекратилась война въ *Итіорнѣ*. *Катіморъ* и *Оссіанъ* соединились узами союза мирнаго. Мы воздвигли гробницы пораженнымъ. Мы шествуя по брегамъ залива *Рюнарскаго*, усмотрѣли черный корабль колеблющійся на волнахъ; въ немъ была младая красавица, блистающая какъ лучь солнца, когда оно проницаетъ сгущенный дымъ, возлежащій надъ холмомъ *Странга*. То была дщерь *Сурандронла*. Ея изступившія и вертящіяся въ огнѣ очи, ея растрепанные власы давали видъ ея свирѣпымъ. Ея прекрасная рука держала предъ нею копіе. Тако бѣлѣющаяся пѣна волнъ возвышается и упадаетъ посредъ подводныхъ камней, пріятное, но страшное врѣлище для мореплавателей, которые при видѣ ея призываютъ вѣтры въ свою помощь. Теките, вѣщала прекрасная, теките жители *Лоды*, изыдите изъ лона вашихъ облаковъ. Блѣдный *Каркаръ*, *Слюморъ* и грозный *Коргуръ*! отверзите воздушные ваши чертоги, примите мрачныя тѣни враговъ *Сурандронла*; они скоро падутъ отъ копія его дщери. Такъ, онъ не былъ въ своемъ владычествѣ единымъ прибракомъ Царя. Когда онъ взималъ копіе свое, плотоядныя птицы ударяли своими крыльями и летѣли во слѣдъ ему; по слѣдамъ *Сурандронла* всегда протекали кровавыя

выя рѣки; онъ не такъ воспиталъ меня, чтобъ къ праздности блистать мнѣ въ его чертогахъ. Я сіяла пагубнымъ блескомъ воздушныхъ огней, я уничтожила сопостатъ моего родителя. (а). . . . . .

. . . . . .

Сульмалла внимала съ чувствительнымъ удовольствіемъ похвалы приписуемыя великодушному *Катмору*; она Героя сего заключала въ своемъ сердцѣ, ея любовь подобна была огню сокрытому подъ хворостіемъ, которой при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра воспламеняясь, разливается въ великій пожаръ. Дщерь владыкъ уходитъ посреди пѣсненныхъ согласій подобна кроткому и легкому вефиру, которой журча колеблетъ блистающіе верхи цвѣтовъ, и наводитъ мѣлкія струи на поверхность озеръ и прозрачныхъ источниковъ.

Во время ночи ниспустилось къ *Оссіану* сновидѣніе. Тѣнь *Тренмора* мнѣ явилась. Казалось, что онъ ударяетъ въ черный свой щитъ на холмѣ *Сельмы*. Я позналъ, что война готовится противу моего отечества. Я востался,

---

(а) Въ семъ мѣстѣ многаго недостаетъ. Сія *Сурандронлоза* дочь по преданіямъ называется *Рюно-Форла*. Ирландскіе *Сеннахи* написали послѣдствіе исторіи *Рюно-Форлы*, но она наполнена вымыслами толь мало вѣроятными, что Г. *Макферсонъ* не разсудилъ за благо ее перевесть.

сталъ, облекся во всеоружіе, и какъ только источники *Люмона* отравили отъ себя первые лучи востекшаго солнца, мы распростерли свои легкіе паруса.

КАТЛОДА.

Поэма.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Содержаніе.

Фингалъ, спустя два года, какъ женился онъ на *Роскранѣ*; дочери *Кормака*, Ирландскаго Государя, вознамѣрился путешествовать на острова *Оркнейскіе*, чтобъ посѣтить *Катула* Государя *Иниспорскаго*. Пробывъ нѣсколько дней въ *Каррикгурѣ*, столицѣ *Катуловой*, пустился въ обратный путь въ *Шотландію*, но буря его застигла, и онъ принужденъ былъ укло̀ниться въ *Скандинавской* заливъ близъ *Гормала*, обыкновенной столицы *Старна*, его непримиримаго непріятеля. *Старнъ* едва примѣтя чужестранцовъ на берегу, немедленно собралъ свои племена и пошелъ къ заливу *Уторна*, гдѣ *Фингалъ* остановился. Но узнавъ, кто таковы сіи чужестранцы, не дерзнулъ онъ измѣрить силъ своихъ съ *Фингаломъ*. Онъ принялъ намѣреніе прибѣгнуть къ подлому коварству тамъ, гдѣ не надѣялся на свои силы. Онъ приглашаетъ *Фингала* къ пиршеству.

ству. *Фингалъ*, не вѣря уже *Лохлинскому* Государю сЪ того времени, какЪ нарушилЪ онЪ права гостепріимства, (см. Фин. п. 3.) отказался отЪ пиршества. *СтарнЪ* готовится на него напасть, а *ФингалЪ* защищаться; наступила ночь; *ДумарунЪ* предлагаетЪ *Фингалу*, что онЪ хочетЪ наблюдать непріятельскія движенія. Государь должность сію самЪ на себя принялЪ; онЪ пришелЪ по случаю кЪ пещерѣ *Турмора*, гдѣ *СтарнЪ* держалЪ вЪ заключеніи *Кобан-Каргласу*, дочь одного сосѣдственнаго вождя. Исторія о сей плѣнной красавицѣ недостаточна; потому что Гальской подлинникЪ утраченЪ. *Фингалъ* простерся до священнаго мѣста, гдѣ *СтарнЪ* и сынЪ его *СваранЪ* совѣтовались сЪ духомЪ *Лоды* о успѣхѣ войны. Встрѣча *Фингала* и *Сварана*. Пѣснь кончится описаніемЪ воздушныхЪ чертоговЪ *Крутлода*, котораго почитаютЪ СкандинавскимЪ *ОденомЪ*.

Пою достопамятный случай временъ претекшихъ. Зефиръ, невидимый житель воздуха, колеблющій тростникъ *Горы*! почто престалъ ты воздыхать при моемъ слухѣ? Я не слышу отдаленнаго шуму источниковъ, не слышу на камняхъ гремящихъ звуковъ арфы; гряди о *Мальвина*! гряди и воспламени духъ мой (а).

Взоры мои остановились надъ *Лохлиномъ*, надъ мрачнымъ заливомъ *Дуторма*, гдѣ *Фингалъ* обрѣлъ убѣжище отъ ярости и вѣтровъ. Герои *Морвена* немногочисленны сошли на сію иноплеменную землю. *Спарнъ* послалъ сына *Лоды*, чтобъ пригласить *Фингала* къ пиршеству. *Фингалъ* помнилъ прошедшее, и не могъ удержать своего гнѣва: никогда, рекъ онъ, никогда *Фингалъ* не увидитъ ни древнихъ башенъ *Голмала* ни *Спарна*. Кровопролитіе и смерть царствуютъ вѣчно въ его безчеловѣчной душѣ. Могу ли забыть я любезную дщерь владыкъ, бѣлогрудую *Агандеху*? Удалися, сынъ *Лоды*, я презираю словеса *Спарна*, какъ тщетный внукъ осеннихъ вѣтровъ.

(а) *Оссіанъ* раздѣлилъ поэму сію на три *Дуана*. Барды называли *Дуаномъ* поэму, въ которой повѣствованіе прерывалось частыми обращеніями къ другимъ лицамъ или вещамъ, и многими вводными повѣстьми. Послѣ уничтоженія Бардовъ всякая древняя поэма вообще называлась *Дуаномъ* у Шотландскихъ жителей.

Воздвигнитесь, страшный *Думарунъ*, мужественный *Кромаглас*ъ, *Струморъ* безтрепетный, и ты, *Кормаръ*, котораго корабли летятъ по Океану, какъ воздушные огни по облакамъ; восстаньте сыновье сильныхъ, и ратоборствуйте окрестъ меня въ сей иноплеменной странѣ. Да каждой изъ васъ устремя вѣоры на щитъ свой, речетъ ему, какъ нѣкогда *Тримор*ъ: сиди, о щитъ мой! спустися съ высоты, гдѣ висишь ты посреди стройныхъ арфъ; ты опринешь далече волны сопоспатъ, или ты почіешь со мною во гробѣ.

Герои *Фингаловы* восталютъ яростны, и схватываютъ свои копья; каждый изъ нихъ безмолвно погружается въ свою душу; внезапный шумъ возвысился отъ всѣхъ щитовъ.

Простерся покровъ ночи, они удалились на холмы, въ нѣкоемъ другъ отъ друга разстоянiи: неравный и глухій шумъ ихъ пѣсней соединялся съ шумомъ вѣтровъ, и округленный шаръ луны возвышался надъ ихъ главами. Покровенъ блестящимъ оружіемъ приходитъ *Думарунъ*, оный безтрепетный ловецъ *Кромахара*, преплывшій волны Океана, чтобъ поражать вепрей въ *Крутормѣ* (б). Онъ спокойно звѣроловствовалъ посреди сво-

---

(б) *Крутормъ*, одинъ изъ *Аркадскихъ* острововъ.

своихъ враговъ. Вѣчно не зналъ ты ужаса, грозный *Думарунъ*.

Сынъ *Комгалова*! рекъ онъ, я хочу шествовать во мракѣ. Подъ сѣнію сего щита я зрю блистающія племена враждебныхъ. *Старнъ* предо мною купно съ *Свараномъ*, сопостатомъ чужестранцовъ. Не вотще призываютъ они духа *Лоды* на *хаменк могущества* Естьли *Думарунъ* не возвратится, его супруга останется одна въ поляхъ *Кратма* (в). Два источника сочетаваютъ гремящія свои воды близъ моего жилища; его окружаютъ холмы, обремененные долговѣчными рощами, и не далече Океанъ стремитъ свои волны. Юный мой сынъ странствуетъ въ поляхъ, и внимательнымъ окомъ слѣдуетъ за стадами крикливыхъ птицъ моря. Вручи ему голову страшнаго вепря; скажи ему, коль восхитительна была радость отца его, когда щетиноватый гость лѣсовъ *Иторнскихъ* катался отъ пораженій его копія.

Или преплывая моря забылъ я своихъ предковъ? отвѣтствовалъ *Фингалъ*. Время грозной опасности было для нихъ нѣкогда минутами удовольствія и радости. Хотя младъ еще, но я спокоенъ и безмраченъ

(в) *Кратмъ* или *Кралтм-Кролъ* древнее имя той части сѣверной *Шотландіи*, которая лежитъ прямо противъ острововъ *Аркадскихъ*.

при видѣ сопостатъ. Вождь *Кратма*! я, я хочу соглядать движенія враждебныхъ во мракѣ ночи.

Фингалъ рекъ, шествуетъ, и прескакиваетъ широкій *Чуртора* источникъ, ревущій во мглѣ среди долины *Гормала*. Луна озаряла ближнюю скалу. *Фингалъ* узрѣлъ на уклонѣ ея красоту, подобную дщерямъ *Лохлинскимъ*. Ея власы развѣваются по ея плечамъ, шаги ея неравны, начинаетъ она пѣть, и внезапно умолкаетъ; она движетъ свои прекрасныя мышцы, скорбь стѣсняетъ ея душу.

Почтенный *Торнотъ*! говорила она, гдѣ нынѣ странствуешь ты? Уже ли на брегахъ *Лулана*? Ты палъ при твоихъ источникахъ, родитель нещастныя *Карглассы*.... Но я вижу тебя, о родитель мой! ты ликостоуешь въ чертогахъ *Лоды*. Когда мрачная завѣса простирается на тверди, ты закрываешь иногда щитомъ своимъ луну; я видѣла омраченный ея кругъ; ты возжигаешь власы твои огнями воздушными, и носишься на крилѣхъ ночныхъ тѣней. Почто забвенна я въ сей пещерѣ? Воззри изъ чертоговъ *Лоды*, воззри очами жалости на печальную *Карглассу*.

Кто ты? возопилъ *Фингалъ*: чей гласъ внемлется во мглѣ ночи? Трепещущая *Каргласса* удаляется. Кто ты, продолжаетъ Герой, ты, странствующій во мракахъ? *Кар-*

Каргласса скрывается въ свою пещеру. *Фингалъ* за ней слѣдуетъ, онъ разрѣшаетъ узы связующія прекрасныя руки ея, и вопрошаетъ, кто изъ сильныхъ виновникъ ея жизни. *Торнотъ*, отвѣтствуетъ она, обиталъ нѣкогда на брегахъ источника *Лулана*; нынѣ онъ въ чертогахъ *Лоды*, среди радости и пиршествъ. Мечь его сражался съ мечемъ *Старна*; противуборствіе было продолжительно; но палъ наконецъ родитель мой близъ камени на брегѣ *Лулана* (г).

Я

(г) *Торкулъ*. *Торнъ*, или просто *Торнотъ*, былъ Государь *Кратлана*, небольшой *Шведской* провинціи. *Луланъ* текла близъ его жилища; и нынѣ въ Швеціи одна рѣка называется еще *Лулою*. Ссоры между *Торномъ* и *Старномъ* причиною былъ слѣдующій случай: *Торнъ* пригласилъ *Старна* на ловитву. Оба они съ своими спутниками звѣроловствовали на горахъ *Стимавора*; дикій вепрь вышелъ изъ дубравы. *Торнъ* его убилъ; *Старнъ* почелъ то нарушеніемъ правъ гостепріимства, потому что честь и опасность ловитвы предоставлялась тогда гостю. Начинается распря, и по томъ сраженіе. *Торновы* воины разбиты совершенно, и онъ самъ погибъ рукою *Старна*. Сей послѣдній, употребя во зло побѣду свою, опустошилъ *Кратланъ*, разграбилъ чертоги *Торновы*, и похитилъ дочь его *Кобанъ Карглассу*, или просто *Карглассу*; онъ заключилъ ее въ пещеру, и столь безчеловѣчно поступалъ съ нею, что она обезумѣла.

Я поразила стрѣлою серну; рука моя соединяла власы мои, которые разсѣясь развѣвались дыханіемъ вѣтровъ; вдругъ услышала я страшный шумъ, я вовсела очи въ высоту, сердце мое бьется съ усиліемъ, я лечу въ чертоги, надѣясь тамъ обрѣсть тебя, о родитель мой! я узрѣла свирѣпаго *Старна*. Его густыя и черныя брови, его принужденная усмѣшка дѣлали лице его страшнымъ. Гдѣ отецъ мой? возопила я, гдѣ Герой сей толико сильный въ битвахъ? Или оставилъ онъ меня одну среди моихъ враговъ? *Старнъ* въ безмолвіи схватилъ руку мою и увлекъ меня на свой корабль. Онъ заключилъ меня въ сей пещерѣ. Иногда приходитъ онъ и возвышаетъ предо мною щитъ моего родителя. Часто вижу я ходяща далеко отъ моей темницы юнаго ратоборца. . . . (д) Онъ царствуетъ въ душѣ нещастной *Каргласы*.

Любезная *Каргласса*! отвѣтствуетъ *Фингалъ*, облакъ печали простерся на душѣ твоей, пламень любви ее снѣдаетъ. Но укрѣпись, не бойся омраченныя сея луны, и сихъ воздушныхъ огней сверкающихъ вокругъ тебя; мечь мой блистаетъ въ твою защиту, и мечь сей въ рукахъ не безсильнаго, или сви-

---

(д) *Каргласса* безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о *Сваранѣ*, сынѣ *Старногомъ*, въ котораго она влюбилась.

свирѣпаго ратоборца. Юныя дѣвы не заключены въ нашихъ пещерахъ; онѣ не движутъ свои бѣлыя руки въ ужасномъ уединеніи; но прелестны и украшены долгими своими власами, уклоняютъ онѣ главы свои на сладостныя арфы *Селмы*; гласы ихъ не изчезаютъ въ пространныхъ пустыняхъ. . . .

. . . . . .

. . . . . .

Фингалъ продолжаетъ шествіе свое во мракѣ, и проникъ даже до священнаго мѣста, гдѣ надмѣнныя древеса *Лоды* стонутъ ударяемы усиліемъ вѣтровъ. Тамо возвышены три камня увѣнчанные мхомъ, тамо пѣнится источникъ; пламенный облакъ *Лоды* понижается и стремится въ окрестности. Въ высотѣ облака сидитъ страшный духъ; онъ кажется составленъ до половины изъ тѣни и дыма. Время отъ времяни соединяетъ онъ гласъ свой съ ревомъ источника. Недалече *Старнъ* и *Сваранъ*, простершись надъ старымъ дубомъ, внимали его вѣщаніямъ: оба Героя, опершись на свои щиты, устремляли впередъ копья свои въ нѣдрахъ ночи.

При звукѣ *Фингалова* шествія они востаютъ. *Сваранъ*! возопилъ *Старнъ*, низвергни сего надмѣннаго сопостата, сего ночнаго странника; возьми щитъ твоего родителя, онъ непроницаемъ. — *Сваранъ* повергъ копіе свое въ *Фингала*, оно вонзилось во древо

Ло-

Лоды. Тогда *Фингалъ* и *Сваранъ* простираются ополчась мечами; сталь гремитъ отъ частыхъ пораженій. Мечь *Фингалова* разсѣкъ уры щита *Сваранова*; щитъ катится по земли, разрушенный шлемъ его спадаетъ съ главы; но *Фингалъ* сдержалъ свою десницу еще готовую поражать.

Сваранъ обезоруженъ, яростенъ, вращаетъ безмолвно пламенныя свои очи, повергаетъ на землю мечь свой и косно проходитъ источникъ. *Старнъ* видитъ бѣгство своего сына; онъ удаляется, нахмуря черныя свои брови, и бѣшенствуя сердцемъ. Онъ ударяетъ копьемъ своимъ во древо *Лоды*, уста его произносятъ глухой шумъ. Оба они грядутъ разными путемъ, и приближаются къ воинству *Лохлина*.

Фингалъ грядетъ вспять на поле *Туртора*. Уже первый лучь прекраснаго утра возникъ при вратахъ востока, и озарилъ въ рукахъ *Фингала* корысти, пріобрѣтенныя побѣдою надъ *Лохлиномъ*. *Каргласса* изходитъ изъ своей пещеры, и шествуетъ въ полномъ блескѣ своихъ прелестей. Она заплетала свои власы развѣваемые вѣтромъ, и пѣла тихо нестройныя и простыя пѣсни, которыя слышала она въ *Луланѣ*, жилищѣ своего родителя.

Она узрѣла щитъ *Старна* обагренъ кровію, радость воскресла на ея челѣ. Она увидѣла раздробленный шлемъ *Сваранов*ъ. ....

Уны-

Уныла и печальна удаляется она отъ *Фингала*. — И такъ палъ ты, возопила она, палъ ты при своихъ источникахъ, о радость и любовь *Карглассы*?

. . . . . .

. . . . . .

Холмъ *Уторна*, возвышенный надъ волнами, и котораго ребра озарены всегда воздушными огнями ночи! я вижу омраченную луну, склоняющуюся за хребетъ твоихъ лѣсовъ; превыше камней твоихъ мрачная *Лода*, жилище духовъ. При краѣ облачныхъ своихъ чертоговъ уклоняется страшный *Крутлодъ*. Исполинскій образъ его видѣнъ смѣшенно среди туманныхъ волнъ его окружающихъ. Его десница держитъ его щитъ, въ шуйцѣ его чаша пиршествъ. Покровъ его страшныхъ чертоговъ усѣянъ ночными огнями. Тѣни племени *Крутлодова* простираются. Онъ подаетъ чашу Героямъ, блиставшимъ въ поляхъ славы; но густой туманный его щитъ возвышается между имъ и племенемъ робкимъ. . . . . .

. . . . . .

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Содержаніе.

Фингалъ возвращается съ началомъ дня, и поручаетъ войско свое *Думаруну*, которой, вступя въ сраженіе, принудилъ непріятеля обратиться вспять за источникъ *Туртора*. *Фингалъ* призвалъ свое войско, и поздравляетъ *Думаруна* съ побѣдою; но онъ примѣтилъ, что Герой сей раненъ смертно. *Думарунъ* умираетъ. Бардъ *Уллинъ* повѣствуетъ о *Кольгормѣ* и *Стринѣ-Аллѣ*.

Гдѣ сокрылся ты *Фингалъ*? вѣщаетъ *Думарунъ*, гдѣ палъ ты, юная отрасль *Сельмы*? Онъ не возвращается; уже утро возсіяло, и солнце начинаетъ проницать пары покрывающіе холмы *Утора*. Друзья! примите щиты ваши, и сопутствуйте мнѣ. Онъ не падетъ какъ небесные огни, которые не оставляютъ на земли ни единаго слѣда своего паденія. ... Но я его вижу, онъ возвращается какъ быстрый орелъ разсѣкающій вѣтры; я зрю въ рукахъ его корысти враговъ нашихъ. Владыка *Сельмы*! твое долговременное отсутствіе опечалило сердца наши. — *Думарунъ*! сопостаты къ намъ близки; они стремятся какъ волны моря среди тумана; поперемѣнно возъемлются онѣ пѣнящимися своими главами превыше густыхъ

стыхъ и тяжелыхъ паровъ; при видѣ ихъ путешественникъ трепещетъ среди своего теченія, и не знаетъ, въ какомъ безопасномъ сокрыться убѣжищѣ. Но мы не странники боязливые; сыны Героевъ! уготовьте ваши оружія: *Фингалъ* долженъ ли самъ ополчиться, или единому изъ своихъ сильныхъ поручитъ онъ свое мужественное воинство?

Претекшіе случаи, отвѣтствуетъ *Думарунъ*, начертываютъ намъ стезю, которою должны мы шествовать. *Тренморъ* среди умноженныхъ лѣтъ его окружающихъ блистаетъ всегда предъ взоромъ нашимъ. Душа Героя сего была благородна и величественна; никогда низкое и постыдное намѣреніе не омрачало его мыслей.

Со береговъ ста источниковъ различныя племена притекли нѣкогда въ *Колганирону*: имъ предшествовали безтрепетные ихъ вожди; каждой изъ нихъ присвоялъ себѣ честь быть началовождемъ соединенныхъ сонмовъ. Часто сверкали мечи ихъ до половины извлеченные. Взоры ихъ исполнены ярости вращались въ огнѣ. Они стояли отдаленны другъ отъ друга, въ ихъ устахъ слышенъ былъ глухой шумъ зло предвѣщающихъ пѣсенъ. Для чего уступлю я честь начальствія? говорилъ каждый изъ сихъ Героевъ. Предки наши не равною ли блистаютъ славою?

Тренморъ во цвѣтѣ лѣтъ былъ предтечею своего племени. Онъ видитъ приближе-

женіе сопостата. Досада объяла его душу: онъ убѣдилъ всѣхъ вождей, чтобъ начальствовать надъ воинствомъ по чредѣ. Всѣ были побѣждены. Тогда *Тренморъ* нисходитъ съ своего холма, предшествуетъ соединеннымъ полкамъ, и сопостаты исчезаютъ. Его воители соединяются окрестъ его и являютъ радость, ударяя во звучные свои щиты. Велѣнія владыкъ *Селмы* всегда были для народовъ ихъ пріятны и утѣшительны какъ дыханіе зефировъ; но ихъ вожди всегда по чредѣ своей предтекли въ поле воинствамъ, доколѣ опасность явится страшною: тогда уже былъ часъ ихъ владыки, чтобъ ратоборствовать и побѣдить.

Дѣянія предковъ нашихъ извѣстны мнѣ, сказалъ *Кромахаглассъ*; но кто изведетъ нынѣ воинство въ битву, доколѣ самъ владыка снидетъ на поле сраженія? Видите вы сіи четыре холма, покрытые парами; пусть каждой изъ насъ удалится на холмъ и ударяетъ во щитъ: духи снидутъ, можетъ быть, среди мраковъ, и назначенуютъ, кто изъ насъ долженъ быть предтечею въ брани. — Ратоборцы восходятъ на четыре холма. Барды внимаютъ звукамъ ихъ щитовъ: твоего щита звукъ, о *Думаруннъ*! возгремѣлъ въ большей крѣпости, и тебѣ честь началовождя. Воители *Уторна* спускаются на поле съ страшнымъ шумомъ; *Спарнъ* и *Сваранъ* имъ предшествуютъ; изъ

подъ

подъ крова стальныхъ своихъ щитовъ взираютъ они гордо на сопостата; тако ужасный духъ *Лоды*, сокрывшись позади луны, является превыше омраченнаго ея круга, и во мглѣ ночи показуетъ всѣ странныя знаменія своего могущества.

Уже ратоборствуютъ на брегахъ *Туртора*, воители біются другъ съ другомъ и тѣснятся какъ волны Океана. Повсюду звучатъ отзывы повторяемыхъ ударовъ. Стремится смерть изъ строя въ строй: тако мрачные облаки чреватые градомъ и бурями смѣшиваются въ пространствѣ воздуха; смѣсившіеся ихъ шарики свергаются и ударяютъ со звукомъ; море шумитъ и возъемлется.

Для чего здѣсь изображать тебя, кровавый день *Уторна*? Ты изчезаешь въ безднѣ прошедшаго; ты заглаждаешься уже въ моей памяти. *Старнъ* предтечетъ одному крылу воинства, *Сваранъ* руководствуетъ другимъ. Твой мечь, о *Думарунъ*! не былъ какъ слабый огнь, которой сіяетъ не пожирая; полки *Лохлина* обратились въ бѣгство. *Старнъ* и *Сваранъ* стоятъ изумленны. Въ свирѣпомъ безмолвіи смотрятъ на разрушеніе своего отечества. Рогъ *Фингалов* возгремѣлъ; чада *Албіона* къ нему возвращаются; но не одинъ изъ сильныхъ остался на брегахъ *Туртора*, безмольвенъ и простертъ въ своей крови.

Мужественный *Думарунъ*! рекъ *Финъгалъ*, мое воинство не возвращается, не обагривъ полей брани враждебныхъ кровію. При сей вѣсти радость возсіяетъ на челѣ возлюбленной *Ланулы*: сынъ твой *Кандонъ* возвеселится на высотахъ *Кратма*.

Кольгормъ, отвѣтствуетъ *Думаруннъ*, *Кольгормъ*, которой многократно преплывалъ шумящія Океана волны, былъ первымъ изъ моего племени въ *Албіонѣ*. Онъ убилъ своего брата, онъ оставилъ страну своихъ предковъ, и въ мрачномъ безмолвіи удалился на высоту *Кратма*. Его потомки всегда съ безстрашіемъ исходили противъ сопостатъ, но всегда погибали они въ поляхъ славы. *Финъгалъ*! я подвергаюсь участи моихъ праотцевъ.

При семъ словѣ изторгаетъ онъ стрѣлу изъ своихъ ребръ; онъ палъ блѣденъ и бездыханенъ на сію чуждую землю. Его душа летитъ соединиться съ душами его предковъ въ ихъ бурныхъ чертогахъ. Вожди содѣлались неподвижны и безмолвны окрестъ *Думаруна*. Они подобны камнямъ *Лоды*, которые пустынный путешественникъ видитъ издалека при слабомъ свѣтѣ сумрака; онъ мечтаетъ зрѣть тѣни древнихъ Героевъ, испытующихъ себя къ будущимъ битвамъ.

Ночь простерлась надъ воинствомъ, вожди стоятъ еще неподвижны отъ уныніа и скорби.

скорби. Но владыка *Морвена* исторгся наконецъ изъ глубокой задумчивости; онъ призвалъ *Уллина* и повелѣлъ ему пѣть: *Думарунна*, говорилъ онъ, не былъ подобенъ быстротечному огню, которой блеснетъ, и вдругъ теряется во мглѣ ночи; онъ не былъ какъ слабый воздушный блескъ, готовый мгновенно изчезнуть. Солнце, ликовствующее на зыбяхъ небесныхъ и разливающее источники свѣта на холмы, есть истинный образъ сего ратоборца. *Уллинъ*! воспой его прлотцевъ, извлеки имена ихъ изъ гробовъ забвенія.

Иторнъ, возгласилъ Бардъ, *Иторнъ* возвышенный среди бурныхъ волнъ! почто глава твоя толико мрачна среди паровъ Океана? Отъ долинъ твоихъ исходитъ племя болрое и смѣлое, какъ твои орлы; племя щитоноснаго *Кольгорма*, обитающаго нынѣ въ чертогахъ *Лоды*.

На гремящемъ островѣ *Торма* возвышается *лутанъ*, холмъ, орошенный тысящію источниковъ; главу свою, увѣнчанную древами, склоняетъ онъ на молчаливую долину; тамо близъ пѣнистаго источника *Крупта* обиталъ *Румаръ*, грозный ловецъ вепрей дубравныхъ. *Стрина-Дона*, его дщерь, была прелестна какъ утренній лучь.

Юные Герои и Цари стекались въ чертоги *Румара*, чтобъ вручить свое сердце гордой ввѣроловительницѣ *Торма*; но ты,

любезная *Стрина-Дона*, ты на всѣхъ взирала безстрастнымъ и спокойнымъ окомъ.

Гуляетъ ли она съ подругами въ поляхъ, ея выя затмѣваетъ бѣлизну пуха *Каны* (а). Ходитъ ли по брегамъ источниковъ, пѣна волнъ уступаетъ блиѣнѣ ослѣпляющаго алебастра ея груди. Ея милыя очи блистательнѣе звѣздъ; небесная радуга не такъ прекрасна, какъ ея лице. Ея прелестные власы волнуясь черными кудрями развѣвались по плечамъ. Во всѣхъ сердцахъ обитала ты, любезная *Стрина Дона*.

Кольгормъ и *Суранъ* его братъ притекли изъ *Иторна*, пламенѣя любовію ко *Стринѣ Днѣ* Она узрѣла ихъ, и сердце ея избрало себѣ *Кольгорма*. Звѣзда *Локлина* сіяла надъ нею во время ночи, и видѣла, какъ въ сонныхъ мечтахъ простирала она руки къ своему возлюбленному.

Два брата взаимно раздраженные, нахмуря брови, вращаютъ въ безмолвіи свои пламенныя очи, удаляются и ударяютъ во свои щиты; уже ихъ руки, трепещущія отъ радости, схватываютъ мечи. Они ратоборствуютъ. *Суранъ* палъ въ крови своей; его

(а) *Кана* растеніе. Его много находится въ болотистыхъ степяхъ сѣвера. Стебель его подобенъ стеблю тростника, пухъ его чрезвычайно бѣлъ, и ничѣмъ почти не разнится отъ хлопчатой бумаги.

его родитель, огорченный его смертію, изгналъ *Кольгорма* изъ отечества. *Кольгормъ* долгое время странствовалъ на моряхъ носимъ вѣтрами; напослѣдокъ онъ притекъ къ подножію камнéй *Кратма*, и въ сей чуждей землѣ утвердилъ свое жилище. Онъ былъ не одинъ; прелестная *Стрина-Дона*, честь и красота острова *Торма*, сопутствовала *Кольгорму*.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Содержаніе.

Оссіанъ, по краткихъ нѣкоторыхъ и общихъ разсужденіяхъ, описываетъ положеніе *Фингала*, и также *Лохлинскаго* войска. Разговоръ *Старна* и *Сварана*. Вводная повѣсть о *Кормар-Трунарѣ* и *Фоанар-Брагалѣ*. *Старнъ* хочетъ, чтобъ *Сваранъ* напалъ нечаянно во время ночи на *Фингала*, удалившагося на ближній холмъ. *Сваранъ* отрекся, *Старнъ* предпріялъ самъ исполнить сіе намѣреніе; онъ побѣжденъ и связанъ *Фингаломъ*; но великодушный сей Герой возвратилъ ему вольность, укоривъ его прежде въ жестокости и безчеловѣчіи.

Гдѣ начало источника лѣтъ? Гдѣ предѣлъ, къ которому они стремятся неутомимо и непрерывно? Въ какой безднѣ поглощаются они обремененны тысящами различныхъ случаевъ? Взоры мои желаютъ проникнуть во глубину прошедшаго; но я вижу въ немъ слабый только и неизвѣстный блескъ, подобный блеску лучей луны, отраженныхъ поверхностію отдаленнаго озера. Тамо горятъ пламенники брани; здѣсь вижу робкое и малодушное племя, изчезающее въ бездѣйствіи, не ознаменуя лѣтъ своихъ никакимъ достопамятнымъ дѣяніемъ. Ты, пробуждающая духъ мой, арфа любезная, спустися съ высоты, гдѣ виснешь ты среди щитовъ; да при гласѣ твоихъ струнъ изчезнетъ мгла, покрывающая прошедшее: воскреси преждебывшихъ Героевъ.

Уторнъ, жилище бурь! я зрю на холмахъ твоихъ Героевъ моего племени. *Финґалъ* уклонился во мракъ на гробъ *Думарунна*: онъ окруженъ ратоборцами сего нещастнаго вождя. На брегъ *Турторра Локлинское* воинство опочило подъ густыми тѣнями ночи. *Спарнъ* и *Сваранъ*, досадуя и стыдясь, что были они побѣждены, удалились на два холма; опершись на широкіе свои щиты, взирали они на текущія къ западу вѣвды. *Крутлодъ*, подобенъ безобразному пламенному привраку, склоняется отъ лона облаковъ. Онъ развѣшаетъ вѣтры;

знаменія, являемыя въ тверди его могуществомъ, показуютъ *Старну*, что *Фингалъ* никогда не обратится въ бѣгство въ поляхъ брани.

Двукраты *Старнъ* во гнѣвѣ своемъ ударяетъ во древо *Лоды*. Онъ идетъ къ своему сыну, въ устахъ его печальныя нѣкія пѣсни; и онъ уклоняетъ слухъ свой къ вѣтрамъ ночи. Стоя и обращшись каждой въ противную сторону, *Старнъ* и *Сваранъ* подобны были двумъ дубамъ, согбеннымъ двумя противными вѣтрами, поникшимъ надъ двумя источниками и потрясающимъ своими вѣтвями въ воздухѣ.

Анниръ, вѣщаетъ *Старнъ*, былъ нѣкогда какъ быстрый пламень, пожирающій воинства. Въ поляхъ бытвы очи его стремили стрѣлы смерти; кровопролитіе было его радостію и совершеннымъ благомъ. Съ большимъ удовольствіемъ взиралъ онъ на кипящія рѣки крови, нежели на кроткій источникъ, вiющійся весною среди мшистыхъ камней и обновляющій увядшія долины. Онъ простерся на брега озера *Лухорма*, чтобъ сразиться съ *Трунаромъ*, могущественнымъ владыкою *Урлора*.

Въ черныхъ корабляхъ пренесся *Трунаръ* на бregъ *Гормала*. Онъ узрѣлъ возлюбленную *Брагалу*, дщерь *Авнарову*. Онъ увидѣлъ ее, и очи красавицы не могли безпристрастно взирать на побѣдителя волнъ

и бурь шумныхъ. Она убѣгла во время ночи на корабль своего возлюбленнаго. *Анниръ* стремится за ними по безднѣ водѣ, и призываетъ въ помощь вѣтры небесъ. Владыка былъ не одинъ, *Старнъ* ему сопутствовалъ, не сокращая съ него очей своихъ и подобясь младому орлу *Уторна*.

Мы притекли въ *Урлоръ*. *Трунаръ* исходитъ съ воинствомъ, мы ратоборствуемъ, и сопостатъ преодолѣлъ. *Анниръ* кипитъ яростію и бѣшенствомъ. Онъ посѣкаетъ мечемъ своимъ юныхъ древесъ вѣтви. Онъ вращаетъ пламенѣющія гнѣвомъ очи. Я примѣтилъ отчаяніе моего родителя; я удалился во мракъ. Я пошелъ въ поле битвы, взялъ тамъ раздробленный шлемъ, и разрушенный сталію щитъ. Я несъ въ рукѣ моей копіе безъ острія, шествовалъ я къ сопостату. *Трунаръ* сидѣлъ подъ древомъ; близъ его, подъ другимъ древомъ, сидѣла юная *Брагала*. Я повергнулъ щитъ мой къ ея стопамъ, и произнесъ словеса мира.

Анниръ простертъ на брегѣ моря. Онъ пораженъ въ полѣ битвы. *Старнъ*, его сынъ, возвышаетъ ему гробницу: онъ избралъ меня изъ сыновъ *Лоды*, чтобъ шествовать къ *Брагалѣ*; онъ желаетъ имѣть кудрю власовъ ея, которую хочетъ положить во гробъ *Аннира*; и ты, владыка *Урлора*, прекрати брань,

брань, доколѣ *Анниръ* пріиметъ небесную чашу отъ рукъ *Крутлода*.

Брагала проливая слезы востаетъ, исторгаетъ кудрю прекрасныхъ своихъ власовъ. *Трунаръ* подалъ мнѣ чашу и пригласилъ меня къ радости. Я возлегъ во мракѣ ночи, и тщательно сокрылъ лице мое полъ шлемомъ. Сонъ низшелъ на сопостатовъ; тогда я восталъ, полетѣлъ быстро какъ призракъ, и пронзилъ сердце *Трунарово*. Сама *Брагала* не избѣгла отъ моего свирѣпства, и сіе желѣзо поразило ея бѣлую грудь. Почто, дщерь владыкъ, почто воспламенила ты противъ себя ярость мою? Возникли лучи дня, и враги погибли. *Анниръ* ударилъ во щитъ, и призналъ своего сына. Я притекъ обагренъ кровію враждебныхъ. Трикраты владыка возопилъ гласомъ радости, подобнымъ внезапному шуму вѣтровъ въ часы ночи, когда исторгаются они стремительно изъ нѣдръ облачныхъ.

Три дни продолжались пиршественныя веселія. Мы призвали хищныхъ птицъ; онѣ летятъ несомы вѣтрами; враги *Аннира* содѣлались ихъ корыстію. *Сваранъ*! теперь ночь, *Фингалъ* одинъ на холмѣ. Да копіе твое пронзитъ ребра его тайно. Радость моя сравнится съ радостію *Аннира*.

Нѣтъ, *Сваранъ* не поражаетъ смертію во мракѣ: сынъ *Аннировъ*! я стремлюсь при сія-

сіяніи свѣта. Тогда плотоядныя птицы слетаются отъ всѣхъ странъ; онѣ привыкли сопутствовать моему стремленію въ поляхъ брани.

Старнъ, восхищенный яростію, трикраты подъемлетъ блестящее свое копіе; но готовъ уже поразить, трепещетъ онъ, щадитъ своего сына и удаляется во мглу ночи. На брегѣ *Туртора* есть мрачная пещера, жилище нещастной *Карглассы*. *Старнъ* взываетъ тамъ ко дщери *Лулана*, но дщерь *Лулана* уже въ чертогахъ *Лоды*. Кипя гнѣвомъ, летитъ онъ къ уединенному мѣсту, гдѣ *Фингалъ* покоился на своемъ щитѣ. Безстрашный ловецъ, толико пагубный вепрямъ дубравы! не безсильную и робкую дѣву зришь ты предъ собою; это не слабый отрокъ, лежащій на брегѣ *Туртора*; но видишь ты одръ сильнаго; востая поражаетъ онъ смертію: брегись возбудить сего страшнаго ратоборца. *Старнъ* простирается, *Фингалъ* востадъ. — Кто ты сынъ ночи? *Старнъ* безмолвствуя повергаетъ въ него копіе свое; они сражаются во мракѣ; щитъ. *Старна* палъ разсѣченъ на полы; *Фингалъ* схватилъ сего вождя и привязалъ къ дубу. При первыхъ лучахъ востекшаго солнца *Фингалъ* познадъ владыку *Гормала*. Онъ вращаетъ нѣкое время очи свои безмолвно, мысли его востекли къ прошедшему. Онъ вспомнилъ время, когда шумъ сіопъ *Агандскихъ* былъ

былъ для его слуха пріятнѣе и восхитительнѣе согласныхъ пѣсней. Онъ разрѣшаетъ узы, связующія *Спарна*. — Удалися, рекъ онъ ему: удалися сынъ *Аннировъ* въ чертоги *Гормала*; милый и любезный оный свѣтъ, которой погасъ тобою, воскресъ и сіяетъ еще въ моемъ сердцѣ; я вспомнилъ прелестную твою дщерь. Удалися отъ меня, свирѣпый и жестокосердый Герой, гряди въ ненавистное свое жилище, врагъ чести и всего любезнаго; да убѣгаетъ бесѣды твоей иноплеменникъ, да не приближится онъ никогда къ твоимъ мрачнымъ и пагубнымъ чертогамъ.

ОИНА - МОРУЛЬ.

Поэма.

Содержаніе.

По краткомъ обращеніи къ *Мальвинѣ Тоскаровой* дочери, *Оссіанъ* повѣствуетъ о походѣ своемъ на *Скандинавскій* островъ *Фуарфедъ*. *Малорхоль*, (котораго мы назовемъ *Маломъ*) Государь сего острова, притѣсненъ былъ войсками *Тон-Тормода*, Государя *Сандронла*, за котораго не согласился онъ выдать дочь свою *Оину - Морулъ*. *Фингалъ* послалъ *Оссіана* въ помощь *Малору*. *Оссіанъ* на другой день своего прибытія сравился съ *Тормодомъ* и взялъ его въ полонъ. *Малоръ* предлагаетъ дочь свою *Оссіану* въ супружество; но Герой сей, примѣтя, что *Оина* любитъ *Тормода*, отдаетъ ее великодушно ея любовнику, и примиряетъ обоихъ Государей.

Какъ свѣтъ солнца бѣжитъ отъ вечернихъ тѣней на пространный холмъ *Лармона*, тако среди мраковъ виды временъ претекшихъ сопутствуютъ другъ другу предъ взоромъ моихъ мыслей. Когда уже Барды удалились, а арфы ихъ висятъ на высотахъ *Сельмы*, тогда слышу гласъ въ ушесахъ моихъ, и душа моя пробуждается. Это гласъ временъ прешедшихъ: они стремятся предо мною обремененны разнообразными случаями.

Я удерживаю знаменитыя дѣянія по мѣрѣ, какъ они преходятъ въ моей памяти, и я возраждаю ихъ въ моихъ пѣснях. Пѣсни Оссіана не уподобляются быстрому и тинистому источнику; онѣ несутся въ высоту, какъ сладостныя согласія *Лупы*. Щастливая страна *Лупы*! когда легкая рука *Мальвины* летитъ и блистаетъ на арфѣ, твои камни повторяютъ ея стройные звуки. Дщерь *Тоскарова*! ты, которая пріятностію своего гласа отдаляешь мрачныя мысли, окружающія мою душу! не хочешь ли ты внимать моимъ пѣснямъ? Гряди прекрасная, мы воскресимъ въ пѣсняхъ нашихъ дѣянія временъ древнихъ.

Фингалъ еще владычествовалъ, и лѣта не убѣлили еще власовъ моихъ, какъ востекъ я на корабль во время ночи, чтобъ летѣть къ острову *Фуарфеду*. Звѣзда *Кон-Каттлинъ* руководствовала мои стези. *Фингалъ* послалъ меня въ помощь *Малору*, владыкѣ сего острова, окруженному отъ всѣхъ странъ волнами брани. Наши предки засѣдали вмѣстѣ на пиршествахъ дружества.

Я вошелъ въ заливъ *Колка*, и послалъ мечь мой *Малору*. Онъ позналъ мечь *Албіона*, и взыгралъ веселіемъ. Онъ исходитъ изъ своихъ чертоговъ, шествуетъ ко мнѣ, и пріявъ руку мою съ печальнымъ видомъ: — Для чего, вѣщаетъ мнѣ, для чего племя Героевъ притекло въ помощь нещастному Царю, кото-

которой толико уже близокъ къ своему паденію? *Тормодъ* владычествуетъ *Сандроном*ъ; онъ узрѣлъ и возлюбилъ дщерь мою *Оину*. Я его пренебрегъ; предки наши были враги между собою. Онъ возвратился съ многочисленнымъ воинствомъ; мои ратники побѣгли отъ лица его; что влечетъ тебя на помощь мнѣ, великодушный сынъ Героевъ?

Я не пришелъ, отвѣчалъ я, чтобъ быть мнѣ, какъ слабому отроку, безполезнымъ зрителемъ сраженій. *Фингалъ* помнитъ *Малора* и его благотворительную чувствительность къ иноплеменнымъ. Нѣкогда вѣтры приразили корабль его къ симъ брегамъ, ты встрѣтилъ его радостно, ты угощалъ его пиршественными празднествами, гремѣли согласныя пѣсни Бардовъ. Се вина ополчившая меня симъ мечемъ, и можетъ быть низложитъ онъ твоихъ сопостатъ. Коль бы отдаленны ни были мы отъ нашихъ друзей, никогда не забываемъ ихъ въ нещастіи. — Достойный сынъ мужественнаго *Тренмора*! слова твои подобны гласу *Крутлода*, когда сей могущественный житель тверди отверзаетъ свое облако и удостоиваетъ насъ своихъ вѣщаній. Тысяща другихъ ратоборцевъ ликовали при моихъ пиршествахъ, но всѣ они забыли нещастнаго *Малора*. Во всѣ страны моря обращалъ я взоры свои, и не примѣтилъ ни единаго корабля, текущаго мнѣ въ помощь; шумъ пиршествъ не при-

зы-

вывалъ уже ихъ въ чертоги *Малора*; они уже не слышатъ въ нихъ, кромѣ звука оружій. Но приближается ночь; гряди въ жилище мое, сынъ Героевъ, гряди внимать пѣснямъ моей дщери.

Мы вошли въ его чертоги: *Оина* пріемлетъ арфу, каждая струна звучитъ по чредѣ подъ ея перстами, и сопутствуетъ ея печальному гласу. Безмолвно слушалъ я, и взиралъ на красоту дщери *Малора*. Ея очи орошенныя слезами блистали какъ двѣ звѣзды сквозь дождевое облако. День возсіялъ, мы сразились на брегѣ *Тормула*. Звукъ щита *Тормодова* руководствовалъ движеніями его воинства. Кровопролитіе простерлось отъ одного крыла до другаго; я противусталъ вождю *Сандронла*. Щитъ его летитъ раздробясь въ мѣлкія части Я схватилъ его, связалъ и предалъ *Малору*. Разбитіе враговъ воскресило радость *Фуафорда*. Уничиженный *Тормодъ* боялся встрѣтить взоры *Оины*.

Сынъ *Фингаловъ*! рекъ мнѣ *Малоръ*, ты не удалишься, не взявъ съ собою знака моей благодарности: *Оина* будетъ тебѣ сопутствовать. Въ благородной и величественной душѣ твоей воспламенитъ она сладостный огнь любви. Она достойна обитать въ Салмѣ, и красота ея примѣтна будетъ въ жилищѣ владыкъ.

Я проводилъ ночь въ полѣ. Очи мои не вовсе были сомкнуты сномъ, я услышалъ пріятный и жалостный гласъ, подобный зефиру, когда онъ летитъ и дышетъ во влачномъ дернѣ полей. Былъ то гласъ *Милоровой* дщери, поющей во мракѣ ночи; она внала, сколько звуки сладостной музыки имѣли владычества надъ моимъ чувствительнымъ серлцемъ.

Кто сей юный ратоборецъ, взирающій съ высоты холма на пары Океана? Его долгіе власы, черные какъ перья врана, развѣваются вѣтрами. Его походка являетъ его уныніе, слезы текутъ изъ очей его, грудь его объемлется вздохами. . . *Удались* нещастной, я странствую въ земли чуждей. Племя сильныхъ окружаетъ меня, но ихъ присутствіе не умаляетъ моей печали. Ахъ! *Тормодъ*, любовь и радость прелестныхъ, по что враждовали между собою предки наши? *Оина*! вѣщалъ я ей, любезная *Оина*! для чего безпокоишь ты безмолвіе ночи твоимъ стенаніемъ? Потомки мужественнаго *Тренмора* не имѣютъ свирѣпой души. Нѣтъ, ты не будешь странствовать въ земли чуждей: повелительный гласъ вопіетъ въ сердцѣ *Оссіана*, гласъ, никѣмъ другимъ не слышимый; онъ убѣждаетъ его внимать несчастнымъ въ день ихъ сѣтованія и скорби. *Удалися* прекрасная *Оина*; возлюбленный твой не восплачетъ о тебѣ на холмахъ своихъ.

СЪ восталіемъ денницы я разрѣшилъ узы *Тормода*, и возвратилъ его любовницѣ. — Для чего, рекъ я *Милору*, для чего *Тормоду* провождать дни свои въ печалѣхъ? Онъ племя Героевъ; онъ знаменитъ и блистателенъ въ поляхъ славы. Пусть наши предки были врагами другъ другу; но нынѣ примиренныя ихъ тѣни веселятся вмѣстѣ, и піютъ едину чашу въ чертогахъ *Лоды*. Ратоборцы! забудьте ихъ прежнюю ненависть, пусть она погрузится въ безднѣ прошедшаго.

Таковы были поступки *Оссіана* въ его младости, тако вручилъ онъ нѣжную *Сину* ея любовнику, коль ни была она прелестна и блистательна.

КОЛЬНА-ДОНА.

Поэма.

Содержаніе.

Фингалъ послалъ *Оссіана* и *Тоскара* возвдвигнуть на брегахъ источника *Кроны* памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ они занимались симъ трудомъ, *Карулъ* сосѣдственный Государь пригласилъ ихъ къ пиршеству; они приходятъ. *Тоскаръ* влюбился въ дочь его *Кольна-Дону*. *Кольна-Дона* ощущаетъ тайно въ сердцѣ своемъ такія же чувствія. Нечаянный случай на ловитвѣ звѣрей открылъ взаимную ихъ любовь, и ощастливилъ *Тоскара*.

Источникъ *Коламона*, котораго черныя и возмущенныя воды, катятся странствуя въ отдаленныхъ долинахъ! я вію тебя извивающіся между древами, осѣняющими чертоги *Каруля*. Тамо обитала дщерь его, прелестная *Кольна Дона*. Ея очи сіяли блескомъ звѣздъ. Руки ея бѣлы, какъ пѣна источниковъ. Грудь ея воздымалась кротко и тихо, какъ волна Океана. Лучь небесъ была душа ея. Какая дѣвица могла сравниться когда нибудь съ сею прелестною, съ сею любовію и радостію Героевъ?

Фингалъ повелѣлъ. Мы шествуемъ къ источнику *Кроны*, я и *Тоскаръ*, недавно

вошелшій въ подвиги брани. Три Барда сопутствуютъ намъ съ пѣснями. Предъ нами несли три щита. Мы текли возвысить памятникъ преждебывшихъ дѣяній. *Фингалъ* распочилъ нѣкогда полки противныхъ на брегахъ *Кроны*; иноплеменные бѣжали отъ его лица. Мы пришли къ сему знаменитому мѣсту. Ночь спустилась съ высотъ горныхъ; я исторгъ дубъ съ холма; скоро возвысился пламень на воздухъ.

Дражайшіе мои предки! вопиялъ я, удостойте изъ глубины облачныхъ вашихъ чертоговъ низвесть взоры свои на меня; чесшь вашихъ потомковъ есть ваша честь, и сіяніе славы ихъ озаряетъ и насъ.

Барды поютъ; я взялъ камень къ источнику; кровь сопостатовъ *Фингаловыхъ* виситъ черными кусками на иловатой травѣ, которою онъ покрытъ. Подъ симъ камнемъ полагаю я три выпуклости щита одну послѣ другой, сообразуясь временамъ, означаемымъ то медленною, то быстрою мѣрою ночныхъ пѣсней *Уллина*. *Тоскаръ* положилъ тамъ кинжалъ и стальную броню. Мы возвысили земляный оплотъ вокругъ сего камени, и рекли ему:

Вѣщай о насъ потомству, вѣщай слабымъ племенамъ, которыя достанутъ на мѣсто сильнаго племени *Селмы*: сынъ источника возвышенный днесь на земли! нѣкогда среди бурной ночи путешественникъ

придетъ успокоиться подъ твоею тѣнію. Шумъ трепещущихъ твоихъ мховъ родитъ въ немъ сонныя мечты. Прежнія лѣта предстанутъ его мысли. Онъ увидитъ кровавыя битвы, увидитъ Царей шествующихъ на подвигъ, и омраченную луну озаряющу неохотно сіе поле кровопролитія. Онъ возбудится съ денницею, и узритъ вокругъ себя гробы тысящи воителей. Какой это камень? вопроситъ онъ. Нѣкій старецъ отвѣчаетъ ему: камень сей возвышенъ *Оссіаномъ*, Героемъ временъ претекшихъ.

Каруль, Царь *Коламона*, другъ иноплеменныхъ, послалъ къ намъ Барда, и приглашаетъ насъ въ свои чертоги, въ жилище прекрасной *Кольна-Доны*. Мы приходимъ; мы возсѣли при его пиршествѣ. Почтенный сѣдинами Герой сей восхитился радостію, видя чадъ друзей своихъ возвышающихся, какъ два юныя древа, увѣнчанныя зеленымъ своимъ листіемъ.

Сыны Героевъ! рекъ онъ намъ, вы напоминаете мнѣ счастливое время, когда въ первый разъ вышелъ я на брегъ *Морвена*. Я стремился во слѣдъ *Каргласа*: наши предки были враги между собою. Мы сражались на брегѣ извучистаго источника *Клуты*. *Карглась* убѣгъ на волны Океана; корабли мои текли за нимъ во слѣдъ; но обманутъ мглою ночи, присталъ я къ чертогамъ *Сельмы*. *Фингалъ* встрѣтилъ меня съ своими Бар-

Бардами и съ *Конломъ*, мышцею смерти. Три дни пиршествовалъ я въ чертогахъ *Фингала*. Я видѣлъ въ нихъ прелестную *Роскрану*, дщерь Героевъ, честь племени *Кормахова*. При моемъ отшествіи почтили меня дарами, владыки дали мнѣ щиты свои. Они висятъ въ моихъ чертогахъ, какъ залогъ *Фингалова* дружества. Сыны Героевъ! вы напоминаете мнѣ счастливое претекшее время. *Карулъ* воспламенилъ пиршественный дубъ: онъ взялъ двѣ выпуклости щитовъ нашихъ, положилъ ихъ въ землѣ подъ камнемъ, да будутъ онѣ памятникомъ мира и дружелюбія для нашихъ потомковъ. Когда брань, вѣщалъ онъ намъ, возгремитъ въ сей странѣ, и когда чада наши готовы уже будутъ сразиться, воители моего племени, уготовляя копья свои, возврятъ можетъ быть на сей камень, и скажутъ: здѣсь предки наши клялись взаимнымъ себѣ дружествомъ и миролюбіемъ. Они скажутъ и положатъ свои щиты.

Ночь простерлась по небесамъ; дщерь *Каруля* шествуетъ; ея долгіе власы развѣваются, сладостный гласъ ея соединяется съ стройными звуками арфы. Видя *Кольна-Дону*, радость и любовь Героевъ, *Тоскаръ* сдѣлался печаленъ и задумчивъ. Образъ сея красавицы напечатлѣвался въ возмущенной душѣ его, какъ лучь солнца на взволнованномъ морѣ, когда онъ исторгшись изъ об-

лака, озаряетъ колеблющіяся волны моря...

. . . . . .

Утро возсіяло, мы возбудили отзывы лѣсовъ, мы поражали стрѣлами боязливыхъ сернъ; онѣ упадали на брегахъ источниковъ, гдѣ прежде привыкли покоиться; мы возвращались въ долину *Кроны*, какъ вдругъ увидѣли юнаго ратоборца грядущаго, изъ рощи со щитомъ и съ копіемъ безъ острія. Откуда шествуешь ты? рекъ ему *Тоскаръ*, миръ и тишина царствуетъ ли въ *Коламонѣ*, окрестъ жилища бѣлогрудой *Кольна-Доны*?

Кольна-Дона, отвѣтствуетъ младый воитель, обитала нѣкогда въ *Коламонѣ*, но нынѣ претекаетъ она пустыню съ сыномъ владыки, плѣнившимъ ея сердце.

Юный ратникъ! вогопилъ *Тоскаръ*, примѣтилъ ли ты стези, по которымъ уклонялся воитель сей? Онъ падетъ моими ударами, дай мнѣ щитъ твой. — Пылая мщеніемъ, пріемлетъ онъ щитъ, но подъ симъ оружіемъ вовдымалась грудь младой дѣвицы, бѣла какъ пухъ лебедя, плавающаго тихо и спокойно на зыбяхъ влажныхъ. То была *Кольна-Дона*, дщерь *Каруля*. Она видѣла *Тоскара*, видѣла его, и не могла не горѣть къ нему любовнымъ пламенемъ.

Конецъ второй и послѣдней части.

Bayerische Staatsbibliothek München

"Macpherson, James"

PR3544
.A58
1792
Rare Bk. Coll.

PR 3504
A65
1792
Rare Book Coll.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Macpherson, James

Ossian, syn Fingalov, bard tretjago věka: Galskija stichotvorenija

Bd.: 2

Moskva (1792)
P.o.rel. 8155 s-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10136410-5